

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

№ 2(22)
2010

Научный
и общественно-политический
журнал

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, засл. работник высшей школы РФ,
доктор юридических наук, профессор**

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

**Е.П. Жариков (зам. главного редактора),
В.Н. Антонов, П.Я. Бакланов, П.Ф. Бровко, В.К. Заусаев,
А.И. Коробеев, А.М. Кузнецов, Н.В. Кузнецова, В.А. Номоконов,
В.Ф. Печерица, Л.И. Романова, В.В. Савалей, В.Г. Сазонов, Р. Скалапино**

**№ 2(22)
2010**

Научный
и общественно-политический
журнал

Адрес редакции: 690950, г. Владивосток, ул. Мордовцева, 12
Дальневосточный государственный университет
Тел: (4232) 267-641

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2010

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was published first in 1999

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the
Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**E.P. Zharikov (Assistant to the Editor-in-Chief),
V.N. Antonov, P.Y. Baklanov, P.F. Brovko, V.K. Zauscaev, A.I. Korobeev,
A.M. Kuznetsov, N.V. Kuznetsova, V. A. Nomokonov, V.F. Pecheritsa,
L.I. Romanova, V.V. Savaley, V.G. Sazonov, R. Scalapino**

**№ 2(22)
2010**

**Scientific,
social and political
journal**

Address of the editorial office:
Far Eastern National University
12, Mordovtseva St., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: (4232) 267-641. Fax: (4232) 267-354

Vladivostok: Printed in the Far Eastern State University Press, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Терский М.В.</i> Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года	7
<i>Хорошавин А.В.</i> Механизм реализации промышленной политики в регионе	20
<i>Заусаев В.К., Третьяков Р.А., Шарко Е.Е., Омельчук В.А.</i> Проблемы развития машиностроения.....	27
<i>Жариков Е.П.</i> Завершается первое десятилетие XXI века	38

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО КЛАССА ОБЩЕСТВА

<i>Кузнецова Н.В.</i> Средний класс — гарант экономической стабильности?	47
--	----

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Горбунов Н.М., Крыжановская Г.В.</i> Бюджетная обеспеченность субъектов Российской Федерации в системе межбюджетных отношений	65
<i>Тодоров А.И.</i> Проблемы платы за пользование пляжно-прибрежными ресурсами.....	72
<i>Салтыков М.А.</i> К формированию кластера морского транспортного комплекса Приморского края	84

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АТР

<i>Биниконский Л.Б.</i> Военно-техническое сотрудничество России со странами АТР	91
--	----

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

<i>Ролик А.И.</i> Стратегия государственной антинаркотической политики России и противодействие наркопреступности в Дальневосточном федеральном округе.....	106
<i>Цой Н.А.</i> Информационная политика государства и феномен Интернет-зависимости в России и Китае.....	114
<i>Кузнецова А.В.</i> Профсоюзы по праву Соединенного королевства Великобритании, США и Республики Корея	122

РЕЦЕНЗИИ

<i>Романова Л.И.</i> Рецензия на учебник «Уголовное право России».....	126
Аннотации к статьям на русском языке	130
Аннотации к статьям на английском языке	134
Сведения о членах редколлегии	138

CONTENTS

THE ECONOMY OF RUSSIAN FAR EAST

<i>Tersky M. V.</i> Development strategy of the Far East and the Baikal region till 2025	7
<i>Khoroshavin A. V.</i> The mechanisms of implementing industrial policies in the region	20
<i>Zausaev V. K., Tretyakov R. A., Sharko E. E., Omelchik V. A.</i> The problems of the development of the mechanical engineering	27
<i>Zharikov E. P.</i> 10 years of XXI centenary are coming to the end	38

PROBLEMS OF MIDDLE CLASS IN THE SOCIETY

<i>Kuznetsova N. V.</i> Is the middle class guarantee for the economic stability	47
--	----

REGION BUSINESS ANALYSIS

<i>Gorbunov N. M., Vladimirovna Kryzhanovskaya G. V.</i> Budgetary means of subjects of Russian Federation in the system of inter-budgetary relations	65
<i>Todorov A. I.</i> Payment problem for seaside resources use	72
<i>Saltykov M. A.</i> The clustering of the sea transport complex of Primorsky territory	84

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF COUNTRIES OF APR

<i>Binikonskiy L. B.</i> Russian Military-technical cooperation with the countries of ATR	91
---	----

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

<i>Rolik A. I.</i> The national anti-narcotic policy strategy in Russia and counteraction against drug-related criminality in the Far Eastern Federal District of RF	106
<i>Tcoy N. A.</i> An Information policy of a state and the phenomenon of the Internet dependency in Russia and China	114
<i>Kuznetsova A. V.</i> Labor union of United Kindom, USA and Republic of Korea	122

CRITICAL REVIEWS

<i>Romanova L. I.</i> The review is dedicated to survey of the textbook «Criminal law in Russia»	126
Short description of articles (Russian versions)	130
Short description of articles (English versions)	134
College members' data	138

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Безусловно, что интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствие с целью рубрика журнала, издаваемого Дальневосточным государственным университетом 2 раза в год, предполагает следующие публикации:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;

- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

- справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

- обзоры деятельности региональных организаций;

- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Необходимо отметить также, что в журнале помимо указанных проблем предполагается освещение и иных региональных аспектов — демографических, экологических и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала. В первую очередь это относится к сотрудникам Дальневосточного государственного университета, работникам других вузов, научных институтов, специалистам, знающим на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для участия в издании журнала достаточно присылать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы, таблицы и рисунки с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности и места работы, ученой степени и звания. Присланная *рукопись должна иметь: название статьи на русском и английском языках; email для связи с читателями; аннотацию на русском и английском языках; ключевые слова на русском и английском языках*. Она должна быть высокого качества: текст через 1 интервал с полями (поля зеркальные): верхнее — 20 мм, нижнее — 30 мм, внутри — 20 мм, снаружи — 25 мм, переплет 0, шрифт № 12. К рукописи прилагать электронный вариант, записанный в редакторе WORD на CD-R (Материалы на дискетах не принимаются и не рассматриваются).

Ссылки давать в квадратных скобках с помещением источников в конце статьи (например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]».

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока, и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретения направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Мордовцева, 12, зам. гл. редактора.

Тел.: (4232) 26-76-41. Факс: (4232) 22-78-25. E-mail: Zharikov@mail.dvgu.ru

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ДО 2025 ГОДА

*М.В.Терский**

Вопрос о стратегии развития дальневосточных территорий России является дискуссионным в виду отсутствия по нему согласованных позиций, как среди экспертов, так и между правительственными и региональными центрами власти. В течение 15 последних лет центральное правительство так и не смогло четко определиться: «Что означает для России экономика Дальнего Востока? Что делать с растущим уровнем миграционной мобильности населения и оттока предпринимательского капитала?».

Исторический контекст дальневосточной политики Правительства России позволяет выделить три особенности, под воздействием которых и формировалось отношение Центра к периферийным восточным территориям:

Первая особенность — это подчиненность внешним целям при слабой связи с внутренним рынком. В политике центрального правительства России стратегические цели развития территорий российского Дальнего Востока РДВ всегда были производными не от внутренних, а от внешних целей:

□ XVIII в. — удовлетворение растущих государственных потребностей в валюте (пушнина, золото, морской зверь и т.д.) и глобальное соревнование с европейскими государствами по формированию территориальных империй;

□ XIX в. — борьба с ведущими мировыми державами за контроль над территорией Китая, строительство крупных инфраструктурных проектов: Транссиб, КВЖД, военно-морские порты и базы во Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Сахалине;

□ XX в. — создание военного пояса «коммунистической безопасности» по тихоокеанскому побережью от Северного океана до Индийского океана;

□ в XXI в. дальневосточные территории оказались в ситуации, когда долгосрочные целевые ориентиры России со странами АТР не определены, а институциональный каркас экономических отношений не сформирован. Нет рамочных договоров и планов в области гармонизации экономической политики с приграничными государствами. Федеральная целевая программа (ФЦП) «Владивосток — форум АТЭС 2012 г.» ориентирована на инфраструктурные задачи. Однако содержательные задачи будущего использования

* *Терский Михаил Васильевич* — доктор экономических наук, профессор кафедры государственных и корпоративных финансов ИМБ ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: <terski@mail.ru>

строящейся инфраструктуры не рассматриваются. Задача увеличения объемов внешней торговли идет под лозунгом колониальных эпох: «иностранные товары и технологии в обмен на сырьевые ресурсы Сибири и ДВ», что ведет к росту политической напряженности между центром и нарождающимися новыми местными политическими элитами. Нечеткость стратегических ориентиров является ограничивающим фактором по привлечению в экономику ДВ иностранных инвестиций.

Вторая особенность — низкая плотность населения и капитала, обуславливающая смещение акцента не на экономический, а военно-политический контроль территории, что порождает следующие проблемы:

□ высокий уровень монопольных эффектов. В разряженном социально-экономическом пространстве любое предприятие даже со средним уровнем технологической конкурентоспособности легко становится локальным монополистом, не говоря уже о государственных компаниях;

□ в условиях ограниченных финансовых ресурсов формирование новой инженерной, энергетической и транспортной инфраструктуры на всем пространстве РДВ экономически не целесообразно. Сроки окупаемости целого ряда инфраструктурных проектов находятся за пределами 2050 г. и дальше. Это обуславливает необходимость концентрации федеральных ресурсов в крупных агломерационных центрах, в ущерб всей остальной территории, что вызывает рост социально-политической напряженности между различными территориями;

□ растущий тотальный дефицит высокоэффективных инвестиций, что обуславливает высокий уровень процентных ставок и неприемлемый уровень инвестиционных и коммерческих рисков;

□ стратегия формирования нового индустриального пояса вдоль Транссиба по углубленной переработке ресурсов несет в себе повышенный масштаб рисков. Независимо от глубины переработки, спрос на эту продукцию находится на внешних рынках, которые национальным бизнесом не контролируются. В условиях временного уплотнения экономических циклов в промышленных зонах по переработке экспортноориентированных ресурсов резко возрастает масштаб социальных рисков («эффект Пикалева»).

Третья особенность — крайне низкий уровень спроса на инновационные инвестиции. У регионального бизнеса и топ-менеджеров отсутствует мотивация к инновационному риску. В условиях слабой конкуренции и высокой монополизации производственного бизнеса — это избыточная роскошь, порождающая следующие проблемы:

— качество выпускников дальневосточных вузов с 1990-х выросло, но с точки зрения международных критериев конкурентоспособности оно остается на уровне средней профессиональной подготовки (техникума). Специалисты, обладающие навыками решения современных профессиональных задач, составляют не более 10%;

— на данный момент времени нет никаких инструментов, позволяющих привлекать на Дальний Восток талантливых менеджеров, инженеров, ученых. Самое главное — у центрального правительства нет понимания, какие институциональные формы для этого нужно создать.

Анализ складывающихся тенденций позволяет выделить две базовых проблемы, которые в течение ближайших 10-15 лет будут определять характер социально-экономических процессов на территориях РДВ и Байкальского региона:

первая проблемная ситуация — это сжимающееся экономическое и социальное пространство ДВФО и Байкальского региона относительно России и рост зависимости дальневосточной и байкальской экономик от уровня интеграционного встраивания в рынки АТР;

вторая проблемная ситуация — растущая экономическая и социальная автаркия территорий ДВФО и Байкальского региона от центральных регионов России и усиливающаяся внутри региональная промышленная дезинтеграция.

Традиционно оценка эффективности региональной социально-экономической политики осуществляется на основе использования методологии «абсолютной эффективности». Она ориентирована на сравнение своих собственных показателей в некоем времени. Выбор временной точки отсчета, как правило, зависит от субъективных усмотрений автора. Наиболее яркие критики региональной государственной политики берут за основу последние годы советского строя, а умеренные оптимисты точкой отсчета считают 1999-2000 гг., когда начался этап ускоренного общего роста экономики России. С точки зрения методологии «абсолютной эффективности» на Дальнем Востоке и Байкальском регионе все в порядке. Темпы роста ВРП, объемы инвестиций в основной капитал внешнеторгового оборота в период 2000-2008 гг. находились на уровне средних значений по России. Это позволяло публично заявлять о достаточно высокой эффективности государственной стратегии в отношении дальневосточных и байкальских территорий.

Однако если подойти к оценке региональной социально-экономической политики с позиций методологии «сравнительной эффективности», то картина «успешности» меняется на противоположную. «Сравнительная эффективность» базируется на оценках сравнения полученных результатов с «другими», наиболее успешными. В данной статье результативность «социально-экономической региональной политики в ДВФО и Байкальском регионе» оценивается через изменение доли в общем результате относительно России в целом. В качестве временной точки расчета берется 1995 г., поскольку именно с этого периода начали формироваться новые подходы к стратегии регионального развития.

На рис. 1 приведена сравнительная динамика роста ВРП по федеральным округам России в 2008 г. относительно 1998 г., из которой следует, что по темпам экономического роста среди федеральных округов России ДВФО является отстающим. В 1998-2008 гг. общая динамика экономического роста

была удержана в основном за счет крупномасштабных инвестиционных проектов с участием иностранного капитала в нефтегазовых проектах Сахалинской области.

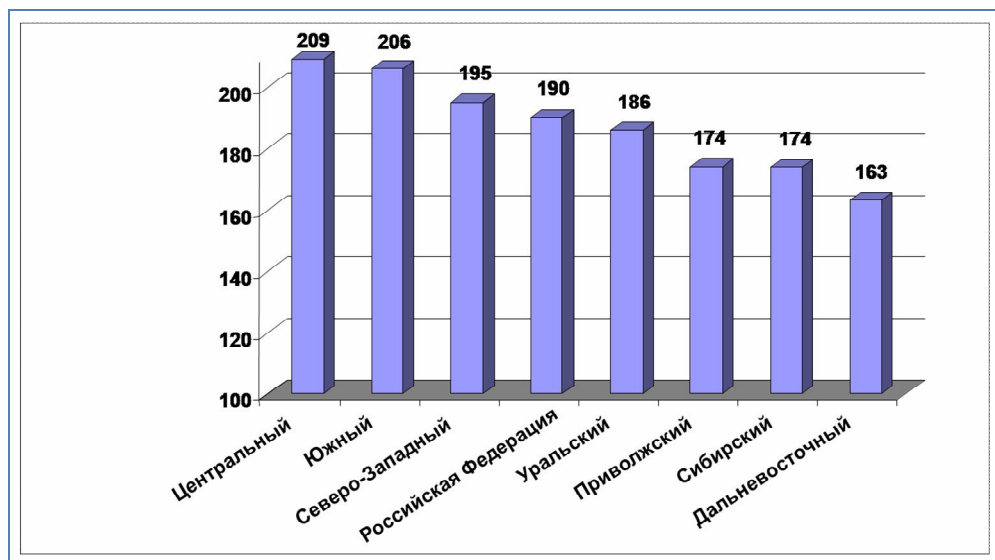

Рис. 1. Динамика ВРП по федеральным округам России в 2008 г. относительно 1998 г., %

Регрессионный макроэкономический анализ позволил выделить следующие факторы, обуславливающие растущую сравнительную «экономическую отсталость» территорий ДВФО и Байкальского региона:

- структурно-демографические дефекты (сырьевая и производственная монопрофильность на территориях с низкой плотностью населения). На данный фактор приходится 37-40% весовой нагрузки;

- накопление инвестиций со снижающей сравнительной отдачей, 22-25%;

- низкая конкурентоспособность отраслей региональной специализации на внутреннем рынке, 16-18%;

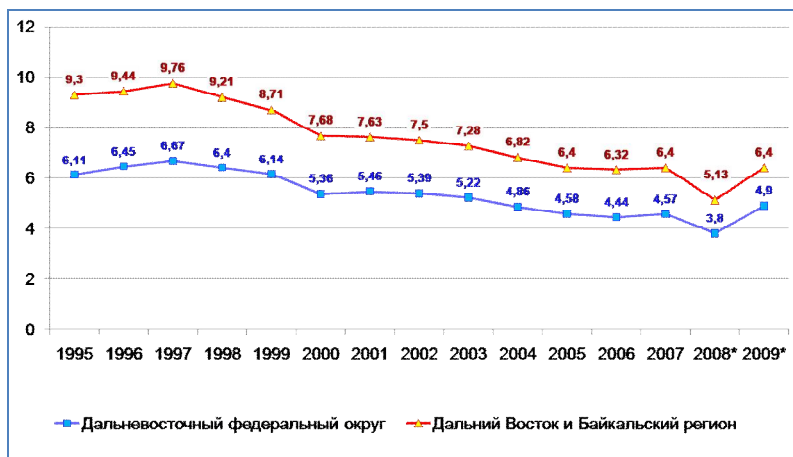
- высокие темпы «экономической люмпенизации» трудоспособного населения, что проявляется в разбалансированности миграционных потоков: уезжают высококвалифицированные, приезжают низкоквалифицированные, 10-12%;

- неэффективная модель интеграционного встраивания регионального бизнеса в отраслевые рынки АТР. На данный фактор приходится около 10% весовой нагрузки.

Данные о динамике изменения удельной доли ВРП территорий Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона относительно России приведены на рис. 2.

Анализ динамики изменения удельной доли ВРП территорий ДВФО и Байкальского региона относительно России позволяют сделать следующие выводы:

1. За 15 лет (1995-2009 гг.) доля регионального продукта ДВФО в совокупном ВРП России уменьшилась на 1,54%, а доля ВРП ДВФО и Байкальского региона — на 2,9%;

* оценка

Рис. 2. Доля ВРП ДВФО и Байкальского региона в суммарном ВРП России, %

2. В 2008 г., в условиях зарождающегося экономического кризиса произошло снижение удельной доли ВРП ДВФО относительно России на 0,77%, а ДВФО и Байкальского региона — на 1,27%. Таким образом, экономический кризис начал оказывать негативное влияние на экономику дальневосточных территорий раньше, чем на экономики других российских регионов;

3. В 2009 г. относительно 2008 г. доля ДВФО в ВРП России выросла на 1,1%, а ДВФО и Байкальского региона — 1,27%. Следовательно, кризисная ситуация 2009 г. для экономик ДВФО и Байкальского региона в сравнении с другими регионами России оказалась менее сложной. Это связано с тем, что со стороны стран АТР, прежде всего Китая, не произошло существенного сокращения спроса на сырьевые товары, поставляемые предприятиями ДВФО на внешние рынки;

4. Тенденция сокращения доли ВРП в общероссийском продукте складывается на фоне устойчивого роста абсолютных значений ВРП. За период 2000-2009 гг. ВРП ДВФО в абсолютных значениях увеличился на 5,2%, а ДВФО и Байкальского региона — в 4,8 раза. Сравнение абсолютных и удельных значений ВРП позволяет сделать вывод, что развитие экономики территории ДВФО и Байкальского региона отстает от других регионов России, тем самым накапливается общая «экономическая отсталость»;

5. Из общей тенденции сокращения доли ВРП ДВФО и Байкальского региона относительно России «выбивается» Сахалинская область. За период

1995-2009 гг. ее удельная доля в ВРП России выросла на 0,44%. Это связано с реализацией крупномасштабных нефтегазовых проектов на шельфе Сахалина, осуществляемых зарубежными компаниями. Однако по прогнозным оценкам Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) на период до 2025 г. темпы прироста ВРП Сахалинской области будут сокращаться из-за снижения инвестиций в разработку шельфовых месторождений. Если в 2009 г. по прогнозным оценкам доля Сахалинской области в ВРП ДВФО составила 19,45%, то в 2025 г. она сократится до 3,02%;

6. Согласно МЭРТ к 2025 г. в структуре ВРП ДВФО наиболее существенно изменится место экономики Хабаровского края. Ее доля вырастет с 17,7% в 2009 г. — до 31% в 2025 г. Это связано с тем, что в правительственной Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. Хабаровский край рассматривается как системообразующий региональный центр ускоренного промышленного роста. Доля Приморского края останется практически без изменения, около 23% ВРП ДВФО. Его стратегические перспективы связаны с развитием сервисных производств.

Ключевым фактором поддержания устойчивого экономического роста дальневосточных и прибайкальских территорий в 1995-2009 гг. был высокий объем прироста абсолютных значений инвестиций в основной капитал, относительно России данные приведены на рис.3.

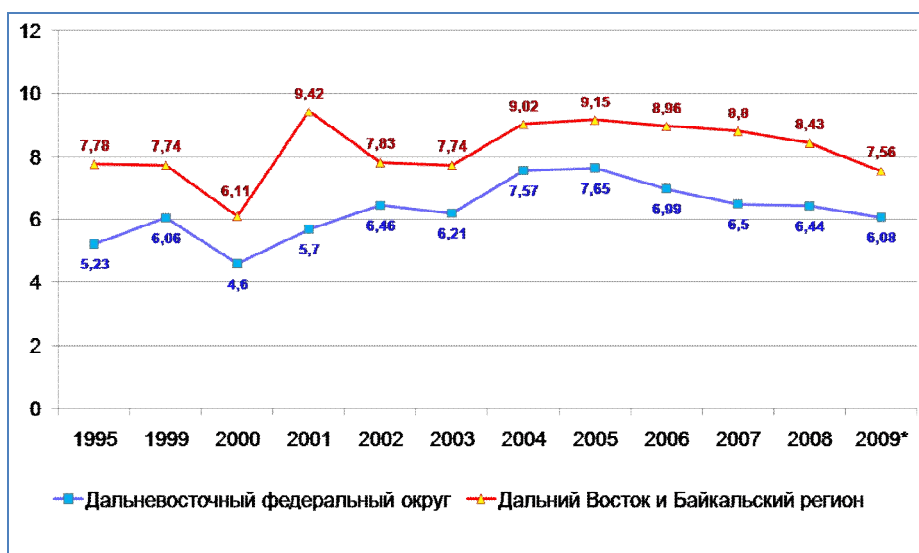

Рис.3. Доля инвестиций ДВФО и Байкальского региона в общем объеме инвестиций в основной капитал России, %

Анализ динамики инвестиций в основной капитал дальневосточных и байкальских территорий в инвестициях России позволяет сделать следующие выводы:

1. Объем инвестиций, задействованный в 1995-2008 гг. для модернизации экономики ДВФО, характеризуется как устойчивый. Доля инвестиций в основной капитал территорий ДВФО относительно России выросла на 1,21%, а ДВФО и Байкальского региона — на 0,77%. При этом доля основных фондов ДВФО относительно России сократилась в 2,1 раза, и рост инвестиций в основной капитал не обеспечивал выбытие основных фондов;

2. За период 2005-2009 гг. доля территорий ДВФО в инвестициях в основной капитал относительно России сократилась с 7,57% до 6,08%, а доли ДВФО и Байкальского региона с 9,15% до 7,56%. Т.е. в последние 4 года начала складываться тенденция роста «инвестиционной отсталости» дальневосточных территорий. В 2005-2008 гг. доля инвестиций в структуре ВРП ДВФО составляла свыше 30%, в 2008 г. — около 41%. В 2009 г. она сократилась, но осталась на достаточно высоком уровне — 28,1% и 30,8%. Свыше 80% инвестиций в экономику ДВФО в 2005-2009 гг. поступило через бюджетные каналы и компании, контролируемые государством. Так центральное правительство обеспечивало основной объем инвестиций в экономику ДВФО и Байкальского региона. Однако при этом необходимо отметить, что увеличение объема государственных инвестиций не смогло переломить тенденцию сокращения доли ВРП ДВФО и Байкальского региона относительно России. Частный бизнес слабо реагировал на активизацию государственной инвестиционной политики. В 2000-2009 гг. на территориях ДВФО в общем объеме инвестиций в основной капитал доля частных инвестиций сократилась на 7,8%;

3. До 2006 г. наибольший объем инвестиций в основной капитал обеспечивался через частные проекты, реализуемые иностранными компаниями на Сахалине. С 2006 г. его сахалинская доля начала сокращаться. За период 2006-2009 гг. общее сокращение составило 1,84%. Вслед за иностранными компаниями и российские госкорпорации начали сокращать инвестиционные затраты на новые проекты. В частности ОАО «Роснефть» отказалось от лицензий в проектах «Сахалин-4» и «Сахалин-5»;

4. В 2009 г. основной прирост инвестиций в основной капитал был получен на территории Приморского края. В 2009 г. его доля в инвестициях в основной капитал России выросла по сравнению с 2008 г. с 0,83% до 1,63%. Опережающий инвестиционный прирост связан с крупномасштабными государственными проектами, реализуемыми в рамках ФЦП «ДВО и Забайкалье до 2013 г.»;

5. В 2010-2025 гг. наибольший объем инвестиций в основной капитал придется на Республику Саха (Якутия). Их доля в инвестициях ДВФО вырастет с 25,1% в 2009 г. до 29,2% в 2025 г., второе место — Хабаровский край. Ожидаемый рост инвестиций в основной капитал с 16,2% в 2009 г. — до 23,5% в 2025 г.

Динамика изменения доли постоянного населения дальневосточного и байкальского регионов относительно России отражена на рис. 4. Её анализ позволяет сделать следующие выводы:

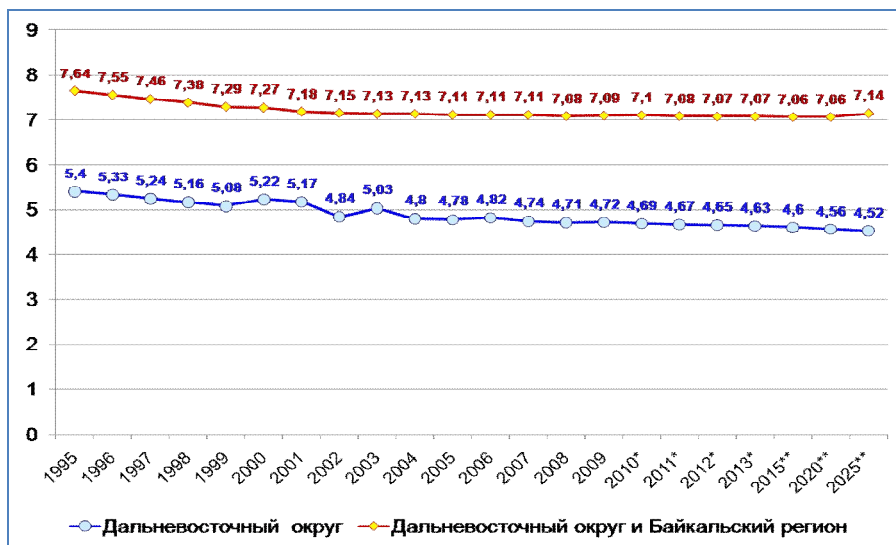

Рис. 4. Доля населения ДВФО и Байкальского региона в постоянном населении России, %

1. До 2025 г. в ДВФО и Байкальском регионе будет действовать устойчивая тенденция снижения социальной плотности территорий. Доля населения территорий ДВФО относительно России будет сокращаться, а темпы общих потерь постоянного населения в этих регионах будет выше, чем в целом по России. Так, в период 1995-2009 гг. население территорий ДВФО относительно России сократилось на 0,42%, а доля ДВФО и Байкальского региона — на 0,5%. В соответствии со сложившимися тенденциями, если не появятся новые факторы, за период 1995-2025 гг. в абсолютном значении территории ДВФО потеряют 1,04 млн человек или 14,14%, а вместе с территориями Байкальского региона — 1,35 млн человек. По прогнозным оценкам за период 2010-2025 гг. темпы сокращения населения ДВФО относительно России снизятся. Однако общие потери составят около 60-70 тыс. человек. Это приведет к еще большей социальной разреженности территорий, и как следствие — к сжатию внутрирегионального потребительского спроса;

2. Среди дальневосточных и байкальских территорий только доля постоянного населения Республика Саха (Якутия) будет иметь положительный рост относительно России, от 0,69% в 1995 г. — до 0,72% к 2025 г.

Наиболее неблагоприятный прогноз для Приморского края. Ожидаемое сокращение — от 1,51% в 1995 г. — до 1,35% в 2025 г.;

3. Среди факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на темпы снижения постоянного населения в ДВФО и Байкальском регионе можно назвать следующие:

□ растущий миграционный отток населения старших возрастов, родившихся и приехавших на РДВ в период 1950-1990 гг. За 2000-2009 гг. уровень миграции среди них вырос в 1,8 раза, что обусловлено их слабой исторической и культурной закрепленностью с территориями региона. После выхода на пенсию этих людей мало что удерживает на РДВ. При этом уровень жизни дальневосточных пенсионеров на 25-30% ниже, чем в центральных регионах России;

□ низкий уровень рождаемости, обусловленный высокой по сравнению с центральными регионами России стоимостью содержания, воспитания и обучения детей, а также ограниченным доступом к качественной социальной инфраструктуре детских садов, поликлиник, школ. Затраты на содержание и обучение детей в ДВФО в 1,6-2,1 раза выше, чем в центральных регионах России;

□ более низкой продолжительностью жизни, которая в среднем на 2-3 года короче, чем в среднем по России, а у мужчин — на 4-5 лет.

Динамика удельной доли трудоспособного населения дальневосточных и байкальских регионов относительно России (рис. 5) показывает:

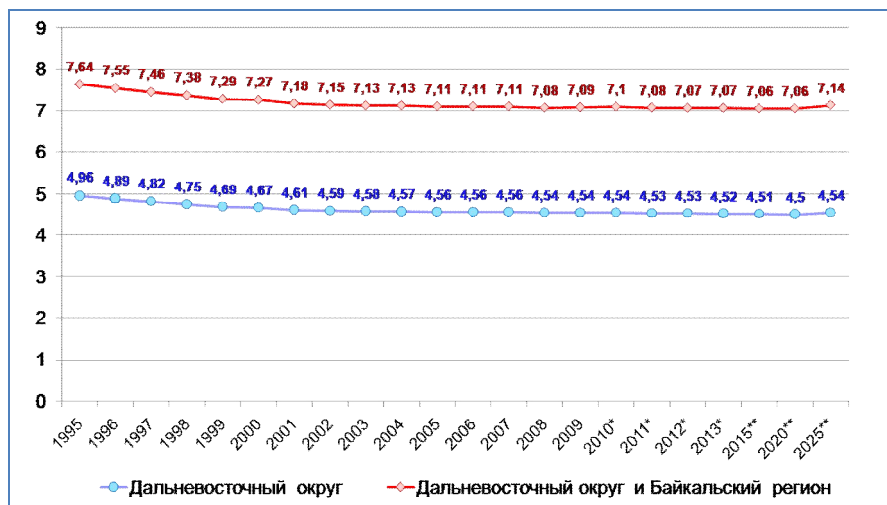

Рис.5. Доля населения ДВФО и Байкальского региона в трудоспособном населении России, в %

1. В ДВФО и Байкальском регионе до 2025 г. будет действовать тенденция снижения численности трудоспособного населения. За период 1995-2025 г. доля трудоспособного населения ДВФО относительно России сократится на 0,88%, а вместе с Байкальским регионом — на 0,5%. В абсолютном значении ДВФО потеряет 1,1 млн трудоспособного населения, с территориями Байкальского региона — 1,44 млн человек. В течение 2010-2025 гг. темпы снижения снизятся, но в целом трудоспособное население ДВФО сократиться еще на 60-65 тыс. человек. Как следствие, возрастет дефицит трудовых ресурсов для отраслей с экстремальными условиями труда (морской транспорт, рыбопромышленное, лесное,

горное производства). Стоимость привлечения трудовых ресурсов в новые производства в затратах бизнеса будет расти, что негативно скажется на общем уровне конкурентоспособности дальневосточных предприятий;

2. Сокращение численности трудоспособного населения будет происходить более быстрыми темпами, чем сокращение общей численности постоянного населения из-за более высоких темпов старения по отношению к темпам рождаемости. Складывающаяся тенденция создаст дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру. В частности, существующая система здравоохранения не готова работать в условиях роста численности людей старших возрастов, для которых требуется иное медицинское обслуживание, фармакология, иная система диагностики и скорой медицинской помощи;

3. Среди факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на темпы снижения доли трудоспособного населения ДВФО и Байкальского региона, можно назвать следующие:

□ деформированная система подготовки кадров. Свыше 80% выпускников дальневосточных средних школ получают высшее образование. Региональный рынок труда переполнен специалистами с высшим образованием, что перестало быть фактором жизненного успеха. Это выталкивает молодых людей в возрасте 25-35 лет в центральные регионы России. По социологическим опросам каждый второй выпускник дальневосточных вузов хочет уехать с Дальнего Востока;

□ высокая по сравнению с центральными регионами России стоимость приобретения жилья, которая выше среднероссийских на 28-35%. Высокая стоимость ипотечных кредитов и ограничение их получения для жителей городов с численностью населения ниже 100 тыс. человек;

□ жесткая политика центрального правительства, направленная на ограничения частной инициативы во внешней торговле, стала существенным фактором роста миграционных настроений, прежде всего среди представителей малого бизнеса в возрасте 35-45 лет. Масштабная миграция данной категории людей приведет к сокращению темпов прироста ВРП, что сделает невозможным достижение показателей, заложенных правительством в «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.»;

□ изменение системы управления издержками сырьевого производства. Большинство сырьевых компаний новые инвестиционные проекты запускает с использованием технологий вахтового освоения, что приводит к исчезновению жесткой связи между рабочим местом и местом постоянного жительства. Сырьевые и девелоперские компании все в большем объеме используют мировой рынок труда, а не местный. В этих условиях постоянное проживание на РДВ становится социально и экономически затратным и невыгодным.

Показателем растущей экономической и социальной «автаркии» территорий ДВО и Байкальского региона может служить динамика грузо- и пассажиропотоков относительно России (рис. 6). Перевозки железнодорожным и

автомобильным транспортом составляют более 97% в общем объеме перевозок на РДВ. Их анализ показывает:

1. В ДВФО и Байкальском регионе сложилась устойчивая тенденция снижения грузовой базы для железнодорожного и автомобильного транспорта. За период 1995-2009 г. доля грузовых перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом ДВФО относительно России сократилась на 7,64%, а вместе с Байкальским регионом — на 9,81%. В перспективе до 2025 г. общая грузовая база железнодорожного и автомобильного транспорта РДВ сократится на 275 млн т — или 61,7%, с Байкальским регионом — на 327,9 млн т;

2. Снижение грузовой базы на РДВ будет вызвано следующими факторами:

□ создание дальневосточной нефте-трубопроводной системы с общим объемом перекачки, включая сахалинское направление свыше 70 млн т, модернизация и строительство в портовых зонах нефте-перерабатывающих производств;

□ изменение структуры грузовой базы сырьевых товаров, обусловленной переходом к стратегии глубокой переработки сырья (лес, металлургическое сырье, рыба и т.д.);

□ переход к инновационной модели экономики, обуславливающей снижение материалоемкости перевозимой продукции;

□ ограничение объемов потребительского импорта из стран АТР.

Показателем растущей социальной «автаркии» территорий ДВФО может служить снижающаяся доля пассажиров, совершающих поездки в другие регионы России, рис. 7.

С 1995 г. по 2009 г. в общем объеме пассажиропотока доля пассажиров, совершивших поездки с Дальнего Востока в другие регионы России, сократилась на 5,6%.

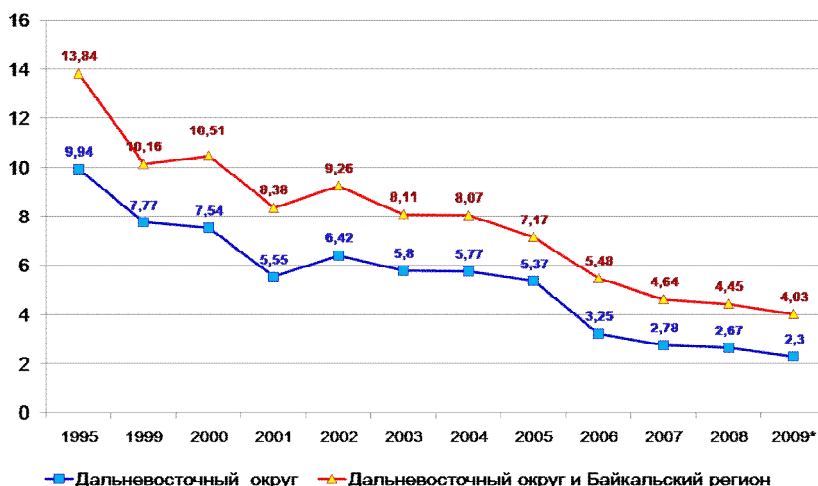

Рис. 6. Доля грузов привезенных железнодорожным и автомобильным транспортом ДВФО и Байкальским регионом относительно России, %

Даже в кризисный 2009 г., несмотря на поддержку центрального правительства (оплата 50% стоимости авиабилетов до Москвы и Санкт-Петербурга для отдельных категорий граждан), доля совершивших поездки за пределы ДВФО сократилась на 0,36%.

Рис. 7. Динамика доли пассажиров, совершивших поездки с территории ДВФО в другие регионы России, % от общего объема

Проведенный анализ, спроектированный на дальневосточную политику Правительства России, показывает:

1. Отрицательные стороны государственной политики в период 1995-2009 гг. относительно ДВФО:

1.1. В 1995-2009 гг. сложились устойчивые тенденции сокращения доли РДВ и Байкальского региона в ВРП страны, стоимости основных фондов, ввода жилья;

1.2. Заметно ухудшились бывшие и при советской власти невысокими показатели продовольственной обеспеченности. Сегодня даже южные регионы Дальнего Востока обеспечены собственным продовольствием менее чем на 50%;

1.3. Темпы роста реальной заработной платы в 1995-2009 гг. на Дальнем Востоке устойчиво отставали от среднероссийских. Если в целом в стране за этот период она выросла в 5,5 раз, то у дальневосточников только в 3,8 раза. Заметное отставание сложилось также и по динамике реальных доходов населения (кроме Сахалинской области);

1.4. ДВФО отличается минимальными среди всех других федеральных округов показателями ввода жилья. С 1995 г. по 2009 г. здесь вводилось в эксплуатацию в среднем не более 0,2 кв.м. общей жилой площади на человека в год, что почти в два раза ниже, чем в среднем по России;

1.5. Не удалось создать действенных экономических стимулов поддержки частных и иностранных инвестиций в экономику ДВФО и Байкальского региона. В 1995-2009 гг. в общем объеме инвестиций в основной капитал доля частных капиталовложений на территориях ДВФО и Байкальского региона составила менее 30%.

2. Положительные стороны государственной политики в период 1995-2009 гг. относительно территорий ДВФО:

2.1. В 2009 г. ДВФО — единственный регион страны, где сохранились положительные показатели социально-экономического развития: промышленное производство выросло на 2,6%, а инвестиции в основной капитал — на 10,5%. Соответствующие общероссийские показатели были за этот же период глубоко отрицательными — уменьшение на 13,3% и 18,8%;

2.2. В 2009 г. успехи дальневосточного промышленного роста были обеспечены исключительно за счет наращивания добычи нефти и газа на Сахалине в связи с завершением второй очереди проекта «Сахалин-2», а также 10%-ного прироста производства в Амурской области, связанного со строительством Бурейской ГЭС. Следует отметить также ряд успешных, не почувствовавших кризис добывающих производств в Магаданской области, обеспечивших плюсовой прирост в целом по промышленности. Все остальные дальневосточные регионы, и даже получающее гигантские федеральные инвестиции Приморье, показали в 2009 г. заметный спад промышленного производства.

2.3. В 1985-2009 гг. основным фактором развития экономики ДВФО и Байкальского региона стали бюджетные инвестиции. Они обеспечили более 70% темпов прироста ВРП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в цифрах 1996-2009 гг. — Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели, 1996-2009 гг. — Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
3. Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года — Официальный сайт Минпромторг Правительства России — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minprom.gov.ru>
4. Федеральная целевая программа ДВ и Забайкалья до 2013 года — Официальный сайт федеральные целевые программы Правительства России — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.programs-gov.ru>

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

*А.В. Хорошавин**

Несмотря на наличие значительных научных исследований в области промышленной политики, ее проблематика как фактора управления экономическим развитием на макро- и мезоуровнях себя не исчерпала.

Многие регионы России еще в 90-е годы прошлого века начали проводить «снизу» региональную промышленную политику, вызванную резким ухудшением социально-экономического положения, ростом безработицы и социальной напряженности. Местные региональные власти, которые ближе к населению и отвечают за главные параметры его жизнедеятельности (безработица, уровень, качество жизни и др.), не могли не разрабатывать свои варианты сдерживания нарастающего кризиса. Отсюда значительная активность регионов в сфере промышленного развития в 90-е годы. Эта практика сохранена в 2000-е годы.

В настоящее время разработана промышленная политика Сахалинской области. Отдельные ее элементы опубликованы в научных изданиях. В данной статье рассмотрены механизмы управления промышленным развитием как одного из наиболее сложных элементов государственного регулирования жизнедеятельности на ее территории.

Наиболее разработанными способами здесь являются: областные целевые программы; участие в федеральных мероприятиях по поддержке развития экономики (целевые и инвестиционные программы, особые экономические зоны, национальные проекты и др.); развитие государственно-частного партнерства; финансовая поддержка предприятий и организаций бюджетом области; правовое и институциональное обеспечение промышленной политики и др.

Действующее федеральное законодательство ограничивает возможности областной администрации непосредственного участия в управлении экономикой и промышленностью. Поэтому подавляющая часть программ, реализуемых сегодня в области, относится к числу социальных. Всего три целевые программы относятся к экономическому развитию области: Программа развития и совершенствования сети автомобильных дорог общего пользования; Электронный Сахалин; Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Сахалинская область может существенно расширить свое участие в других Федеральных целевых программах (ФЦП) и Федеральной адресной инвестиционной программе (ФАИП). Здесь, как и в любом другом регионе России, реализуются значительные по величине федеральные финансовые ресурсы для строительства объектов инфраструктуры, топливно-энергетического комплекса (ТЭК), важнейших отраслей экономики. Главными каналами их

* *Хорошавин Александр Вадимович* — кандидат экономических наук, губернатор Сахалинской области.

поступления являются: ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье», ФЦП «Курилы» и другие федеральные программы.

Так, в ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье» включено 18 объектов Сахалинской области, общей стоимостью 65,2 млрд руб. Планируется инвестировать за счет федерального бюджета 43,0 млрд руб., регионального и местного бюджетов — 6,3, внебюджетных источников — 15,8 млрд руб.

В ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов на 2007–2015 гг.» предусматривается выделить 17,9 млрд руб., в том числе за счет федерального бюджета — 14,2, бюджета Сахалинской области — 1,1, внебюджетных источников — 2,6 млрд руб.

Значительные резервы связаны с включением объектов промышленности Сахалинской области в ФАИП, в том числе по объектам топливно-энергетического комплекса, рыболовства, лесного хозяйства, транспорта, дорожного хозяйства, связи и информатики.

Особую роль в реализации промышленной политики Сахалина должны сыграть областные программы. Наиболее существенными из них станут:

- целевая программа «Развитие инновационной инфраструктуры на 2010—2013 гг. и на период до 2025 г.». Ее основными объектами выступают областной инновационный центр на базе СахГУ в составе бизнес-инкубатора, центр трансферта технологий, школы инновационного менеджмента, офисы коммерциализации инноваций; муниципальные центры поддержки малого предпринимательства; консалтинговые и проектно-конструкторские фирмы по основным отраслям экономики;

- целевая программа «Подготовка территорий для развития промышленных узлов и зон интенсивного развития». Она включает зоны интенсивного развития в Невельском, Томаринском, Углегорском, Ногликском районах и на Курилах; совместно с соответствующими муниципальными образованиями предполагается проведение их картирования, инвентаризации земель, предприятий, наличных фондов, осуществление разработки и уточнения схем районной планировки и планов застройки поселений, разработка и реализация мероприятий по подготовке территорий к освоению;

- целевая программа «Развитие профессионального образования на 2010—2015 гг. и более отдаленную перспективу», предназначенная для повышения эффективности профессионального образования, более полного соответствия состава специальностей потребностям области, создания механизмов взаимодействия учебных заведений, выпускников и работодателей;

- программа развития общественных объединений малого и среднего бизнеса и саморегулируемых организаций, нацеленная на наиболее перспективные объекты программного управления — объединения (организации) береговых предприятий рыбной промышленности, предприятий активного рыболовства, промышленности строительных материалов, жилищно-коммунального хозяйства;

- программа газификации области, включающая поэтапное строительство газоотводов, газораспределительных станций, межпоселковых и поселко-

вых газовых сетей для газификации области, замену угольных котлоагрегатов на газовые, подготовку для освоения нового оборудования;

- программа развития прибрежного рыбохозяйственного комплекса на 2011–2015 гг. и на период до 2025 г., нацеленная на оказание поддержки малым и средним предприятиям по модернизации производства, расширению номенклатуры выпускаемой продукции, углублению степени переработки сырья;

- программа обновления и модернизации портов на период 2011–2015 гг. и на перспективу до 2025 г., предполагающая участие области в модернизации и восстановлении портов, в том числе портов-ковшов, используемых малым рыболовным флотом для отстоя;

- программа воспроизводства и товарного выращивания лососей, развития аквакультуры, предполагающая дальнейшее строительство рыбопроизводных заводов, создание новой отрасли рыбного хозяйства;

- программа строительства автомобильных дорог лесохозяйственного назначения, предназначенная для улучшения лесохозяйственных характеристик насаждений, повышения экономической доступности лесных ресурсов;

- программа развития деревянного домостроения, обеспечивающая формирование альтернативных вариантов строительства более дешевого жилья на основе современных конструкционных материалов на древесной основе.

Частно-государственное партнерство (ЧГП), как сотрудничество бизнеса и власти, позволяет существенно увеличить шансы на успех при реализации крупных проектов. Объединение ресурсов и разделение рисков между сторонами позволяют активно привлекать инвестиции для реализации общественно- и социально-значимых проектов.

Основными преимуществами для компаний при участии в ЧГП являются: привлечение бюджетных средств для осуществления проекта; доступ к ранее закрытым сферам экономики; расширение возможностей получения кредитов под проект от российских и зарубежных финансовых организаций за счет получения государственных гарантий; облегчение работы с органами власти благодаря участию государства в проекте, в том числе получение лицензий, разрешительной документации, заключений надзорных органов и другое; повышение статуса проекта за счет участия государства; создание положительного образа компании для акционеров.

Привлекательность ЧГП для государства — это решение системных проблем развития инфраструктуры; снижение бюджетных затрат; повышение инвестиционной и инновационной составляющих экономики; увеличение доходной части бюджета.

Государство и частные компании вкладывают в проект партнерства отдельные виды ресурсов. После завершения проекта и выполнения всех обязательств происходит распределение эффектов согласно достигнутым в процессе обсуждения условиям.

В Сахалинской области наиболее значимыми проектами ЧГП были: «Сахалин-1» и «Сахалин-2», программы газификации Южно-Сахалинской

ТЭЦ-1, социально-экономического развития отдельных городских округов, развития береговых рыбоперерабатывающих предприятий. В рамках реализации промышленной политики Сахалинской области объектами ЧГП должны стать крупные и мелкие проекты, в том числе в области:

- создания национального центра освоения шельфовых месторождений дальневосточных морей;
- формирования областного инновационного центра на основе СахГУ;
- строительства энерго-металлургического комплекса, включающего угледобывающее предприятие, ГРЭС, алюминиевый завод, современный порт и другое;
- формирования Невельского рыбопромышленного и оптово-торгового центра;
- реконструкции рыбопромышленных портов и отстойников рыболовецких судов;
- развития лесопромышленного комплекса;
- строительства крупного нефте- и газоперерабатывающего комплекса в районе с. Ильинское, развития социальной и производственной инфраструктуры;
- научно-исследовательских работ в части исследования водно-биологических ресурсов, инвентаризации лесов, лесопромышленного районирования, землеустройства;
- строительства магистральных газо- и нефтепроводов от северных месторождений до с. Ильинское;
- строительства современных портов и выносных комплексов, способных принимать суда грузоподъемностью до 100 тыс. т;
- приобретения судов для предприятий рыбной промышленности;
- модернизации и обновления перерабатывающих мощностей в рыбной промышленности.

Особенно эффективно такое сотрудничество в проектах, где экономический результат не до конца выявлен. Поэтому риски делятся между государством и бизнесом. Но государство заинтересовано в привлечении бизнеса в область. На этом основании все проекты ЧГП должны быть тщательно отработаны, то есть доведены до уровня ТЭО.

Финансовая поддержка проектов со стороны бюджета области позволяет поддержать отдельные группы предприятий за счет налоговых льгот (по налогам на имущество, на прибыль, транспортному налогу). Общая сумма предоставленных льгот в 2008 г. составила 886,7 млн. руб. Главным объектом поддержки является освобождение (полное и частичное) от налогов на имущество и транспорт (747,4 и 139,3 млн. руб.).

В число поддерживаемых входят в основном бюджетные организации, а также предприятия, занимающиеся рыбозабоем, прибрежным ловом рыбы и морепродуктов, их переработкой на береговых предприятиях; компании по переработке древесины (лесопилению), заготовке и переработке дикоросов, грибов, ягод.

Относительно новых предприятий, намечаемых к строительству в рамках промышленной политики, этот перечень может быть существенно расширен. Налоговые льготы должны предоставляться временно, на период освоения мощностей, то есть на 1–2 года.

Правовое обеспечение промышленного развития в какой-то мере реализуется законодательством Сахалинской области в виде концепций, программных и других документов.

Так, в настоящее время действуют:

- концепция развития воспроизводства и товарного выращивания водных биологических ресурсов в Сахалинской области на период до 2010 г., определяющая основные направления деятельности органов исполнительной власти области, рыбохозяйственных организаций по расширению масштабов воспроизводства лососевых видов рыб и культивирования искусственного разведения других видов водных биоресурсов как во внутренних водоемах, так и в прибрежных морских водах (аквакультура) на долгосрочный период;
- концепция областной целевой программы развития рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области на 2009–2011 гг., предусматривающая развитие рыбохозяйственного комплекса области как одного из важнейших секторов экономики;
- концепция развития топливно-энергетического комплекса Сахалинской области до 2010 г. и на перспективу до 2020 г., сконцентрированная на установлении рамочных направлений и приоритетов развития ТЭК области, продвижение по которым обеспечит развитие экономики надежным и эффективным топливно- и энергосбережением;
- программа «Развитие угольной промышленности Сахалинской области до 2010 г. и на перспективу до 2020 г.», показывающая пути достижения качественно нового состояния угольной отрасли;
- концепция программы «Развитие малого предпринимательства на 2009–2011 гг.», определяющая основные направления поддержки малого и среднего бизнеса.

Наряду с существующими документами необходима разработка и принятие Закона Сахалинской области о промышленной политике с соответствующей Концепцией. Требуется разработка большого количества других законов:

- об инновационной деятельности и инновационной политике Сахалинской области;
- об инвестиционной деятельности и инвестиционной политике администрации области;
- о рыболовстве и развитии прибрежных рыбоперерабатывающих предприятий;
- о комплексном использовании лесов и резервировании лесных массивов для крупных инвесторов, обеспечивающих переработку и рациональное использование сырья;

- об энергетической безопасности Сахалинской области, энергоснабжении и использовании нетрадиционных возобновляемых источников энергии;
- о территориальном развитии и формировании зон ускоренного промышленно-инновационного развития и государственной поддержки ключевых проектов.

В перечень наиболее важных подзаконных актов, которые должны обеспечивать реализацию промышленной политики, входят положения, постановления, инструкции:

- о признании инвестиционного проекта инновационным и механизмах предоставления по ним льгот предприятиям и организациям;
- о госзаказах, связанных с выполнением НИР, трансфертами технологий и разработкой проектной документации для нужд промышленного развития;
- о создании в составе областного бюджета фонда гарантий инновационных кредитов;
- схема закрепления лесных ресурсов на длительное пользование в целях стимулирования развития деревообработки;
- положение о поддержке развития малого предпринимательства, предусматривающее: сокращение разрешительных процедур, необходимых для начала бизнеса; замену их декларированием соответствия установленным требованиям; замену лицензирования отдельных видов деятельности страхованием ответственности, финансовыми гарантиями со стороны саморегулируемых организаций; обеспечение доступа субъектов малого предпринимательства к муниципальным заказам; упрощение доступа к покупке и аренде недвижимости; вовлечение малых предприятий в инновационный бизнес.

Совершенствование системы управления промышленностью определяется сложным характером объекта управления, необходимостью значительных усилий по кооперации и координации разнокачественных субъектов рынка (бизнес, инвесторы, в том числе зарубежные, власти трех уровней, население); использованием разноуровневых инструментов (финансы, законы, проекты). Все это предполагает необходимость сосредоточения части власти и ответственности за промышленную политику в руках одного органа, входящего в состав администрации области. Многочисленные попытки реализовать государственные и областные программы без реального центра управления каждой из них не дают должных результатов. Орган управления — это главный стержневой фактор любой системы. Без него система не формируется и не дает ожидаемых синергетических эффектов.

Поэтому одним из первых шагов по развертыванию промышленной политики является создание соответствующего органа в системе администрации области, например, департамента промышленной политики, и утверждение его статуса. Главными направлениями его деятельности должны стать:

- разработка проектов законодательных актов;
- содействие созданию структур инновационного развития (национальный центр по освоению шельфа, областной инновационный центр на ба-

зе СахГУ, Курильский биотехнопарк, консалтинговые, проектно-конструкторские и венчурные фирмы и другое);

- формирование саморегулируемых организаций;
- стимулирование разработки генпланов и схем районной планировки городов и муниципальных районов, намечаемых зон интенсивного развития на основе совместного финансирования (область, город, район);
- разработка перечня новых инновационных проектов, ежегодно включаемых в областную инвестиционную программу и в реестр приоритетных инвестиционных проектов промышленной политики;
- создание системы экспертизы инновационных проектов для включения в состав федеральных и областных программ;
- мониторинг реализации и эффективности государственных капитальных вложений;
- подготовка и подписание соглашений с субъектами Российской Федерации о взаимодействии в реализации проектов инновационного и промышленного развития (Москва, Санкт-Петербург, Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Республика Саха (Якутия) и другие субъекты Дальнего Востока и России);
- разработка предложений по участию в ФЦП, ФАИП, инвестиционных программах министерств и ведомств;
- разработка и реализация областных целевых программ;
- привлечение частного бизнеса для реализации проектов промышленной политики, в том числе на условиях частно-государственного партнерства;
- мониторинг реализации и эффективности промышленной политики.

Часть своих функций департамент промышленной политики на условиях аутсорсинга может передавать другим предприятиям и организациям, в том числе областным, автономным некоммерческим организациям (АНО) для выполнения в полном объеме задач по управлению промышленной политикой.

Сахалинская область как государственный орган управления имеет значительные ограничения по регулированию текущей деятельности предприятий и организаций. Это закономерно. Что касается разработки планов комплексного социально-экономического развития территории на перспективу и обеспечения их реализации, то здесь никакой уровень власти, кроме самой области, не способен это осуществить. В Сахалинской области формируются такие механизмы. Необходима их более четкая ориентация на достижение целей промышленной политики и Стратегии развития.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ

*В.К. Заусаев, Р.А. Третьяков, Е.Е. Шарко, В.А. Омельчук**

Машиностроение являлось в СССР одной из наиболее высокотехнологичных отраслей промышленности и оказывало прогрессивное влияние на многие смежные отрасли экономики страны. По ряду выпускаемой продукции оно находилось на уровне высокоразвитых стран.

С началом рыночных преобразований в отрасли начались существенные изменения. Прежде всего сократились объемы выпуска. Так, в 1996 г. индекс производства к 1990 г. составил 38% [1]. По некоторым видам машиностроительной продукции спад был еще больший: металлорежущие станки — 16,3%, дизель и дизельгенераторы — 15,5% [1]. В последующем динамика сохраняла неустойчивый характер, и только с 1999 г. она начинает принимать положительную направленность. В 2004 г. индекс производства к 1998 г. составил 184,9% [2]. Шел экстенсивный рост, машиностроительные предприятия выходили на свои проектные мощности.

Кризисные явления начали ощущаться в производстве машин и оборудования только в IV квартале 2008 г. Индекс составил к соответствующему периоду 2007 г. 88,0% [3]. Важно также добавить, что к концу 2008 г. отечественное машиностроение в значительной степени исчерпало свои «запасы» мощностей и персонала. То есть экстенсивные факторы перестали быть основой развития отрасли.

В 2000-е гг. на динамику и характер развития машиностроения России существенное влияние оказывал импорт. Это было связано с тем, что конкурентоспособность многих видов машин и оборудования по сравнению с импортными аналогами по критерию «цена/качество», а также отсутствие мощностей по выпуску современных видов техники существенно ограничивали рынок для отечественного машиностроения. Особенно это касалось станкостроения. Только за период 2000–2007 гг. импорт металлорежущих станков увеличился в 19,2 раза [4].

В условиях усиливающегося давления со стороны импорта повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции становится для предприятий жизненной необходимостью. В этой борьбе продукция отечественных заводов явно проигрывает. Это свидетельствует о том, что в страну ввозится качественная машиностроительная продукция, явно превосходящая отечест-

* *Заусаев Вадим Константинович* — доктор экономических наук, профессор, директор ГУ «ДальНИИ рынка при Минэкономразвития РФ». E-mail: <omar_dvags@mail.ru>.

Третьяков Роман Александрович — ведущий экономист ГУ «ДальНИИ рынка при Минэкономразвития РФ».

Шарко Елена Евгеньевна — зав. лабораторией «Стратегического управления территориальным развитием», ученый секретарь ГУ «ДальНИИ рынка при Минэкономразвития РФ».

Омельчук Вероника Андреевна — экономист ГУ «ДальНИИ рынка при Минэкономразвития РФ».

венную. По данным опроса российских предпринимателей, основными причинами снижения конкурентоспособности продукции являются устаревшее оборудование, высокие цены на энергоресурсы и транспорт. Причем, как видно из табл. 1, значимость их растет.

Таблица 1

**Причины снижения конкурентоспособности продукции
российских предприятий, % от числа опрошенных [3]**

Причины	2006	2007
Устаревшее оборудование	48	57
Недостаточная квалификация работников	27	27
Низкое качество сырья и комплектующих изделий	23	20
Отсутствие новых продуктов (технологий)	22	15
Высокие цены на энергоресурсы	39	46
Высокие транспортные издержки	31	32
Высокие конечные издержки	30	28

Усугубляет ситуацию возникающая в 2007 г. и обострившаяся в 2008 г. абсолютная нехватка мощностей в российской промышленности. Основным источником увеличения мощностей — запуск простаивающих — исчерпан. Да и то, что запускалось ранее, требует замены, так как создавалось еще во времена СССР. Поэтому модернизация оборудования постепенно становится все более распространенной мерой повышения конкурентоспособности в российской промышленности. Если в 1998 г. ее упоминали 19% экспертов, то в 2008 г. — 48%.

А вот инновационный путь роста конкурентоспособности — создание и выпуск новой продукции, внедрение новых технологий — становится менее популярным. В 2008 г. его называли только 51% экспертов, в 2006 г. — 61%. Реже этот фактор упоминался только в 1996 г. (24%) [5]. Не случайно удельный вес машиностроительных организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем их числе растет незначительно: 2002 г. — 14,2%, 2007 г. — 16,1% [6].

В существенной степени подобная ситуация объясняется недоступностью долгосрочных кредитов и отсутствием собственных средств. Из-за изношенности основных производственных фондов стоимость их низкая, и как следствие — доля амортизации в затратах совершенно недостаточная. Например, в 2005-2007 гг. она составляла в машиностроении 1,9–2,1% против средней по обрабатывающим производствам 2,4–2,6% [7].

Низкая конкурентоспособность является основной причиной наблюдающейся тенденции утраты отечественными предприятиями части внутреннего и внешнего товарных рынков. В целях изменения ситуации машино-

строители требуют ограничивать закупки за рубежом оборудования, аналоги которого выпускаются или могут выпускаться в России. Это позволит повысить загрузку производственных мощностей и поможет, в связи с поставкой комплектующих деталей и оборудования, наладить новые и восстановить разорванные производственно-кооперационные связи с бывшими странами-партнерами в ближнем и дальнем зарубежье.

Перспективы отечественного машиностроения необходимо увязывать со стратегическими направлениями развития России на обозримую перспективу. Так, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. в базовых отраслях промышленности будут выравниваться условия конкуренции российских и иностранных производителей, поддерживаться экспорт. Планируется осуществить целый комплекс мер по финансовой поддержке:

- создание условий для увеличения объемов долгосрочного кредитования российских предприятий за счет субсидирования из средств федерального бюджета процентных ставок по кредитам, предоставляемым российским предприятиям в рамках проектов, ориентированных на внутренний рынок и соответствующих приоритетам развития российской экономики;
- совершенствование действующей системы лизинга технологического оборудования для перевооружения предприятий, включая внедрение механизмов государственной поддержки по уплате части затрат на лизинговые платежи;
- расширение практики кредитования приоритетных производств новыми финансовыми институтами;
- использование механизмов налогового стимулирования в рамках реализации стратегических направлений промышленной политики;
- стимулирование реализации проектов, связанных с внедрением инновационных разработок, ресурсо- и энергосберегающих технологий, техническим и технологическим перевооружением предприятий;
- содействие разработке новой конкурентоспособной продукции в рамках решения задачи по повышению энергоэффективности российской экономики;
- обеспечение поддержки российского экспорта промышленной продукции, в том числе путем субсидирования процентных ставок по кредитам и использования механизмов предоставления гарантий по рискам при проведении экспортных операций, включая регулярную актуализацию перечня иностранных государств, экспорту промышленной продукции в которые оказывается государственная гарантийная поддержка.

Машиностроение в Хабаровском крае развивалось в контексте общероссийских тенденций. Однако существенное влияние на него оказывала транспортная удаленность региона от индустриально развитой европейской России. В связи с этим оно было нацелено, в первую очередь, на удовлетворение внутренних экономических и оборонно-стратегических потребностей. Но выполнялась и важная роль в решении различных социально-экономических

проблем: сбалансированность женского и мужского труда, подготовка трудовых ресурсов высокой квалификации, рост потенциала средних и малых городов [8]. Машиностроение больше чем какая-либо другая отрасль влияет на рост и стабилизацию населения в регионе.

Требование эффективности привело к строительству в регионе достаточно крупных машиностроительных предприятий, продукция которых не могла быть полностью востребована на месте. В результате до 70% некоторых ее видов вывозилось в западном направлении. Но еще большее количество машинотехнической продукции завозилось в регион. Шел сюда и поток комплектующих, сырья, материалов. В условиях плановой экономики благодаря регулированию цен и тарифов это незначительно сказывалось на эффективности машиностроительных предприятий. Некоторые из них, особенно работающие в системе ВПК и отличающиеся наукоемкостью, имели высокую рентабельность производства. Однако большинство вырабатываемой машинотехнической продукции по эффективности уступало аналогам, выпускаемым в западных регионах страны.

На пороге радикальных рыночных преобразований (1990 г.) машиностроение занимало важное место в экономике юга Дальнего Востока. На его долю приходилось в Хабаровском крае 35,0% промышленного производства, в Приморском крае — 21,0%, в Амурской области — 13,6%.

Годы рыночных реформ особенно негативно сказались на развитии машиностроения. В 1995 г. индекс физического объема его продукции составил в Хабаровском крае 23,2% к уровню 1990 г. Это был один из самых низких показателей в промышленности края. Особенно сократился выпуск литейных машин, дизелей, газовых турбин, кабельной продукции, мостовых кранов. В результате доля машиностроения и металлообработки в 1995 г. в промышленности уменьшилась до 20,4%.

Машиностроительные предприятия стали заложниками сформировавшегося союзного разделения труда. Это поставило большинство предприятий перед проблемой выживания, где на первый план вышли не долговременные интересы, а удовлетворение текущих жизненно важных потребностей.

Особенностью машиностроительных производств Хабаровского края является их слабая взаимосвязь и кооперация. Предприятия имели комплекс производств, обеспечивающих весь технологический цикл. С падением объемов выпуска многие цеха тяжким бременем легли на издержки предприятий. К этому надо добавить удаленность региона от традиционных поставщиков и потребителей. Так, в 1993 г. только 46,5% всех произведенных в Хабаровском крае станков поставлялось на дальневосточные предприятия [9].

Сузился и сам внутренний рынок Дальнего Востока. Так, в 1995 г. индекс промышленного производства к 1990 г. составил здесь 45,8%, в Хабаровском крае — 33,4%. Индекс инвестиций в основной капитал был, соответственно, 23,0 и 23,5%. В результате востребованность машинотехнической продукции предприятий края стала снижаться.

С введением рыночных транспортных тарифов многие виды продукции оказались не транспортабельными. К тому же от промышленно развитой европей-

ской части России Дальний Восток отделен Восточной и Западной Сибирью, специализация которых близка дальневосточной, а потенциал несравненно выше.

Уже в первые годы рыночных преобразований в регионе наметились предприятия, где наиболее остро встали проблемы выживания. В качестве примера можно привести машиностроительные заводы г. Хабаровска (табл. 2).

В 1995 г. наименьшее падение против 1990 г. было на «Амуркабеле» и «Дальэнергомаше», наибольшее — на заводах: Хабаровском судостроительном, «Промсвязь», им. Кирова («Остон»). Просматривалась зависимость динамики производства от размещения потребителей. Предприятия, работающие на сторонних, находящихся за пределами региона потребителей, переживали более сильный спад. Но сузился и внутренний рынок. Отчетливо проявились диспропорции между уменьшающимися региональными потребностями и сложившимися структурой и масштабом производства.

В результате машиностроение начинает терять рабочую силу. Только за период 1991-1997 гг. из отрасли ушло 17,3 тыс. человек. Стремление сохранить квалифицированные кадры вынуждало руководителей повышать заработную плату, темпы роста которой существенно опережали рост реализации. Неполная загрузка мощностей и необходимость содержания законсервированных производств еще более усиливали рост издержек.

В эти годы машиностроение существенно сократило свою значимость в экономической жизни г. Хабаровска. По объему товарного производства и численности работающих его доля в промышленности уменьшилась с 19,8 и 54,1% до 9,5 и 31,6% в 2003 г. В 2007 г. по объему отгруженных товаров в обрабатывающих производствах удельный вес сократился до 7,4% против 8,7% в 2005 г. [10].

Таблица 2

Динамика производства продукции в сопоставимых ценах крупнейших предприятий г. Хабаровска, в % к предыдущему году

Предприятия	1991	1992	1993	1994	1995	1995 к 1990, %
«Амуркабель»	100,6	90,9	97,3	84,9	113,5	85,7
«Дальэнергомаш»	155,7	104,0	85,2	41,1	121,1	68,7
«Дальдизель»	137,5	88,0	79,7	40,8	82,4	32,4
Хабаровский станкостроительный завод	125,0	84,4	77,0	49,7	80,4	32,5
Завод им. Горького	н.д.	104,4	72,8	51,7	69,0	27,1
Завод им. Кирова («Остон»)	н. д.		98,5	27,1	94,6	25,2
«Промсвязь»	104,8	49,9	62,9	46,1	74,4	11,3
Хабаровский судостроительный завод	90,6	74,5	69,0	60,0	13,3	3,7

Источник: Паспорт г. Хабаровска. 1991-1995 годы: Стат. сб. / Хабаровскстат — г. Хабаровск, 1996

Все это заставляло машиностроителей диверсифицировать производство, расширять ассортимент продукции. Вместе с тем, как показал первый опыт, на многих предприятиях этот процесс был затруднен в силу узости внутреннего рынка и действия удорожающих факторов. Там же, где он шел, был направлен, как правило, в сторону менее наукоемкой продукции: например, завод «Дальэнергомаш» вместо энергетических турбин и мощных компрессоров стал выпускать насосы для подачи воды; Хабаровский станкостроительный завод, сократив выпуск станков-полуавтоматов, нарастил производство малогабаритных деревообрабатывающих станков.

Не смогло адаптироваться к рыночным условиям и старейшее в регионе машиностроительное предприятие «Дальдизель». Высокая потенциальная емкость регионального рынка на его продукцию не была подкреплена повышением качества, техническим перевооружением предприятия, кадровыми и финансово-экономическими возможностями. Подобное положение было характерно и для заводов Хабаровского станкостроительного, отопительного оборудования и им. Кирова («Остон»). Они, к сожалению, не смогли повысить конкурентоспособность своих изделий, не получили необходимых инвестиций, поэтому прекратили свое существование.

Продолжают сохранять неустойчивость судостроительные и судоремонтные заводы: Хабаровский судостроительный, 189 судоремонтный, им. Горького (Хабсудмаш). Ситуация здесь наиболее показательная относительно развития машиностроения в регионе. Проведенные расчеты [11] показали, что, например, строительство судов «река-море» наиболее эффективно на верфях КНР. Это достигается благодаря меньшей стоимости судна, более благоприятным финансовым условиям. Был сделан вывод, что на сугубо коммерческих принципах региональному судостроению не выжить.

Общие проблемы и перспективы развития машиностроения в Хабаровском крае можно проследить на примере завода «Дальэнергомаш», который специализируется на изготовлении турбин, центробежных компрессоров, нагнетателей, систем автоматического управления, дымососов, вентиляторов, насосов, емкостного оборудования.

С целью расширения представлений о состоянии и возможностях будущего развития завода был проведен опрос. В качестве респондентов выступили рабочие и руководящий состав предприятия.

Несмотря на существующие на «Дальэнергомаше» проблемы, рабочие оценивают условия труда на своем рабочем месте преимущественно как удовлетворительные (54,0%). К главным же факторам неудовлетворенности они отнесли (рис. 1): низкую заработную плату (84,6%), нестабильную работу предприятия (71,4%), плохую организацию производства (41,8%).

Рабочие проявили достаточно высокую активность в обсуждении проблем и направлений развития своего предприятия. Так, в качестве основных направлений улучшения работы завода они отметили (рис. 2) необходимость

улучшения организации труда (58,9%), модернизации производства (43,3%), замены устаревшего оборудования (36,7%), повышения квалификации управленцев (32,2%).

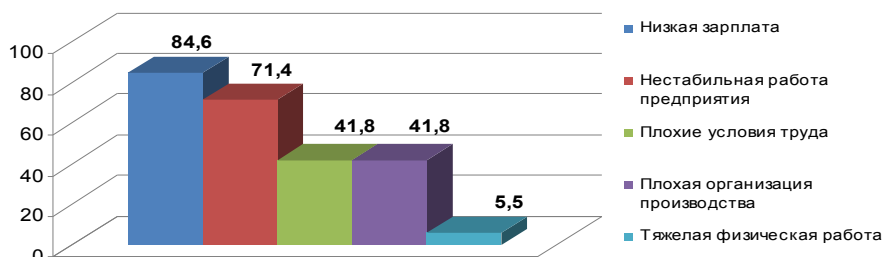

Рис. 1. Основные факторы недовольности работой на заводе «Дальэнергомаш», %

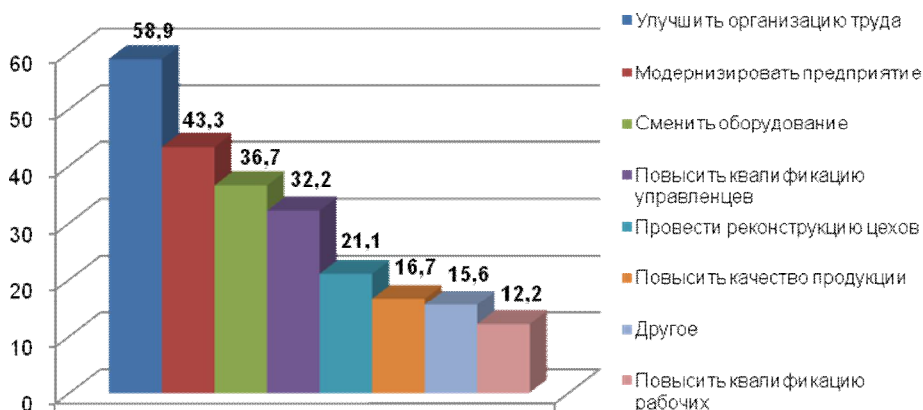

Рис. 2. Оценка рабочими основных направлений улучшения работы завода «Дальэнергомаш», %

Трудности реструктуризации завода видятся рабочим в сложности реализации производимой продукции (31,1%), технико-технологическом состоянии предприятия (31,1%), а также неподготовленности работников к смене профессий (21,2%).

При оценке конкурентоспособности продукции «Дальэнергомаш» мнения рабочих разделились: 46,8% из них считают, что существует конкуренция со стороны нескольких производителей, но продукция завода пользуется спросом; 40,5% — продукция предприятия не выдерживает конкуренции. По сравнению с рабочими, оценки экспертов более оптимистичны. Так, 68,9%

последних считают, что продукция предприятия пользуется спросом, 24,4% — что не выдерживает конкуренции.

В качестве проблем, наиболее серьезно влияющих на низкую конкурентоспособность продукции, рабочими были названы: устаревшие мощности и отсутствие новых технологий (63,1%), низкое качество продукции (20,2%), отсутствие информации у предприятия о рынках ее сбыта (15,5%).

Ответы экспертов, руководителей подразделений завода на вопрос о снижении конкурентоспособности продукции совпали с оценкой рабочих только в части, касающейся старения производственного оборудования. На первое место этот фактор поставили 71,1% респондентов. В остальном же их мнения несколько различаются. В качестве основных причин недостаточной конкурентоспособности эксперты назвали также: высокие издержки производства (48,9%), удаленность от основных потребителей (35,6%) и, как следствие, — высокая цена продукции (33,3%).

Что касается наиболее важных направлений развития машиностроения в регионе, то, по мнению экспертов (рис. 3), необходимо осуществлять такие меры, как поддержка со стороны краевого правительства (82,6%); освоение новых видов продукции (54,4%); стимулирование федеральных заказчиков на использование в своих проектах продукции дальневосточных предприятий (47,8%); предоставление субсидий и бюджетных инвестиций (37,0%); введение ограничительных мер на импорт в страну машиностроительной продукции (32,6%); консолидация и координация деятельности предприятий отрасли (26,1%).

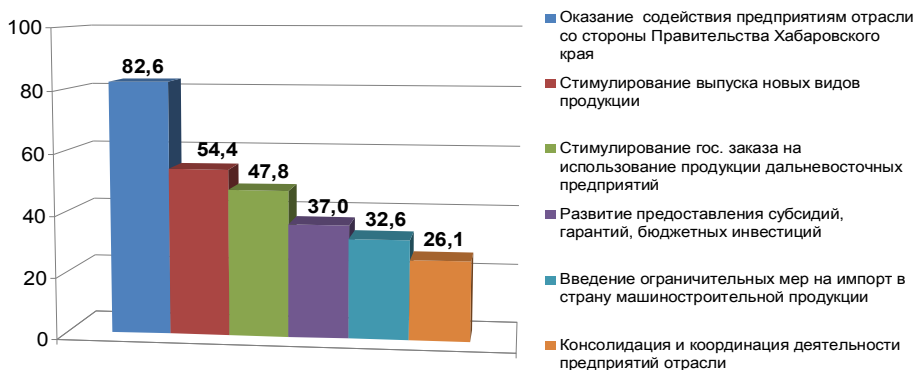

Рис. 3. Оценка экспертами основных положений развития машиностроения в Хабаровском крае, %

Таким образом, на примере завода «Дальэнергомаш» можно сформулировать основные проблемы развития машиностроительных предприятий в Хабаровском крае:

- существенный физический и моральный износ производственного оборудования;
- снижение конкурентоспособности продукции;
- высокая себестоимость производства;
- уменьшение спроса на производимую продукцию;

- значительная удаленность от традиционных потребителей продукции;
- «старение» кадрового состава, особенно в среде рабочих;
- нехватка высококвалифицированных управленцев;
- недостаточность мер государственной поддержки.

Вместе с тем перспективы машиностроения необходимо рассматривать в контексте социально-экономического состояния региона, поскольку отрасль выступает необходимым условием его устойчивого развития. Противозатратная деятельность в отрасли, освоение новых видов «лидирующей» продукции, содержащей в себе ренту по интеллекту и позволяющей перекрывать объективное в регионе удорожание, должно базироваться на комплексной системе государственной поддержки. В русле этих идей должны лежать все остальные организационно-экономические мероприятия, позволяющие сгладить неблагоприятные условия деятельности местных предприятий и повысить их конкурентоспособность до уровня передовых компаний сопредельных стран.

Устойчивое развитие машиностроительных предприятий в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке может быть достигнуто при соблюдении определенных условий. Они выведены из анализа функционирования промышленных предприятий Хабаровского края и включают (рис. 4):

Рис. 4. Основные факторы и условия устойчивого развития машиностроительных предприятий в Хабаровском крае

- востребованность продукции на внешнем рынке, широкое привлечение для её производства зарубежных инвестиций, менеджмента, техники и технологии;
- наличие в производимой продукции ренты по интеллекту;
- государственная поддержка на федеральном или субъектном уровне в виде прямого лоббирования заказов, а также развития инновационной ин-

фраструктуры, которая позволяет осуществлять в максимально короткие сроки перенос инноваций на средние и малые предприятия посредством технопарков, инкубаторов инновационного бизнеса, центров трансферта технологий и содействия научно-техническому творчеству;

- наличие конкурентоспособного производственного потенциала (квалифицированная рабочая сила, производственные фонды, научные и проектно-конструкторские структуры);

- квалифицированный менеджмент, ориентирующийся на стратегию развития;

- наличие кооперационных связей и интеграции с ведущими конкурентоспособными отечественными организациями, включение их в производственные цепочки по выпуску продукции высшего технологического уклада.

В последнее время правительства России и Хабаровского края обеспокоены отставанием дальневосточного машиностроения и принимают меры по включению механизмов стимулирования его развития. Так, в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» (далее — «Стратегия») [12] в качестве перспективных направлений названы производства по выпуску оборудования для эксплуатации магистральных нефте- и газопроводов, энергетики, в том числе малой, работающей на возобновляемых источниках, их сервисного обслуживания. Предусмотрен ряд мероприятий, направленных на создание условий для эффективного развития машиностроения:

- разработка комплекса мер, направленных на сохранение и развитие машиностроительного комплекса, увеличение объемов и совершенствование системы размещения и финансирования государственного и оборонного заказов;

- предоставление из федерального бюджета предприятиям субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях на осуществление инновационных и инвестиционных проектов по выпуску высокотехнологичной продукции;

- выдача гарантий организациям на получение беззалоговых кредитов в российских кредитных организациях на осуществление инновационных и инвестиционных проектов по выпуску высокотехнологичной продукции.

В настоящее время с целью развития промышленного производства правительство Хабаровского края и администрация г. Хабаровска оказывают поддержку машиностроительным предприятиям. Рассматриваются такие проекты, как, например, создание в Хабаровске сборочного производства автомобилей и спецтехники КАМАЗ, в рамках которого планируется выпуск вахтовых автобусов, изотермических фургонов и автомобилей с кран-манипуляторной установкой; перевооружение завода «Дальэнергомаш» для производства на его базе газовых энергетических турбин мощностью 160 и 270 МВт; строительство «Хабаровского газотурбинного завода» по производству когенераторных газотурбинных установок мощностью от 0,4 до и 3,5 МВт.

Помимо этого, в соответствии со «Стратегией» для развития машиностроения планируется стимулировать формирование локальных промышленных зон и технопарков в городах Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре и Хабаровске. Ориентированы они будут на развитие венчурных, высокотехнологичных предприятий с максимально льготным налоговым режимом, совершенствование финансовых механизмов поддержки программ и проектов создания и развития инновационных производств. Предполагается субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, конкретных производств в краткосрочном и долгосрочном периодах, а также развитие инфраструктуры и кадрового потенциала для поддержки инноваций.

Таким образом, машиностроение, являясь одной из наиболее высокотехнологичных отраслей экономики России, в период рыночных преобразований потеряло свою лидирующую роль. Среди отраслей промышленности падение было наиболее значительным. Либерализация внешнеэкономических связей усилила на внутренний рынок давление продукции иностранных компаний, которая была более конкурентоспособной.

На Дальнем Востоке машиностроение играло геостратегическую роль. Поэтому с переходом на рыночные отношения предприятия попали под пресс удорожания. С учетом сужения как общероссийского, так и регионального рынков, потерей конкурентоспособности в странах-партнерах многие предприятия остались без заказов. Попытки диверсификации производства обернулись его примитивизацией и не дали ожидаемого результата. Поэтому многие, некогда успешные машиностроительные предприятия, обанкротились.

Основными факторами снижения конкурентоспособности продукции предприятий Хабаровского края продолжают оставаться их техническая и технологическая отсталость, высокие энергетические и транспортные тарифы. Снивелировать их производители пытаются за счет обновления оборудования, активизации маркетинговой деятельности и других мероприятий, направленных на повышение качества продукции. Но ограниченные финансовые возможности не позволяют это сделать. Поэтому действие негативных факторов усиливается.

В настоящее время Правительство России предпринимает шаги к восстановлению машиностроительного потенциала. На Дальнем Востоке будет стимулироваться формирование локальных промышленных зон, инновационных центров, технопарков. Но действенность этих мер будет достигнута, если на местах машиностроительные предприятия и органы власти вовлекут в оборот все имеющиеся резервы экономического, технического и социального характера. Только переход на инновационные рельсы обеспечит конкурентоспособность дальневосточного машиностроения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. — 2000. С. 331.
2. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. — М., 2005. С. 411.
3. Российская экономика в 2008 г. Тенденции и перспективы. Выпуск 30. — М.: ИЭПП, 2009. С. 205.
4. Промышленность России. 2008: Стат.сб. / Росстат — М., 2008. С. 275-277, 281-283.

5. Российская экономика в 2008 г. Тенденции и перспективы. Выпуск 30. — М.: ИЭПП, 2009. С. 229.
6. Промышленность России. 2008: Стат.сб. / Росстат. — М., 2008. С. 334.
7. Промышленность России. 2008: Стат.сб. / Росстат. — М., 2008. С. 320-322.
8. Быстрицкий С.П. Дальний Восток России: становление новой экономики / С.П. Быстрицкий, В.К. Заусаев, А.В. Хорошавин. — Хабаровск: Изд-во ДВАГС. — 2008. — 346 с.
9. Паспорт г. Хабаровска. 1993 год: Стат. сб. / Хабаровскстат. — Хабаровск, 1994.
10. Паспорт г. Хабаровска. 1996-2007 годы: Стат. сб. / Хабаровскстат. — Хабаровск, 2008. С.10.
11. Состояние судостроительной и судоремонтной промышленности Хабаровского края и меры по ее стабилизации и развитию: отчет о НИР / ГУ «ДальНИИ рынка»; рук. В.К. Заусаев. — Хабаровск, 2004. С. 81-84.
12. Основные направления «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». — Хабаровск, 2009.

ЗАВЕРШАЕТСЯ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА

*Е.П. Жариков**

С учетом начала горбачевских реформ прошло почти 25 лет, поэтому есть все основания оценить достигнутые результаты. Если пока не обращаться к статистике, которая знает все, а основываться на внешних факторах, то визуальная (субъективная) оценка результатов, достигнутых после 15-20 лет окончания Великой Отечественной войны, и результатов современных, бесспорно, в пользу 60-х годов прошлого века.

Не безынтересна и другая особенность — практически все пришедшие к высотам государственной власти, что-нибудь да обещали: Н. Хрущев — что в 90-х годах XX в. мы уже будем жить при коммунизме; М. Горбачев — что к 2000 г. каждый будет жить в отдельной квартире; В. Путин — что к 2010 г. валовой внутренний продукт (ВВП) будет удвоен в два раза, хотя не совсем понятно — ВВП какого года надо удвоить. Такое ощущение, что руководителям послевоенного образца явно не доставало времени для хорошего обдумывания принимаемых ими решений, в отличие от руководителей революционного периода, имевших такого времени предостаточно.

Так или иначе, выдвигаемые задачи должны были реализовываться в регионах. Поэтому есть смысл за базовые года взять 1940 г. и 1990 г. и подключить для анализа состояния экономики Приморского края соответствующую статистическую базу (табл. 1).

При анализе статистических данных отметим две особенности: во-первых, базы сравниваемых периодов, безусловно, различны, что может сказаться на количественных показателях, но не как на тенденциях; во-вторых, введение с 01.01.2005 г. общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) основательно затруднило сравниваемую базу расчетных показателей.

* *Жариков Евгений Прокофьевич* — доктор экономических наук, профессор Института менеджмента и бизнеса Дальневосточного государственного университета, г. Владивосток

Таблица 1

Основные показатели развития промышленности Приморского края

	1940	1960	1965	1990	2004	2008
Валовая продукция промышленности, %	100	4,1 раза	6,9 р.	100	73,2	76,9
в том числе	100	—	11,0	100	90,4	—
машиностроение и металлообработка	100	—	р.	100	50,7	—
рыбная	100	—	8,4 р.	100	56,7	—
топливная	100	3,1 р.	1,8 р.	100	11,2	24,8
Капитальные вложения (инвестиции в основной капитал)	100	2 р.	5,0 р.	100	117,7	—
Производительность труда: в промышленности			2,5 р.			

Примечание: показатели 1960 г. и 1965 г. даны в ценах 1940 г.; 2004 г. и 2008 г. — в ценах 1990 г.

Источник: Народное хозяйство Приморского края (Юбилейный статистический сборник). Владивосток: Статистическое управление Приморского края, 1977; Приморский край: социально-экономические показатели (статистический ежегодник). Владивосток: территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2009.

В послевоенное время в Приморье активно развивалось машиностроение наряду с усилением роли рыбной и топливной промышленности, в зависимости от возрастающих потребностей в энергетических ресурсах. В годы расцвета доля машиностроения и металлообработки в промышленности края составляла 22-24%, рыбной промышленности более 38%, что в совокупности давало более 60% продукции. Причем эти две отрасли тесно связаны через приборостроение и судоремонт и, следовательно, на уровне края довольно автономны от центра. Таким образом, по логике они должны были рассматриваться, с одной стороны, как стабилизирующие экономику края от падения, с другой стороны, — как базовые для ее роста.

Однако сравнение статистических данных регионального развития на примере Приморского края показывает, что 20 лет перестройки для экономики края ничего не дали. Более того, утеряны все ведущие позиции. Падение темпов развития машиностроения и металлообработки можно было ожидать за счет бездарной конверсии предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) в силу невразумительной политики федерального центра. В отличие от ВПК, развитие рыбопромышленного комплекса региона, несмотря на все условности, связанные с выработкой оптимальной стратегии центра на освоение биоресурсов в Дальневосточном бассейне, во многом определялось местными властями.

Безусловно, введение 200-мильной исключительной экономической зоны привело к сужению районов промысла, изменению структуры выловов на фоне необходимости освоения новых видов биоресурсов со всеми вытекаю-

щими отсюда последствиями. Но основная причина — иждивенчество, прикрываемое как самим руководством рыбопромышленного комплекса, так и другими руководящими структурами. Постоянные взывания к необходимости государственных дотаций в отрасль были не совсем оправданными.

Дело в следующем. Либерализация внешнеэкономической деятельности убрала ценовые ограничения. Следовательно, ценовой рычаг оказался в руках производителей, особенно учитывая их ориентацию на внешний рынок, что чрезвычайно важно. Другое дело как предоставленной возможностью распорядились предприятия. И если рыбаки бассейна активно стали внедрять демпинговые цены (конкурируя друг с другом на благо стран АТР), то где были руководители, видя, какой урон это наносит как экономике края, так и России. Им же, по привычке и в силу инертности мышления (а то и по понятному всем здравому смыслу), легче было взывать к дотациям, прикрываясь чем угодно, только не объективной оценкой реальной действительности. Как же складывалась ситуация на самом деле?

То, что вылов биоресурсов резко сократился, следовало ожидать. Причины разные, в том числе прекращение океанического рыболовства, сокращение выловов минтая (он давал около 70% всей добычи биоресурсов), браконьерство, которое трудно поддается оценке и т.д. Но усматривать причину в том, что падение эффективности отрасли связано в большой степени с отсутствием государственных дотаций, довольно спорно (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели развития рыбопромышленного комплекса
Приморского края**

	1990	1997	2000	2004	2008
Улов рыбы и добыча морепродуктов, тыс. тонн	1832,2	1469,6	910,6	560,8	690,6
Количество организаций, ед.	6	126	305	369	600*
Численность работников, тыс. человек	46,6	33,1	31,3	21,7	22,6*
Рентабельность проданных товаров и услуг, %	> 0	< 0	< 0	8,4	14,6

* — по классификации ОКВЭД («рыболовство, рыбоводство»).

Согласно табл. 2 рентабельность рыбопромышленного комплекса (в виде показателя «рентабельность проданных товаров и услуг», отражающего по определению Госкомстата России совместно с показателем «рентабельность активов», эффективность деятельности организаций) с начала XXI в. стала положительной. Этому предшествовал некоторый подъем экономики края (хотя его промышленность в 2004 г. осталась фактически на уровне 2001 г.). В тот же период происходит сокращение среднегодовой численности персонала в промышленности на 30 тыс. человек [1] при росте цен, что формально обусловило некоторое статистическое повышение производительности труда на 17% (табл. 1).

С другой стороны, убыточность рыбопромышленного комплекса до 2004 г. практически никак не отражалась на количестве предприятий, занимающихся рыбопромышленной деятельностью (в 2000 г. их было 305 ед., в 2003 г. — 301 ед. с численностью работников 23,6 тыс. человек), хотя положительная рентабельность предприятий рыбопромышленного комплекса стабилизировалась с 2006 г. (рис. 1).

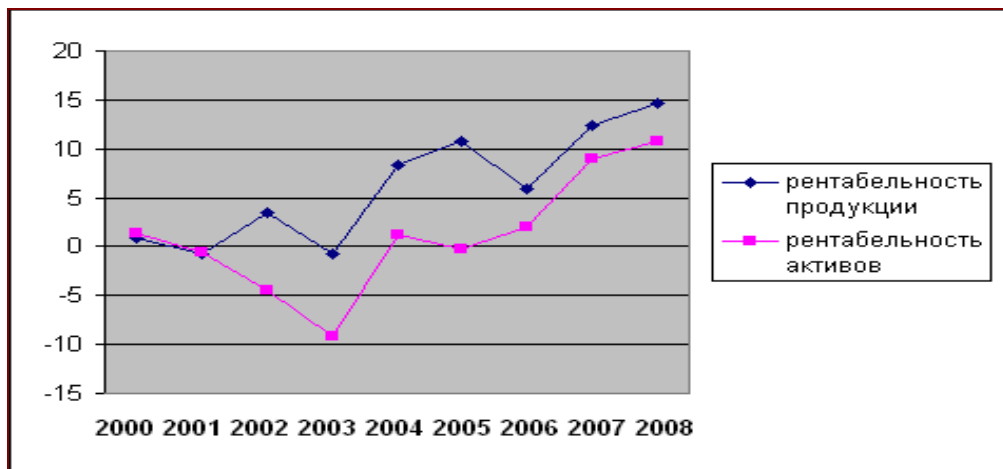

Рис. 1. Рентабельность рыбопромышленного комплекса Приморского края, %

Все это свидетельствует о том, что не так уж плохо обстояли дела в рыбопромышленном комплексе края, если при отрицательных сальдированных финансовых результатах в целом по отрасли фактически до 2006 г. предприятия не только существовали, но и активно росли. В относительно неудачном 2005 г. их насчитывалось уже 522 ед., в 2006 г. — 578 ед. (хотя по логике их количество должно было уменьшиться).

Ранее было отмечено, что взамен централизованных субсидий предприятия рыбопромышленного комплекса получили мощный финансовый рычаг в виде рыночных цен. Тогда естественен вопрос о реальной действенности данного рычага. Еще точнее, каков реальный уровень отражения в ценах, в частности, амортизационных отчислений? Ибо, если рыночная цена для предприятий рыбной промышленности оказалась ниже цен предприятий, то они вынуждены реализовывать свою продукцию по ценам ниже ее себестоимости, экономя на амортизационных отчислениях, или (и) заработной плате.

Учитывая ограниченность данных из-за введения ОКВЭД, рассмотрим этот процесс применительно к наиболее сложному периоду, т.е. до 2005 г. (рис. 2). Из него следует, что амортизационные отчисления начиная с 1999 г. резко снизились в целом по промышленности в среднем в 1,9 раза, а в рыбной — почти в 3 раза. Причем отсутствует элементарная корреляция с ценами

на рыбную продукцию, что свидетельствует о полном произволе в области отслеживания амортизационной политики. Основная причина — вседозволенность, регламентированная государством. В частности, формирование данной ситуации обусловлено принятием правительством решения об отказе с 1998 г. от контроля над целевым использованием амортизационных отчислений. Как это повлияло на топливно-энергетические отрасли, достаточно хорошо исследовано в [2].

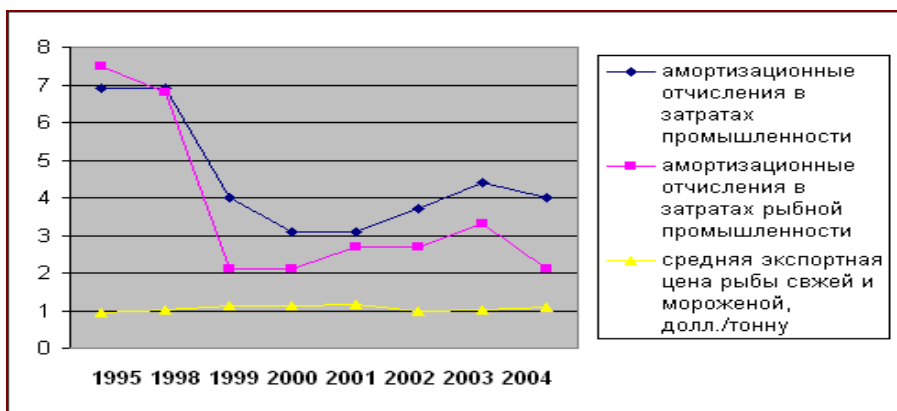

Рис. 2. Динамика амортизационных отчислений (%) в сравнении с ценами реализации продукции

В итоге инвестиции в основной капитал по промышленности в целом составили в 2004 г. 78,2% от инвестиций 1995 г., в основной капитал рыбной отрасли — 77%. В этом периоде шло недоинвестирование рыбной промышленности при жесточайшей эксплуатации оставшегося от советской власти наследства в виде основных фондов и других активов. Аналогично обстояли дела и в других базовых отраслях. Так машиностроение и металлообработка были инвестированы в 2002 г. на 18% к 2001 г., в 2004 г. — на 73% к предыдущему году (а рыбная — на 74%). Хотя статистика региона с 2002 г. начала показывать относительно устойчивую динамику подъема экономики Приморского края, оцененного по росту ВРП. В 2002 г. ВРП впервые вырос к предыдущему году на 4,6%.

Показатели по инвестициям в 2005–2007 гг. отражены в табл. 3. Их сравнение с данными 1995 г. показывает, что практически позитивных сдвигов не произошло, а в рыболовстве только ухудшилось.

Индикатором сложившейся ситуации является степень износа основного капитала, которая в среднем почти по всем фондам более 50%, в частности в 2008 г. она составила: в рыболовстве и рыбоводстве 64%, обрабатывающих производствах — 65%. По отдельным отраслям уровень износа поддерживается только за счет выбытия основного капитала при его абсолютном сокращении.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал Приморского края

2004= 100

	2005	2006	2007
Инвестиции в основной капитал — всего	100,6	123,7	142,3
В том числе:			
Рыболовство и рыбоводство	77,4	57,6	33,6
Обрабатывающие производства	82,6	165,3	132,6
Производство и распределение электро- энергии, газа и воды	97,6	99,0	102,0

Собственная база модернизации основного капитала также находится в плачевном состоянии. К сожалению, наука современным руководителям мало нужна. Ориентация на вузы не оправдывает себя. Да и по большому счету во многих регионах взаимодействие академических институтов с вузами и раньше носило характер некоторой «подкормки» последних. Данное положение усугубляется характером образовательных реформ и положением преподавателей вузов (включая ведущую профессуру, способных по-настоящему заниматься научной деятельностью). В итоге идет сокращение промышленных организаций, выполняющих исследования и разработки, и конструкторских бюро, а попытка их возмещения за счет вузов, мягко говоря, себя не оправдывает. Только в Приморском крае на 01.01.2009 г. численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась относительно 2004 г.: в конструкторских бюро в 10 раз, промышленных организациях — в 5 раз при их росте в вузах почти в 2 раза. Но эффект от такой «рокировки», безусловно, несопоставим. На современном этапе у вузов другие задачи (в основном обеспечение образовательного процесса) и поэтому их использование в качестве научных центров слишком оптимистично, по крайней мере до введения ступенчатой системы образования. Но учитывая российскую практику, в эффективность такой системы трудно верить уже хотя бы потому, что обучение бакалавров будет занимать 4 года. Практика ведущих университетов США — 3 года, с рекомендацией для дальнейшего обучения лишь нескольких процентов от общей численности поступивших (хорошо и отлично успевающих). Остальные при желании доучиваются в коммерческих университетах, в которых и уровень подготовки профессорско-преподавательского состава ниже, и, соответственно, ниже и их зарплата.

Таким образом, при ограниченном доступе к мировым современным технологиям (территории регионов используются в основном лишь для организации производств по сборке) страна теряет научно-производственный потенциал, и в первую очередь потенциал машиностроения, который был сформирован предыдущими поколениями большой ценой затрат.

Согласно ОКВЭД машиностроение и металлообработка входят в раздел «Обрабатывающие производства», удельный вес которого в структуре ВРП

Приморского края в 2007 г. составил 8,2%. Это меньше, чем по другим направлениям экономической деятельности, что принесло краю 2 место в ДВФО и 52 — в РФ. При этом необходимо иметь в виду, что средняя рентабельность данного вида деятельности не превышала в 2004-2008 гг. 2,3%. Причина в том, что «отверточное» производство не дает высокой прибавочной стоимости в отличие от интеллектуальной ренты, но последняя присваивается странами-партнерами из АТР.

В итоге оказывается, что, невзирая на начавшийся в 2001 г. в целом по РФ подъем экономики (в т.ч. и по отчетным данным Приморского края), реально до настоящего времени он не наблюдается. Россия вязнет в сырьевых проектах, хотя и приносящих ощутимые выгоды, но мало используемых на реальное развитие экономики. Направление средств на олимпиады, АТЭС (это рядовое событие для любой другой страны) и т.п. при складывающейся хронической отсталости в индустриальном секторе слабо коррелируется с активной созидательной политикой в области экономики.

В российской печати было много работ, посвященных успехам ряда азиатских стран, в частности — Южной Кореи. Так что же предпринимала Корея для подъема своей экономики и выхода на мировые рынки с высокотехнологичной продукцией? Оказывается, что основу успеха составили меры по отраслевой реструктуризации, развитию промышленности информационных технологий и расширению международного рынка. Достижению результатов сопутствовали следующие методы регулирования экономического развития:

- финансирование 12 «передовых» программ, в основном в области информационных технологий, с бюджетом каждой около 100 млн долл.;

- стимулирование наиболее приоритетных проектов ученых и научных специалистов, направленных на всестороннее развитие национальной экономики;

- интенсификация международного сотрудничества со странами ЕС.

Отставание в разработке базовых технологий электронной промышленности реализовывалось через покупку иностранных лицензий и ноу-хау.

Взрывной характер подъема экономики Северо-Восточных провинций Китая был обеспечен эффективной реализацией «стратегии оживления», активно проводимой с 2003 г., основу которой составило преобразование государственных предприятий путем повышения их инновационной технической мощи. К 2008 г. среднегодовой рост производства составлял 14,2%, а прирост капиталовложений — 32,4% [3].

В настоящее время Приморье готовится к освоению нового проекта совместно с южнокорейской компанией — по строительству судовой верфи в г. Большой Камень. 29 октября 2010 г. Дальневосточный центр судостроения и судоремонта и «DAEWOO» подписали соглашение о соответствующих намерениях. Судовая верфь будет строить крупнотоннажные суда (водоизмещением до 300 тыс. тонн) для обслуживания российской нефтяногазодобывающей промышленности: газовозы, танкеры, плавучие заводы по производству сжиженного природного газа, суда по

разведке полезных ископаемых и другие. Судя по предлагаемому ассортименту, это будут материалоемкие изделия. Потребность в металлах для их изготовления может в перспективе покрываться в том числе металлургическими комбинатами на территории ДВФО (в Республике Саха (Якутия), Амурской области и Еврейской АО), а также и планируемыми к строительству

Остается проблема «начинки» изделий двигателями, навигационным оборудованием и т.д. Какова здесь будет доля участия России при совершенно очевидной выгодности данного проекта для Республики Корея? Не достанутся ли России одни «корешки»? Таких вопросов множество. Не отрицая важности указанного проекта, совершенно очевидно, что субъекты ДВФО (в основном это Приморский, Хабаровский края и Амурская область) должны развиваться по принципу дополняющих экономик, особенно в судостроении, формируя, таким образом, комплексное развитие. Но судостроения есть и в Николаевске-на-Амуре (тоже бедствующий в настоящее время город) и в Комсомольске-на-Амуре и т.д. Хочется надеяться, что в данном случае будет принято именно оптимальное решение.

В целом же, с позиции прошедших уже практически 25 лет перестройки, казалось бы, можно считать, что «пена» перестройщиков первой и второй волн сдута и пора давно выработать объективный путь дальнейшего развития. Оказывается, что нет. В итоге экономику Приморского края «штормит», импорт забивает экспорт, население устойчиво убывает. Так, по состоянию на 01.01.2009 г. численность населения составила 1988 тыс. человек и по сравнению с 2005 г. уменьшилась на 31,5 тыс., в том числе относительно 2008 г. — на 7,8 тыс. человек.

На этом фоне представители сопредельных стран (КНР, Японии, Южной Кореи) уже чуть ли не в жесткой форме предлагают своё видение развития внешнеэкономических отношений с российским Дальним Востоком (и его места в этих отношениях) [4], направленность которого не видна только слепому.

Для патристического населения России (в том числе и того, которое реформаторы в «розовых штанишках» (по образному, но точному выражению А. Руцкого) оставили нищими) происходящие процессы и принимаемые решения, на которые они не могут никак повлиять, вызывают только глубочайшее непонимание. В частности, это относится и к призыву правительства поддержать отечественный автопром. В Приморском крае он усилен лозунгом борьбы с «правым» рулем. Но вот опять вопрос, как при нищенской заработной плате основного населения это сделать? По данным института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2006 г. 53% населения России имело доход на душу населения менее 6000 рублей/месяц. С учетом инфляции и перераспределения достижений экономического роста экономики России в пользу богатых (во многих случаях, паразитических) групп населения в силу их институциональных преимуществ [5], и в начале 2010 г. ситуация принципиально не изменилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жариков Е.П. Промышленность Приморского края в развитии экономики региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. № 2. — С. 16-26.
2. Соколов М. Внутренние цены ТЭК не должны зависеть от внешних // Экономист. 2009. № 12. — С. 32-46.
3. Чжан Гобао. Укрепление китайско-российского регионального сотрудничества, достижение совместного экономического процветания. Материалы четвертого Дальневосточного международного экономического форума (8-9 сентября, г. Хабаровск) // <http://www.dvforum.ru/>.
4. Материалы четвертого Дальневосточного международного экономического форума (8-9 сентября, г. Хабаровск) // <http://www.dvforum.ru/>.
5. А.Ю. Кризис и социальная политика. Материалы четвертого Дальневосточного международного экономического форума (8-9 сентября, г. Хабаровск) // <http://www.dvforum.ru/>.

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО КЛАССА ОБЩЕСТВА

СРЕДНИЙ КЛАСС — ГАРАНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ?

*Н.В. Кузнецова**

Не секрет, что наличие среднего класса в обществе создает наиболее благоприятный фон для восприятия стабильности социально-экономических процессов. Однако мало кто знает, что на сегодняшний день не существует общепринятого понятия «средний класс» и его обоснованной структурной модели, хотя имеется обширная литература, предлагающая свои определения и различные оценки его численности. Кроме того, средний класс — крайне неоднородное понятие, и, в зависимости от страны, критерии отнесения к среднему классу крайне разнятся. Представители среднего класса могут существенно отличаться друг от друга.

Понятие «средний слой» впервые было введено древнегреческим философом Аристотелем, который утверждал, что «чем многочисленнее будет эта часть общества, тем стабильнее будет и само общество» [1]. Основные признаки аристотелевского среднего слоя следующие: представители зарабатывают на жизнь своим трудом и не бедны; выполняют в обществе стабилизирующую функцию; заинтересованы в государственном развитии, в том числе экономическом.

После Аристотеля средний класс долгое время рассматривался с точки зрения «остатка» и неравенственного промежутка между богатыми и бедными. В Европе такие люди были причислены к «третьему сословию», где объединялись все, кто не входил в ряды духовенства и аристократии. Сословие «общинников» составляло самую многочисленную прослойку общества — например, во Франции в 1789 г. она составляла около 96% населения. Эти люди уплачивали налоги в государственную казну и, вероятно, оправдывали роль гаранта стабильности государства.

По сути средний слой не имел своей индивидуальности, так как был слишком дифференцирован внутри себя, выполняя лишь роль «ямы», в которую без разбора сбрасывали не вошедших в элиту, но и не опустившихся до нищеты.

США первыми приступили к изучению этого феномена, именно ими был выявлен массовый средний класс, хотя США всегда считались государством, избавленным от сословности и вытекающего из нее неравенства.

* *Кузнецова Наталья Викторовна* — доктор экономических наук, профессор Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: nvk@raf.dvgu.ru.

С. М. Блюмин определил даже точную дату появления среднего класса — 1830 г. По его теории, аргументами для возникновения массового среднего слоя явились — единый социально-экономический статус, культура работы, паттерн расселения, самоидентификация, мировоззрение работников нефизического труда в США того времени [2].

Другие исследователи причисляют возникновение массового среднего класса к периоду перехода от индустриального к постиндустриальному обществу (после 1960 г.). Именно в этот период «остаточный» слой значительно увеличился в численности.

Французский социолог М. Хальбвакс, исследуя в 1939 г. генезис и функции среднего класса во Франции, подчеркивал его положение между буржуазией и ремесленниками, и основным критерием, который он вывел, была «техническая деятельность» [3].

Английский социолог, Э. Гидденс утверждает, что это понимание класса основывается на сходстве в обладании материальными ресурсами и степени контроля над ними.

П. Кингстон утверждает, что общество представляет собой «многоступенчатую лестницу непрерывных градаций» [4], где место человека определяется не производственными, как в марксизме, а распределительными факторами, такими как уровень образования, способность оказывать влияние, наличие собственности.

Стюарт Адамс в 1951 г. отметил, что улучшение жизненных условий и развитие социальной инфраструктуры, образовательных и здравоохранительных институтов отразилось на численности учителей, врачей и мелких предпринимателей [5].

По мере социально-экономического развития общества стал преобладать подход к выделению среднего класса с точки зрения его принадлежности к социально-профессиональным группам. Американский социолог Э. Райт выделил следующие черты социально-профессиональных групп среднего класса: труд нефизического характера; группы людей, которые имели возможность извлекать материальную выгоду не от простой реализации своей трудоспособности, а от собственного дела или за счёт более высокого уровня образования, чем у большинства населения [6].

Розмари Кромптон пишет: «Деиндустриализация, технологические сдвиги, рост сервисного сектора — все это вылилось в умножение численности занятых тех профессий, которые традиционно характеризовали средний класс: администраторов, специалистов, менеджеров» [7]. На эту же особенность указывают Ян Пакульски и Малколм Уотерс [8].

Такой подход позволяет выделить довольно чёткие критерии отнесения к среднему классу, основные из них: определенный уровень дохода и наличие собственности, образование, дающее возможность получения высокооплачиваемой работы, достойное положение в обществе.

Таким образом, в 50-х годах XX в. произошла смена концепций относительно методологии выделения среднего класса (от уже особого, но всё еще «остаточного» слоя между богатыми и бедными — к концепции «нового» и «старого» средних классов).

Основными разногласиями между приверженцами теории «нового» и «старого» средних классов «выступало для первого — наличие собственности на средства производства, а для второго — наличие значительного человеческого капитала».

Большинство социологов подчеркивают молодость этого класса, называя его «новым средним классом» или «новыми средними классами». Пулантсас Н. определяет его как «новую малую буржуазию», С. Маллет — «новый рабочий класс», Э. Гидденс — «новый средний класс», Д. Белл — «класс интеллектуалов», Дж. Голдторп — «обслуживающий класс», Э.О. Райт — как «экспертный класс».

Американский социолог У. Райт Миллс утверждал, что главное отличие «старого среднего класса» от «нового» выражается в том, что, «старый средний класс»:

- во-первых, определялся по критериям собственности;
- во-вторых, его границы, хотя и оставались проницаемыми, были четко определены;
- в-третьих, его представители не зависели ни от государства, ни от высшего класса в силу индивидуалистической, предпринимательской природы занятости [9].

Некоторые исследователи выделяют в качестве критерия — «особое социальное мировоззрение», присущее среднему классу [10].

Л. Эрхард, заложивший основы современной экономической системы Германии, определил средний класс как людей, качественными признаками которых являются чувство собственного достоинства, независимость взглядов, самостоятельность, социальная устойчивость, смелость поставить в основание своего существования результативность собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире.

М. Сэвидж с соавторами предлагают отличать представителей среднего класса от представителей рабочего класса на основании источника их преимуществ. Ими могут быть: финансовый капитал, наличие собственности, в том числе на средства производства; организационный капитал — им обладают те, кто прошел путь по бюрократической иерархической лестнице в крупной организации; культурный капитал, которым владеют профессионалы, чье положение на рынке и социальные преимущества обусловлены образовательным уровнем и личными достижениями [11].

Свидетельством подвижности понятия среднего класса является работа Р. Флорида «Креативный класс», в которой он пишет, что в современной экономике знания все большее значение приобретает творчество, все большая ценность создается за счет создания радикально новых или преобразования уже су-

существующих форм. Он предлагает концепцию трех «Т» — технологии, таланта и толерантности — как характеристик среды, необходимых для привлечения креаторов. Фирмы ставят творческих профессионалов в условия, способствующие максимальной реализации их потенциала. «Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности». Используя данные по профессиям Бюро трудовой статистики при министерстве труда США, он распределил главные профессиональные группы по следующим основным классам: креативный класс (30% рабочей силы США), включающий в себя суперкреативное ядро (11,7%) и креативных профессионалов (18,3%); рабочий класс (26,1%); обслуживающий класс (43,4%) и сельскохозяйственные работники (0,4%) [12].

Ценности среднего класса, во многом обусловленные спецификой профессиональной деятельности его представителей, характеризуются стремлением к независимости, инновациям и нонконформизму.

Структурная модель среднего класса выглядит следующим образом: «новый средний» класс — состоит из высокооплачиваемых наемных работников, как правило, занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает менеджеров и специалистов, работающих в сфере крупного бизнеса, имеющих, как правило, высшее образование и являющихся высококлассными специалистами. К низшему слою относятся учителя, врачи, конторские служащие и т.д. Это очень разнородная группа людей, по многим параметрам схожая с рабочим классом.

В развитых странах средний класс составляют в основном предприниматели, интеллигенция, служащие, представители творческих профессий, высококвалифицированные рабочие. При этом в «низший средний» класс попадают квалифицированные рабочие, к «среднему среднему» классу относятся мелкие предприниматели, служащие, чиновники и т.д., а к «высшему среднему» — управляющие, менеджеры и руководители высшего уровня, а также люди, имеющие наследственные богатства.

Четко выраженных границ между этими категориями не существует. Более того, между ними наблюдается интенсивная диффузия. Большинство среднего класса — это люди, источником дохода которых служит их личный труд, профессиональные навыки, а не владение частной собственностью, как было раньше.

Понятие «средний класс» в нашей стране стало широко употребляться только в 90-е годы. В дореволюционной и в советской России единственной формой осознания социальной общности средних слоев было ощущение их принадлежности к интеллигенции.

По мнению А.И. Кравченко, «средний класс (с присущими ему слоями) всегда отличают от рабочего класса. Но и рабочий класс отличают от низшего класса, куда могут входить неработающие, безработные, бездомные, нищие и т.д. Как правило, высококвалифицированные рабочие включаются не в рабочий класс, а в средний (в низшую его страту), которую заполняют главным образом малоквалифицированные работники умственного труда — слу-

жащие. Возможен иной вариант: рабочих не включают в средний класс, но они составляют два слоя в общем рабочем классе. Специалисты входят в следующий слой среднего класса, ведь само понятие «специалист» предполагает как минимум образование в объеме колледжа. Верхнюю страту среднего класса заполняют в основном «профессионалы».

Л.А. Беляева отмечает, что «средние слои современного Запада — порождение индустриального общества, где поточное производство создает массовое потребление, обеспечивая повышение уровня и качества жизни широких слоев населения. Но полного развития средний класс достигает в постиндустриальном обществе, для которого характерны массовизация образования и повышение роли информации» [13]. По сути разделяется американский подход к пониманию среднего класса.

О.В. Рудаков определяет «новые» средние слои как «лиц, владеющих интеллектуальной собственностью, навыками сложной трудовой деятельности: менеджеров, интеллигенцию, служащих». Он, как и другие исследователи, выделяет тенденцию последних десятилетий, отмечающуюся в экономиках развитых стран: сокращение удельного веса «старых» и увеличение удельного веса «новых» средних слоев [14].

В.А. Соболев к среднему классу относит: менеджеров, специалистов по маркетингу, банковских служащих, работников научной и педагогической сферы, врачей, фермеров и высокооплачиваемых специалистов других отраслей народного хозяйства. По его мнению, доход, который они получают в виде зарплаты, позволяет им обеспечивать собственное расширенное воспроизводство [15].

В исследованиях РАН под руководством Н.Е. Тихоновой и НИСП Т.М. Малевой для определения структуры и размеров среднего класса используется совокупность трех признаков: материально-имущественного положения, социально-профессионального статуса и самоидентификации.

В целом российская социология для выделения среднего класса использует наиболее часто встречающиеся в американском подходе критерии среднего класса:

- 1) материальное благосостояние (материальный статус);
- 2) владение средствами производства (капиталом);
- 3) профессионально-должностной (социально-профессиональный) статус;
- 4) политический статус;
- 5) потенциал социальной мобильности;
- 6) статусность образа (стиля) жизни;
- 7) социальный престиж.

Если одни исследователи практически отрицают наличие среднего класса в России, то другие включают в него более половины населения. В зависимости от методик определения этой «середины» в российской общественной периодике появляются различные величины — от 20 до 60%. Средний класс в исследовании НИСП по итогам 2007 г. составил 20% населения [16]. Соглас-

но последним данным Института социологии РАН, к среднему классу в России сегодня можно отнести 28 млн. человек, или около 20% россиян [17]. Участники конференции «Средний класс: проблема формирования и перспективы роста», считают эти данные сильно преувеличенными. Обыденное понимание среднего класса как промежуточного слоя между богатым и бедным населением опасно своей обманчивостью, считает руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е. Гонтмахер. По его словам, при такой трактовке в средний класс попадают семьи, в которых на душу населения приходится 13 тыс. руб. ежемесячного дохода и 21 кв. метр общей площади, а также половина легкового автомобиля на всех.

Согласно данным отчета Центра стратегических исследований (ЦИ) «Росгосстраха», за 2007 г. в России на 65% увеличилось число семей с годовым доходом более 25 тыс. долл., которых авторы доклада относят к среднему классу. В общей сложности к этой страте российского общества исследователи отнесли четверть жителей страны. Л.А. Беляева и Т.И. Заславская к среднему классу относятся как субъекту, разрозненному внутри себя на несколько слоев, которые и являются базой для формирования будущего среднего класса. К авторам, отрицающим наличие среднего класса в России, можно отнести В.В. Радаева, который допускает его наличие, но только в качестве «мифа», выполняющего важные социальные, добавим, часто политические функции, «Миф» в понимании авторов этой теории создает основу для формирования утраченного в российском обществе чувства солидарности и задает новую модель общепризнанного стандарта жизни [18].

Европейский подход основан на классовой теории. В современном Европейском обществе не проводятся специальные исследования, направленные на измерение среднего класса или на выделение критериев для среднего класса, так как главным ориентиром социально-экономического здоровья общества в Европе является уровень бедности. Но определенная стандартизация всё же есть — как правило, пользуются системой международной социально-экономической классификации населения, разработанной Европейским обществом маркетинговых исследований и изучения общественного мнения. В отличие от американского и русского «доходного подхода», европейская система ориентируется на профессионально-образовательный уровень.

«Средний класс мирового уровня» [19] определяется как группа населения, способная покупать импортные товары высокого качества, импортные машины, осуществлять международные путешествия, а также имеет доступ и возможности пользоваться услугами международного уровня, включая высшее образование. Такое определение среднего класса мирового уровня использовалось в отчете Всемирного банка о Перспективах мировой экономики за 2007 г. Оно основано на реальной покупательской способности домохозяйств, которая варьирует между средним уровнем потребления в Бразилии и Италии, скорректированными на паритет покупательской способности. В со-

ответствии с данным определением почти 8% мирового населения может классифицироваться как мировой средний класс.

Разрыв между богатыми и бедными внутри отдельных стран дополняется разрывом между странами. В современных условиях возникает необходимость проводить межстрановые исследования, а также фиксировать изменения в численности среднего класса с течением времени. Американские ученые Н. Бердсолл, К. Грэхэм и С. Петинато [20] для определения числа и описания среднего класса в различных странах используют показатели доходов населения.

Ученые университета Калифорнии в 2005 г. предприняли попытку подсчитать средний класс в ряде стран (рис.1). Согласно этим данным в России к среднему классу по доходам относят 20% населения.

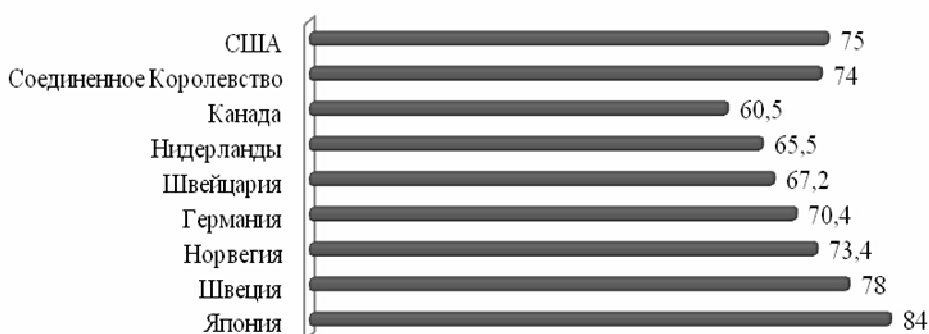

Рис. 1. Доля среднего класса от общего числа населения (средний показатель за 2000-2005), % [21]

Таблица 1

Уровень годового дохода представителя среднего класса по странам, 2009 г. [19]

Страна	Границы годового дохода:
Польша	3 — 5 тыс.(\$)
Россия	6 — 24 тыс.(\$)
Китай	8 — 60 тыс.(\$)
Испания	10 — 15 тыс.(€)
Япония	10 — 30 тыс. (\$)
Франция	15 — 20 тыс. (€)
Соединенное Королевство	25 — 35 тыс.(€)
США	35 — 100 тыс.(\$)

Сопоставление количества представителей среднего класса с их потребительскими возможностями показывает, что они отвечают минимум за 80–90% покупок на соответствующих географических, национальных рынках. В табл. 1 представлены уровни доходов среднего класса по ряду стран.

К высокодоходным странам в 2008 г. относились: США, Япония, Франция, Германия, Бельгия и т.д. Россия, Чили относились к странам с доходами выше среднего показателя. Ниже среднего показателя оказались Бразилия и Китай. Самые низкодоходные страны — это Узбекистан, Нигерия и т.д.

Совокупные доходы населения России в 13 раз меньше, чем населения США, совокупные расходы в расчете на одно домохозяйство меньше в 5 раз.

Средняя и минимальная заработная плата в России достаточно низкие, что говорит о несостоятельности граждан приобрести те или иные услуги и товары. Граждане же более развитых стран Большой Восьмерки с более высокими доходами могут довольствоваться большим количеством приобретаемых услуг (табл. 2).

Таблица 2

Средняя месячная заработная плата за 2006-2008 гг., долл. США

Профессия Страна	Инженер	Учитель	Компьютерный программист	Бухгалтер	Врач	Пожарный	Продавец
США	4710	4055	4141	3370	3434	2729	1876
Россия	813	420	758	687	392	372	365
Франция	2894	1950	2433	3012	2843	1714	1740
Германия	3397	3309	2505	2977	2207	1895	1904
Япония	2530	2961	1995	3502	2003	2037	1516
Канада	5610	3868	3043	4188	3868	4240	1867
Италия	4273	2314	2318	4802	5865	2325	1889
Великобритания	4225	3568	3479	3867	2855	2871	1419

Еще один показатель, говорящий об уровне жизни и возможности роста среднего класса, — это распределение доходов. Чем меньше граждан тратит на потребительские товары, тем выше его уровень жизни.

Если большая часть заработной платы уходит на эту группу товаров, то у потребителя остается немного для удовлетворения других потребностей (рис. 2). Доля потребительских товаров в России гораздо выше, чем в других развитых странах. Следовательно, первоочередная цель — прокормить себя и обеспечить жильем, растраты на остальное совершенно малы, что говорит о низком уровне жизни российских граждан и плохом благосостоянии их как потребителей. Прожиточный минимум в России (рис. 3) гораздо ниже прожиточного минимума многих стран-членов Большой Восьмерки (около 131 долл.).

Во всем мире наблюдается достаточно существенное расслоение доходов населения (рис. 4). Отличия в основном связаны с разницей в уровне экономического развития. В более развитых странах общество постепенно становится бо-

более однородным, за исключением США и Австралии. Доля среднего класса вырастает с одновременным сокращением разрыва между группой в 10% самых высокодоходных и 10% самых малообеспеченных. В менее развитых странах расслоение на богатых и бедных носит более выраженный характер.

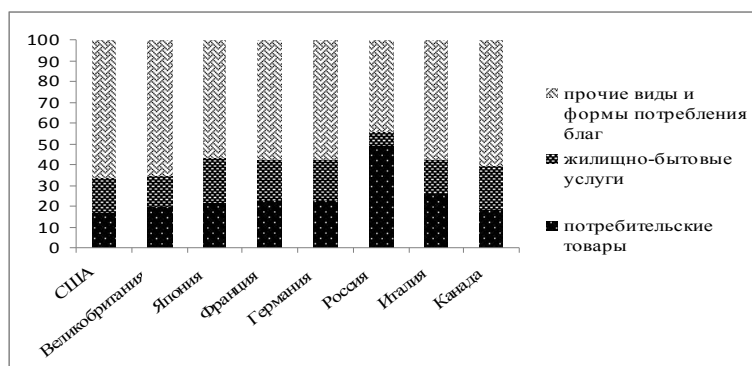

Рис. 2. Пропорции конечного потребления за 2005 г. [22]

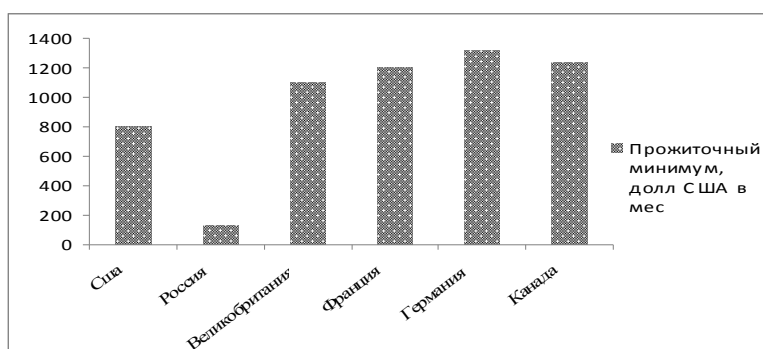

Рис. 3. Прожиточный минимум (в месяц) в разных странах (2006-2009 гг.)

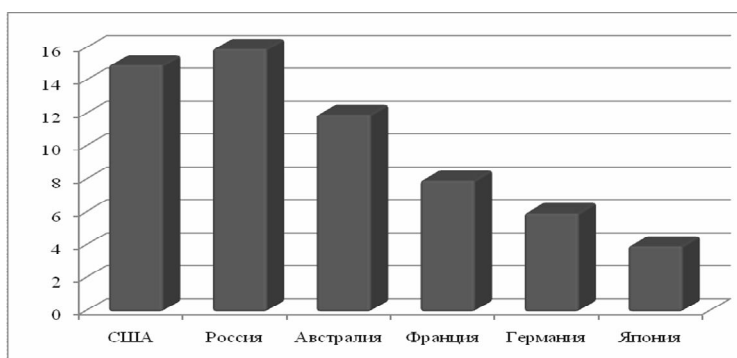

Рис. 4. Разрыв между доходами 10% богатого и 10% бедного населения за 2009 г. [19]

В США, России и Австралии существует довольно большой разрыв между доходами высших и низших групп. Так, в России в 2010 г. этот показатель увеличился до 16,7 раз. Страны Европы, а именно Франция и Германия, сохраняют умеренный разрыв. Наиболее благоприятный показатель наблюдается в японском обществе.

Коэффициент Джини, свидетельствующий о степени расслоения общества по отношению к уровню годового дохода, показывает, что бедность в глобальных масштабах сопровождается огромным и все время растущим неравенством в распределении доходов. В Китае и Индии, двух самых населенных странах мира с самой быстроразвивающейся экономикой, неравенство быстро увеличивается. В Индии «350 миллионов человек — более трети населения — живут в откровенной нищете... Только в Калькутте примерно 250 000 детей каждую ночь спят на тротуарах» [23]. В бедных и развивающихся странах (где величина ВВП на душу населения невелика) наблюдается разброс величин индекса Джини от 25 до 71%. В то же время во многих развитых странах индекс Джини ниже средней величины около 40%.

США в 2009 г. имели показатель 45%. За последние 30 лет рост индекса Джини американцы объясняют падением ставки подоходного налога, хотя существует много других факторов, влияющих на данную тенденцию. Например, научно-технический прогресс ограничил рост числа рабочих мест на производстве в пользу их роста в сфере услуг. С другой стороны, экономика США востребует профессии, требующие более высокого уровня образования.

В России в 2009 г. индекс Джини составлял 42,3%. Это достаточно большой разрыв по сравнению с развитыми странами Европы.

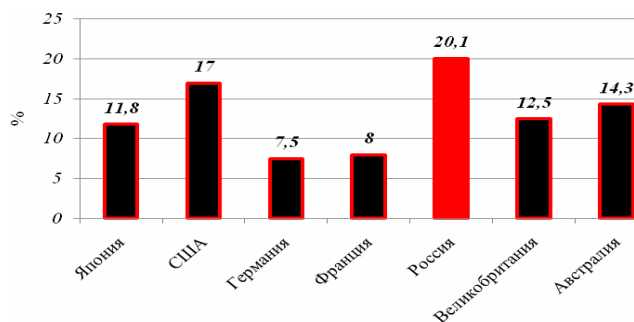

Рис. 5. Доля населения с доходом ниже 50% средней заработной платы по странам в 2008 году, % [19]

Анализ показывает, что бедность является относительным понятием и зависит от общего стандарта уровня жизни в данном обществе. В Японии к бедному слою населения относится 15,3%, США 12% — достаточно большие показатели для развитых стран; в России 15,8% населения. Германия демонстрирует низкий показатель бедности в сравнение с другими странами.

Удельный вес населения зарабатывающих ниже 50% средней заработной платы по стране иллюстрируется рис. 5: в России 20,1%, США 17% и в Австралии 14,3%, показатель Германии — 7% наименьший.

Очевидно, что чем ниже уровень ВВП, тем выше уровень бедности, тем ниже доля среднего класса. Это можно объяснить тем, что если размер совокупного дохода, произведенного на территории страны, низкий, то уровень производства, занятости, размер заработной платы тоже низкий, что ведет к росту бедности, а не к росту среднего класса (рис. 6).

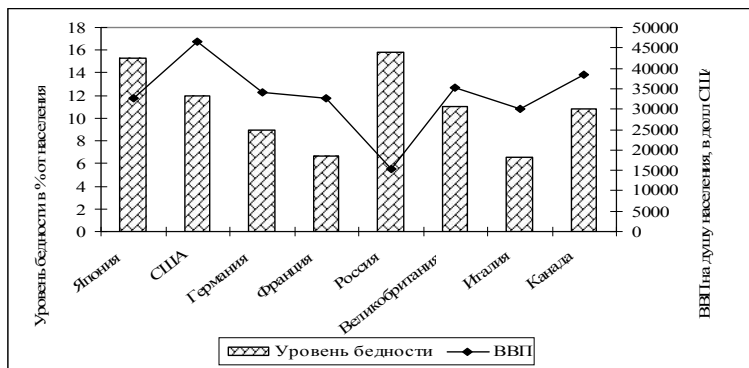

Рис. 6. Соотношение уровня бедности и ВВП за 2009 г. (при пороге бедности 40% среднего медианного уровня зарплаты) [24]

Из представленных стран Россия имеет самый высокий процент бедного населения (16%) и самый низкий ВВП. Причем российская бедность сильно отличается от бедности развитых стран. Например, тот, кто в России считается нормально обеспеченным гражданином со средним достатком, в развитых странах Европы будет считаться бедным.

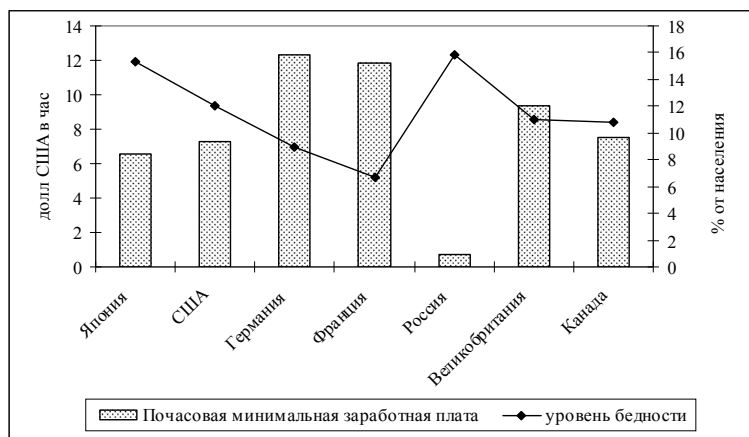

Рис. 7. Соотношение уровня бедности и минимальной заработной платы за 2008 г.

Сравнение уровня бедности с уровнем минимальной заработной платы (рис. 7) показывает, что чем выше минимальная заработная плата, тем ниже уровень бедности, и это доказывается тем, что человек, имеющий небольшое финансовое обеспечение, не может позволить себе тех или иных благ, что может опустить его проживание ниже черты бедности.

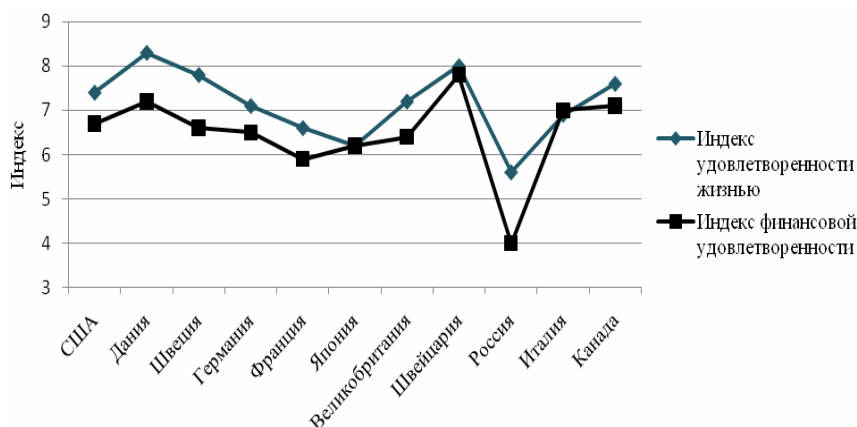

Рис. 8. Соотношение индекса удовлетворенности жизнью и финансовой удовлетворенности по странам в 2008 г.

Показатель уровня удовлетворенности жизнью — это общее благополучие человека, которое является более широким, чем материальная обеспеченность. Качество жизни может зависеть от состояния здоровья, организованности досуга, уровня образования, и доступа к культурному наследию. Рис. 8 отражает соотношения показателей уровня удовлетворенности жизнью и уровня финансовой удовлетворенности по странам за 2008 г.

Примечательно, что в Японии оба показателя совпадают, но находятся на достаточно низком уровне (6,2) для страны с 84% среднего класса, в то время как в России показатель удовлетворенности жизнью 5,6, США 7,4, в Дании 8,3. Наибольшее финансовое удовлетворение достигается жителями Швейцарии (7,8), в США это показатель 6,7.

Рассмотрим отраслевую структуру экономики, что важно в контексте выделения социально-профессионального критерия для формирования среднего класса (рис. 9).

Сравнительный анализ данных по России и промышленно-развитым странам показывает, что Россия отстает от стран Большой Восьмерки в развитости сферы услуг, но имеет большую долю в промышленности. При этом в отраслевой структуре промышленности России наблюдается резкое отставание от структуры промышленности развитых стран. Так, гораздо ниже доля таких наукоемких отраслей, как машиностроение и металлообработка (20,1% в России и 35-50% в развитых странах), химии и нефтехимии (8,5% в России и 14,2% — в США).

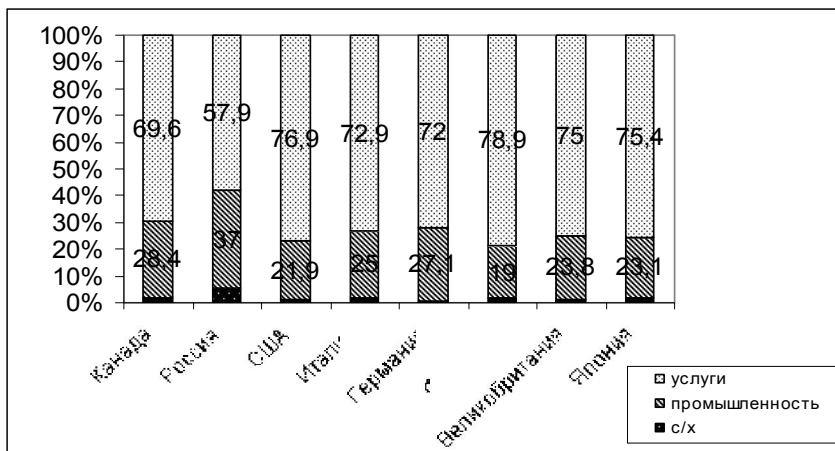

Рис. 9. Распределение ВВП по отраслям экономики за 2009 г. [25]

В то же время в структуре промышленности России наблюдается преобладание доли ресурсосодержащих и экологически опасных отраслей: долевое соотношение топливной промышленности превосходит в 5-10 раз, электроэнергетики в 5 раз, металлургии в 2-3 раза в сравнении с аналогичным соотношением в развитых странах [26]. Эти отрасли наиболее капиталоемкие, энергоемкие и содержат относительно меньшее количество рабочих мест, что уже препятствует формированию среднего класса.

Анализ соотношения прироста ВВП и уровня сбережений населения (доли от ВВП) в ряде стран в 2009 г. (рис. 10) показывает, что обычно при снижении уровня ВВП, уровень сбережений снижается. Так, в США при уменьшении ВВП почти на 2% уровень сбережений снизился на 0,2%, в то время как в Японии 1,8% снижения ВВП привело к 3% снижения сбережений.

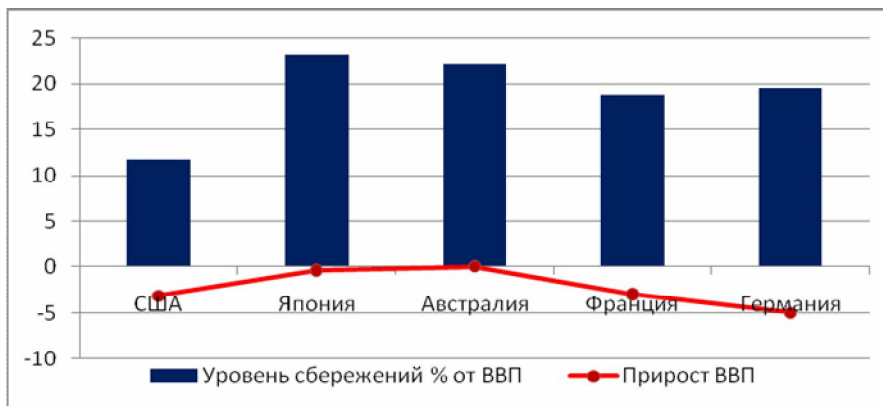

Рис. 10. Соотношение прироста ВВП и уровня сбережений населения в ряде стран, 2009 г.

Относительное изменение потребительской корзины за определенный период отражает индекс потребительских цен (рис. 11). В 2009 г. цены в России сильно возросли (на 8,3%), в то время как в некоторых других странах, таких как США, Германия, Франция и Канада, цены упали либо почти не изменились.

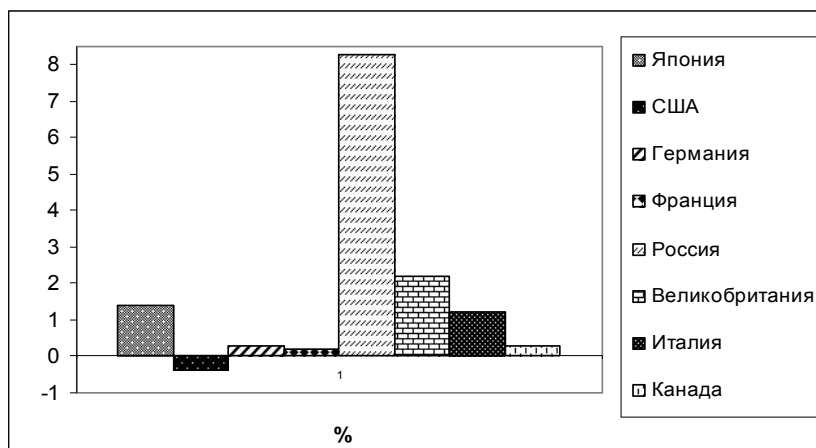

Рис. 11. Изменение индекса потребительских цен за 2009 г. по сравнению с 2008 г. (в % соотношении) [24]

Проведенный выше анализ показал, что «средний класс» в развитых странах был построен на трех китах: образование, работа-статус, собственность. Эти же факторы были формализованы государством и были созданы условия для высокого уровня эффективных инвестиций в малый бизнес и повышения вложений в «человеческий капитал».

Одна из главных особенностей развитых стран — относительно равномерное распределение доходов. Для них свойственна социальная ориентированность экономики, в частности, поддержка малообеспеченных слоев населения (пенсионеров, студентов, инвалидов и т.п.). Большие капиталовложения в науку (2-3% ВВП) и внедрение ее достижений в производство определяют высокий интеллектуальный уровень труда. Социально ориентированная экономика развитых стран обеспечила высокий уровень расходов на медицину, образование, культуру.

В промышленно развитых странах происходит падение роли традиционных добывающих отраслей и одновременно наращивание производства за счет развития отраслей высоких технологий. Передача «низкоквалифицированных» производств в развивающиеся страны позволяет повышать их интеллектуальную часть экономики и соответственно увеличивает долю среднего класса.

В России в конце 1980-х гг. около двух третей промышленных предприятий вели разработку и внедрение нововведений, а в 2002 г. их число упало до 9,8% (типичный для развитых стран показатель — 70%). Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности снизилась до 1%, а уровень инновационности продукции составил примерно 10%.

Доля России в мировом наукоемком экспорте продукции гражданского назначения ныне составляет 0,5%; США — 36%; Японии — 30%; Германии — 16% и Китая — 6%. Внутренние затраты на исследования и разработки (% от ВВП) составили в 2004 г.: в России — 0,85%; в США — 2,68%, в Германии — 2,49%; в Японии — 3,12%.

В результате доходы от экспорта технологий в 2004 г. составили: в России — 384 млн долл.; США — 52,6 млрд долл.; Великобритании — 28,2 млрд долл.; Германии — 25,3 млрд долл. [27].

Таким образом, несмотря на то, что мы декларируем рост среднего класса, для его формирования мы не можем до сих пор создать необходимые условия.

Государственное регулирующее воздействие в условиях бедности должно быть направлено на создание условий для зарабатывания средств, обеспечения социальных гарантий с целью повышения эффективности использования рабочей силы и поддержания приемлемого уровня жизни. Без государственного вмешательства невозможно гарантировать человеку доход, обеспечивающий ему достойный уровень жизни. Государство в данном вопросе также должно брать на себя такие функции, как повышение доходов малоимущих слоев населения для создания условий нормального воспроизводства рабочей силы, обеспечения оптимального распределения трудовых ресурсов, снижения уровня социальной напряженности.

Главным направлением деятельности государства должно быть создание общественно необходимого количества рабочих мест посредством проведения целенаправленной инвестиционной, налоговой, кредитной политики для сохранения стабильности на рынке труда как условия стабильного поступательного развития общества.

Пора перестать занижать уровень прожиточного минимума, который сегодня, по общему мнению, настолько низок, что нередко определяет уровень даже не бедности, а нищеты. Как известно, экономика России является сырьевой, и нельзя не согласиться с чл.-корр. РАН В. Даниловым-Данильяном, что сырьевая экономика предполагает концентрацию трудовых и прочих ресурсов только там, где расположены эксплуатируемые природные объекты, а остальное население в сырьевой экономике не нужно. И чем меньше его будет, тем для сырьевой экономики лучше. С этой точки зрения можно сказать, что сырьевая экономика заинтересована в депопуляции.

Мало что изменится, пока мы не поймем, что повышение заработной платы вызывает расширение покупательского спроса и рост производства. Только рост заработной платы может создать устойчивый рост ВВП (рис. 12).

Благодаря социально-экономической политике государства минимальный размер оплаты труда постоянно растёт. В 2009 г. он составил 4330 рублей по сравнению с 1100 рублями в 2007 г. При этом показатель среднемесячной зарплаты в 2009 г. ниже, чем в 2007 г. — на 30 рублей. Хотя в 2008 г. он был на 4,66 рублей больше, чем в 2007 г.

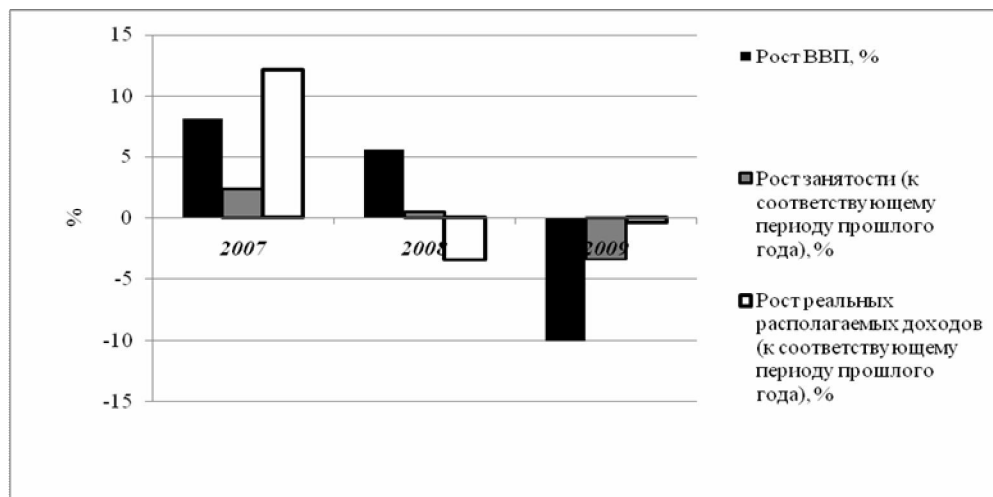

Рис. 12. Соотношение роста ВВП, роста уровня занятости и роста реальных располагаемых доходов населения в России в период с 2007 по 2009 гг. [28]

Ко всем вышеперечисленным проблемам добавляется проблема территориального неравенства развития России. Положение федеральных округов в иерархии регионов по остроте проблемы бедности имеет относительно устойчивый характер. Фактически неизменными являются группы территорий с наилучшим, средним и наихудшим положением. Наиболее благополучные из этих групп — субъекты Федерации, входящие в состав Центрального и Северо-Западного федеральных округов (сумма рангов по индексу Сена — 9 и 10). Менее благоприятна ситуация в Уральском и Приволжском федеральных округах (сумма рангов — 17 и 25). Самое неблагоприятное положение с проблемой бедности наблюдается в Дальневосточном, Сибирском и Южном федеральных округах (сумма рангов — 34, 35 и 38).

И, наконец, проблема потребительской корзины России, которая состоит из 156 товаров и услуг. Базовой является продуктовая корзина, так как для людей, живущих за чертой бедности, питание — основная статья расходов. По подсчетам независимых специалистов, потребительская корзина на сегодня должна составлять никак не менее 7 тыс. рублей в месяц.

Потребительская корзина в США состоит из 300 продуктов и услуг, во Франции — 250, Великобритании — 350, Германии — 475, Италии — 330. В отличие от России, потребительская корзина Великобритании, Франции меняется ежегодно. В России один раз в пять лет.

Все эти проблемы не способствуют снижению в перспективе социально-го неравенства и лишают нас надежд на формирование среднего класса. Не изменив базовые условия развития экономики, мы будем уговаривать себя, что у нас большая доля среднего класса, достаточно поменять критерий включения людей в эту группу. А по сути структура российского общества

остается неизменной. Только такая социальная структура не гарантирует общественной стабильности, не создает устойчивых связей и отношений благодаря таким общим чертам, как достаточно высокий доход, активная и продуктивная экономическая деятельность и выполнение специфических общественных функций. Имущественная поляризация внутри среднего класса приводит к тому, что его экономические основы размываются, и не реализуется главная его функция — гаранта экономической стабильности.

Очевидно, что сейчас как никогда актуальна необходимость институциональных изменений для формирования среднего класса в России.

Огромную роль в становление и развитие среднего класса сыграла социально-экономическая политика 30-х годов в США и 50-х годов в Западной Европе, в которых смещались приоритеты: от помощи бедным до поддержки среднего класса. Была принята идеология «государства всеобщего благосостояния». Для реализации такой идеологии в России необходимо:

- интенсификация участия государства в перераспределении денежных доходов от богатых к бедным;
- стремление обеспечить бесплатные минимальные социальные стандарты в области образования, здравоохранения и культуры для всех граждан России, независимо от уровня семейных доходов;
- рост бюджетных расходов на социальные цели как в абсолютном, так и в относительном выражении (при сохранении благоприятной экспортной конъюнктуры);
- широкое распространение такой формы собственности, как ценные бумаги и акции, которые приносят не решающий, но ощутимый доход.

Но главное, остается необходимость модернизации и структурных преобразований экономики, но рационально и объективно выверенных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. — М., 1983. — Т. 4.
2. Blumin S. M. The emergence of the middle class: Social Experience in the American City, 1760—1900. Cambridge University Press, 1989.
3. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб: Алетейя, 2000. 510 с.
4. Kingston P. W. The Classless Society. Stanford (Ca.), 2000. P. 5.
5. Цит. По: Тихонова Н.Е., Марева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009. 320 с.
6. Wright E.O. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge University Press, 1997.
7. Crompton R. Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. Cambridge, 1998. P. 150
8. Pakulski J., Waters M. The Death of Class. L., 1996. P. 56.
9. Wright Mills C. White Collar. The American Middle Classes. N. Y., Oxford, 1951. P. 9.
10. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Иноземцева В.Л. М.: "Academia", 1999, С. 206-207.
11. Savage M. et al. Property, Bureaucracy and Culture: Middle class Formation in Contemporary Britain. L.; N. Y.: Routledge, 1992.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — Пер.с англ. М.: Издательский дом «Классика — XXI», 2007. — 421 с.
13. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России на рубеже веков // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 107–115.
14. Рудакова О. В. О прошлом, настоящем и будущем российского среднего класса // ИнВестРегион. 2008. №2

15. Соболев В.А. Природа классов // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. 2006. с. 162-168.
16. Малеева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы на различных этапах экономического развития. ИНСОР, 2009 .
17. Тихонова Н.Е. Средний класс в социологическом измерении. // Дискуссия о среднем классе / ИНСОР., М.,: Научная Книга, 2008. С. 50.
18. Радаев В.В. Российский средний класс: миф, который должен стать реальностью // Российская Федерация сегодня. 2004. № 17 (сентябрь). с. 2-3.
19. Мировой Банк [Электронный ресурс]. — <http://worldbank.org>.
20. Birdsall N., Graham C., Pettinato S. Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class? // Carnegie Endowment for International Peace. Discussion Paper No 1. November 2000.
21. Государственный университет Калифорнии [Электронный ресурс]. — <http://www.calstate.edu>.
22. Беляевский И.К. Пропорции потребительского рынка: статистический и маркетинговый анализ // Вопросы статистики. — 2006. — №11
23. Watson P. «In India, No Job is Too Small,» Los Angeles Times, October 25, 2003.
24. Statistics [Электронный ресурс] // Nationmaster.com : international library. Режим доступа: <http://www.nationmaster.com/statistics/stats&all=1>.
25. Economy 2010 [Электронный ресурс] // Countries of the world: statistic data. — Режим доступа: <http://www.photius.com/rankings/index.html>.
26. Country comparison [Электронный ресурс] / International Monetary Fond. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.imf.org/external/country/index.htm>.
27. Шкаратаню О.И., Иняевский С.И., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность», 2008, №1, с. 5-27.
28. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — <http://gks.ru>.

БЮДЖЕТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Н.М. Горбунов, Г.В. Крыжановская**

В России финансовые возможности субъектов РФ по выполнению расходных полномочий значительно дифференцированы в результате сложившейся структуры экономики регионов: по степени развития экономического потенциала, размеру территории, количеству проживающего населения, обеспеченности инфраструктурой и другим факторам. Несмотря на достаточно устойчивое исполнение бюджетов регионов, в последнее время дифференциация уровней их бюджетной обеспеченности возрастает. При этом следует отметить концентрацию доходов консолидированного бюджета в высокоразвитых субъектах РФ. Так, поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей с территорий 9 субъектов РФ в 2008 г. обеспечили 60,86% от общего объема поступлений из этих источников в бюджетную систему России [4, с. 30–33].

Существующие различия между 10 наиболее финансово обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами РФ по уровню бюджетных возможностей до межбюджетного выравнивания из федерального бюджета составляют 13 раз [3].

Тенденция централизации бюджетных средств на федеральном уровне наблюдалась в течение 2000–2008 гг. Ее усугубление может привести к усилению централизации финансовых ресурсов на федеральном уровне и снижению заинтересованности органов власти субъектов РФ в развитии собственной доходной базы. Безусловно, в определенной степени концентрация финансовых ресурсов в федеральном бюджете оправдана: решение общенациональных задач, в том числе связанных со структурными преобразованиями в экономике и социальной сфере, необходимость укрепления национальной безопасности, повышение эффективности деятельности государственных структур требуют сосредоточения бюджетных средств именно на федеральном уровне. Однако это не должно приводить к снижению бюджетной самодостаточности регионов.

* *Горбунов Николай Максимович* — доктор экономических наук, профессор, ректор ГОУ ВПО Дальневосточной академии государственной службы, г. Хабаровск, e-mail: rector@dvags.khv.ru;
Крыжановская Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита ГОУ ВПО Дальневосточной академии государственной службы, e-mail: mgalin1008@mail.ru.

Таблица 1

Социально-экономические показатели, влияющие на формирование основных характеристик консолидированных бюджетов субъектов РФ

Показатели	2005	2006	2007	2008
1. Численность населения (млн чел.): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО	142,75 6,55	142,22 6,51	142,01 6,49	141,90 6,46
2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (% от общей численности): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО:	17,7	15,2	13,3	13,1
Республика Саха (Якутия)	20,0	18,9	20,1	19,6
Камчатский край	26,3	25,1	22,0	25,0
Приморский край	27,6	23,0	21,7	22,4
Хабаровский край	21,3	18,2	15,7	18,3
Амурская область	30,9	30,1	25,3	22,2
Магаданская область	18,7	17,7	16,4	17,0
Сахалинская область	18,4	15,8	12,9	11,5
Еврейская автономная область	28,4	26,3	26,7	23,6
Чукотский автономный округ	14,5	13,4	12,4	13,5
3. Уровень безработицы (%): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО	7,2 3,5	7,2 3,6	6,1 3,2	6,3 2,9
4. ВВП (ВРП) (млн руб.): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДФО	18034385 826422	22492119 999073	28254787 1291882	н.д. н. д.
5. ВВП (ВРП) на душу населения (руб.): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО	126014,2 125788,3	157853,5 153045,8	198816,5 198821,9	н.д. н.д.
6. Степень износа основных фондов (%): — в Российской Федерации — в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО	45,1 34,3	44,1 35,1	45,9 43	46,3 43,2

Составлено на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Статистический сборник / Росстат. — М., 2009.

По мере того, как происходит процесс децентрализации финансово-экономических отношений в обществе, от решения проблемы оптимального соотношения федерального бюджета и бюджетов территорий во многом зависит сохранение целостности страны, стабильность и управляемость социально-экономической сферы. Сегодня крайне велика роль субъектов РФ в реализации указанных задач. В то же время их эффективность определяется тем, какой объем бюджетных средств получают в свое распоряжение региональные органы власти. Рассмотрим этот процесс на примере субъектов Дальневосточного федерального округа (ДВФО) (табл. 1).

Величина ВРП, формируемого в ДВФО, за анализируемый период имела тенденцию к росту, что соответствует общероссийской тенденции увеличения валовой добавленной стоимости. ВРП на душу населения в субъектах увеличивался, однако в 2005–2006 гг. он был ниже общероссийского уровня. Численность населения региона сокращалась, что совпадает с общероссийской тенденцией.

Географическая отдаленность от центра России, суровые климатические условия, низкий уровень транспортной доступности и другие факторы объективно повышают уровень бюджетных расходов дальневосточных субъектов РФ и делают невозможным формирование региональных бюджетов без финансовой поддержки из федерального бюджета. Согласно данным табл. 2, в течение 2005–2008 гг. доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ в целом по стране и в ДВФО имели тенденцию к росту, при увеличении и их расходов. В 2005 г. региональные бюджеты российского Дальнего Востока (РДВ) были исполнены с дефицитом, в 2006–2008 гг. — с профицитом.

Безвозмездные поступления в доходах консолидированных бюджетов (КБ) РФ в целом по РФ и в субъектах ДВФО в течение всего анализируемого периода имели тенденцию к увеличению как в абсолютном, так и в относительном выражении.

Удельный вес безвозмездных поступлений в КБ субъектов ДВФО был существенно выше аналогичного общероссийского показателя (рис. 2). Их рост до 38,3% в 2008 г. свидетельствует об увеличении финансовой зависимости дальневосточных регионов от межбюджетных трансфертов и невозможности органов власти этих субъектов РФ обеспечить финансирование возложенных на них расходных полномочий только за счет средств, мобилизуемых на территориях (табл. 2, 3).

В общем объеме получаемых бюджетами субъектов РФ межбюджетных трансфертов значительные объемы бюджетных ресурсов приходится на субсидии и дотации. Более 80% средств в общем объеме составляет дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности. В 2007 г. такие дотации получали 68 субъектов РФ, в 2008 г. — 72, в 2009 г. — 70 [3]. В 2010 г. предусматривается выделение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности 72 субъектам РФ [1].

Таблица 2

Динамика показателей консолидированных бюджетов субъектов РФ

Показатели	2005	2006	2007	2008
1. Доходы (млн руб.)				
— РФ	2999900,0	3797300,0	4828500,0	6198800,0
— субъекты ДВФО	194245,8	228363,4	299864,4	373502,8
2. Расходы (млн руб.)				
— РФ	2941200,0	3657700,0	4790500,0	6253000,0
— субъекты ДВФО	210218,2	213677,1	286372,4	366715,3
3. Дефицит (-), профицит (+) (млн руб.)				
— РФ	+58700,0	+139600,0	+38000,0	-54200,0
— субъекты ДВФО	-15972,4	+14686,3	+13492,0	+6787,5
4. Безвозмездные поступления в доходах (млн руб.)				
— РФ	442300,0	603100,0	645000,0	1204700,0
— субъекты ДВФО	63183,9	78100,1	111651,7	143206,1
6. Доходы КБ на 1 чел. (руб.)				
— в РФ	21014,47	26700,0	34001,37	43683,05
— в ДВФО	29669,44	35084,25	46225,44	57817,77
7. Расходы КБ субъектов РФ на 1 чел. (руб.)				
— в РФ	20603,28	25718,42	33733,78	44065,0
— в ДВФО	32109,09	32827,95	44145,58	56767,07
8. Удельный вес безвозмезд- ных поступлений в доходах КБ субъектов РФ (%)				
— в РФ	15,0	16,0	13,0	19,0
— в ДВФО	32,5	34,2	37,2	38,3
9. Удельный вес расходов на социальную сферу в расходах КБ субъектов РФ (%)				
— в РФ	52,0	54,0	53,0	49,0
— в ДВФО	49,0	59,0	55,0	51,0

Примечание. Рассчитано авторами на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Статистический сборник / Росстат. — М., 2009. — С. 828–831, 840–847

Следует отметить достаточно высокий уровень финансирования расходов на социальную сферу из КБ субъектов РФ в целом по стране и в ДВФО. Более половины всех бюджетных средств выделяется на финансовое обеспечение образования, здравоохранения и физической культуры, социальной политики (табл. 2). Вместе с тем общий объем расходов инвестиционного ха-

рактера составил в 2008 г. всего 22%. При этом в 23 субъектах РФ удельный вес расходов инвестиционного характера составлял более 22% от общего объема расходов, а в 60 субъектах РФ — менее 22% [6]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о дисбалансе пропорций текущих и инвестиционных расходов бюджетов территориального уровня, значительном перекосе структуры бюджетных расходов в пользу финансирования текущего потребления. Это не позволяет субъектам РФ и муниципальным образованиям в необходимом объеме осуществлять обновление объектов социальной сферы и жилищно-коммунального хозяйства, снижать аварийность этих объектов, а также повышать инвестиционную привлекательность региона в целом.

Таблица 3

**Межбюджетные трансферты в доходах
консолидированных бюджетов субъектов РФ (в процентах)**

Удельный вес межбюджетных трансфертов в доходах КБ субъектов РФ	2005	2006	2007	2008
1. В Российской Федерации	15,0	16,0	13,0	19,0
2. В ДВФО	32,5	34,2	37,2	38,3
из них				
Республика Саха (Якутия)	30,8	34,1	34,1	40,3
Камчатский край ¹	51,4	49,3	55,4	57,9
Приморский край	30,5	30,0	28,3	34,2
Хабаровский край	22,0	18,7	23,2	23,0
Амурская область	41,5	36,0	42,9	43,3
Магаданская область	51,4	47,5	48,1	56,3
Сахалинская область	19,9	23,3	27,3	30,6
Еврейская автономная область	53,3	50,4	54,3	51,8
Корякский автономный округ	74,3	83,6	87,3	нет данных
Чукотский автономный округ	30,2	63,3	75,4	63,8

Примечание. Рассчитано авторами на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Статистический сборник/ Росстат. — М., 2009. — С. 828–831.

Для оценки уровня финансовой устойчивости КБ субъектов ДВФО были использованы критерии, предложенные Г.Б. Поляком [2], результаты ее приведены в табл. 4. Согласно расчетам, основу формирования доходов КБ субъектов РФ в целом по стране составляют налоговые и неналоговые доходы. При этом отмечается снижение уровня независимости КБ субъектов РФ от безвозмездных поступлений из федерального бюджета.

¹ 2005–2007 гг., без учета данных по Корякскому автономному округу.

Таблица 4

**Критерии оценки состояния
консолидированных бюджетов субъектов РФ**

Показатели	2005	2006	2007	2008
Коэффициент автономии				
— РФ	0,85	0,84	0,87	0,81
— субъекты ДВФО	0,67	0,66	0,63	0,62
Коэффициент обеспеченности собственными доходами				
— РФ	0,93	0,93	0,92	0,87
— субъекты ДВФО	0,66	0,69	0,70	0,69
Коэффициент бюджетного покрытия				
— РФ	1,02	1,04	1,01	0,99
— субъекты ДВФО	0,92	0,99	1,05	1,02

Примечания: коэффициент автономии — D_c / D ; коэффициент обеспеченности собственными доходами — D_c / P_m ; коэффициент бюджетного покрытия — D / P ; D — общая сумма доходов бюджета, P — общая сумма расходов бюджета, D_c — доходы бюджета без безвозмездных поступлений, P_m — минимальные расходы бюджета.

Степень независимости КБ субъектов ДВФО ниже, чем в среднем по России. В течение всего анализируемого периода отмечается повышение уровня зависимости бюджетов дальневосточных субъектов РФ от средств федерального бюджета.

Уровень финансирования текущих (минимальных) расходов КБ субъектов РФ за счет доходов, формируемых на территориях (налоговых и неналоговых доходов), в целом в РФ снизился. В ДВФО в среднем только 70% текущих расходов КБ финансировалось за счет поступлений налоговых и неналоговых доходов, в то время как в РФ этот показатель составлял около 90%.

Несмотря на существующую зависимость КБ субъектов РФ от межбюджетных трансфертов, их расходы практически полностью покрывались доходами, что подтверждает высокое значение коэффициента бюджетного покрытия.

Рассчитанные коэффициенты характеризуют текущую финансовую устойчивость КБ субъектов РФ. В этом плане оценка устойчивости региональной бюджетной системы на перспективу даст возможность ставить и решать стратегические задачи социально-экономического развития субъектов РФ, включая привлечение инвестиций, долгосрочные облигационные займы, развитие и модернизацию региональной инфраструктуры.

Значение бюджетных средств, получаемых субъектами РФ из федерального бюджета, возрастает с каждым годом. Поэтому от того, каким образом и в каких формах будет в дальнейшем осуществляться процесс межбюджетного перераспределения средств, зависит нормальное функционирование не только региональных бюджетов, но и бюджетов муниципальных образований, входящих в бюджетные системы субъектов РФ.

Проблемы повышения устойчивости бюджетов субфедерального уровня обусловлены, прежде всего, отсутствием единства между системой целей развития государства в целом и стимулированием наращивания экономического потенциала каждым регионом. С одной стороны, в РФ расширяется набор инструментов, используемых для обеспечения социально-экономического развития регионов, а с другой — отсутствует координация по использованию этих инструментов в отдельных регионах. Поэтому, несмотря на увеличение объемов межбюджетных трансфертов, возрастает и дисбаланс между уровнями социально-экономического положения регионов, поскольку характер и порядок предоставления межбюджетных трансфертов в большинстве своем носят характер финансовой помощи и не стимулируют региональное развитие.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что повышение бюджетной обеспеченности субъектов РФ возможно посредством реализации ряда мероприятий по следующим направлениям:

1) развитие доходного потенциала субъектов РФ:

— направление дополнительных доходов, возникающих в процессе исполнения бюджетов, не на увеличение расходных обязательств, а на формирование в составе бюджетов резервных фондов субъектов РФ, которые могут быть использованы в случае сокращения поступлений доходных источников;

— поддержка значимых для субъекта РФ отраслей экономики, наиболее подверженных кризису, в том числе посредством использования механизмов предоставления государственных гарантий и субсидирования процентных ставок по кредитам;

— оптимизация перечня налоговых льгот с учетом их обоснованности и эффективности применения;

2) оптимизация расходов бюджетов субъектов РФ:

— контроль за финансовым состоянием организаций, находящихся в собственности субъектов РФ;

— разработка критериев по отбору объектов поддержки негосударственного сектора экономики;

3) управление бюджетным процессом в субъектах РФ:

— создание системы мониторинга и оценки качества бюджетного менеджмента, включая индикаторы использования инструментов бюджетирования, ориентированного на результат;

4) совершенствование механизмов оказания финансовой помощи:

— предоставление бюджетных кредитов не только на частичное финансирование дефицитов бюджетов субъектов РФ, покрытие временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджетов, ликвидацию стихийных бедствий и техногенных аварий, но и на модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры;

— предоставление органам государственной власти субъектов РФ права устанавливать единые дополнительные нормативы отчислений от налогов,

подлежащих зачислению в бюджеты субъектов РФ, в местные бюджеты в зависимости от их типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О федеральном бюджете на 2010 год и плановый период 2011 и 2012 годов: федеральный закон от 22.12.2009 г. № 308-ФЗ [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.minfin.ru>
2. Поляк, Г.Б. Территориальные финансы: Учебное пособие / Г.Б. Поляк. — М.: Вузовский учебник, 2003. — 479 с.
3. Пояснительная записка к проектировкам основных характеристик федерального бюджета на 2008 год и на период до 2010 года и распределению расходов федерального бюджета на 2008 год и на период до 2010 года по ведомственной структуре и разделам функциональной классификации расходов бюджетов РФ [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.minfin.ru>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Статистический сборник / Росстат. — М., 2009. — 990 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2009: Статистический сборник / Росстат. — М., 2009. — 795 с.
6. Справка об исполнении консолидированных и местных бюджетов субъектов Российской Федерации на 1 января 2009 года [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.minregion.ru>

ПРОБЛЕМА ПЛАТЫ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛЯЖНО-ПРИБРЕЖНЫМИ РЕСУРСАМИ

*А.И. Тодоров**

Для приморских территорий, обладающих привлекательными пляжными зонами, особую важность приобретает проблема их оценки. Особенно она обостряется, если пляжные зоны находятся вблизи крупных урбанизированных агломераций. Здесь возникает ряд противоречивых моментов. С одной стороны, согласно Стокгольмской Конференции (1972 г.) и Конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.), любой человек Земли имеет право свободного доступа к морским побережьям. С другой стороны, в процессе доступа к пляжам человек наносит определенный ущерб морскому побережью, да и не редко прибрежным водам путем их загрязнения и захламления (тарой, бумагой и т.д.). Следовательно, должна быть служба, приводящая побережье и прибрежные воды в нормальное состояние, а для этого требуются определенные средства. В силу естественного различия таких территорий, очевидно, требуется дифференцированный подход к формированию некоторого фонда средств для приведения морского побережья с массовым посещением людей (в том числе из различных регионов) в нормальное состояние.

Другая проблема в том, что привлекательное морское побережье (пляж) имеет определенную **социально-экологическую вместимость** как с позиции экологической вместимости (в самом широком значении этого слова), так и

* *Тодоров Аркадий Иванович* — аспирант Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток, e-mail: <kmm2008@bk.ru>

одновременного числа пребывающих на нем людей (должна соблюдаться определенная комфортность условий пребывания на нем индивидуумов). Если число одновременно посещающих заказные заповедники строго административно регламентировано так называемыми отраслевыми предельно допустимыми нормативами (ПДН), то число одновременно находящихся отдыхающих рекреантов на ограниченном пляже административно фактически не регламентируется, хотя и существуют определенные нормы.

Естественно, что в цивилизованном обществе комфортность пребывания на ограниченном пляже, если она не решается (сама по себе не стимулируется) затратами на проезд до места отдыха, то так или иначе должна решаться другими способами. Один из них вполне очевиден, это — плата за пребывание на пляже для формирования фонда средств, с помощью которого будут поддерживаться нормальная экология пляжа. В зависимости от дефицитности пляжа: существует или не существует проблема соблюдения отраслевых ПДН, возможны различные варианты формирования выше указанного фонда средств.

Данная проблема чрезвычайно сложна, ее решение совершенно не очевидно. А существующая практика пока не дает возможности использовать готовые рецепты. Поэтому есть все основания рассмотреть бывший советский опыт, опыт настоящего времени (в первую очередь, учитывая практически ежегодно возникающие конфликты, крымский опыт) и опыт пляжных зарубежных стран.

В бывшем СССР на все пляжи (за исключением частично — санаторных пляжей) существовал свободный вход. Причем многие пляжи были оборудованы мусорными урнами, раздевалками с душами, волейбольными площадками, а также различными, в том числе бесплатными, аттракционами и приспособлениями для детей. У отдыхающих прописку не спрашивали, многие здравницы Крыма не закрывали для «дикарей» проходы на свои пляжи. Обслуживание пляжей возлагалось на населенные пункты (города), на чьих землях они располагались. Город (по современной терминологии — муниципалитет) обеспечивал для всех отдыхающих минимальные пляжные удобства. Параллельно оказывались и платные услуги: прокат лежаков, катамараны и лодки для прогулок, катание на водных лыжах и т.д.

С 1991 г. ситуация изменилась. На многие пляжи приезжие, а также и местные жители, могут пройти к морю только за деньги [27, 80]. Если санаторные и детские пляжи могут быть отгорожены, то все другие нет. Доступ к ним, согласно решениям ООН, должен быть свободен. Но в настоящее время многие частные пансионаты, находящиеся в черте морского побережья, не имеют своих пляжей. Поэтому в летний период 2009 г. все морское побережье — от санатория Сак до Евпатории — практически было лишено свободного доступа. Такая же ситуация наблюдалась и в предыдущие годы. Плата за вход составляет от 10 до 50 гривен с человека (1 гривна = 3,5 рубля). Как правило, платный вход на пляж обосновывают платой не за проход к морю, а за

обязательные услуги (отказаться от них нельзя) — раздевалки, туалеты, душ и медицинское обслуживание.

Формально к пляжам с открытым доступом в настоящее время относят только муниципальные. Но из-за ограниченности городского бюджета не хватает средств для поддержки чистоты и порядка на таких городских пляжных территориях. Поэтому города и поселки сдают в аренду практически все собственные пляжи, как правило, оставив в своем распоряжении один (для отчета). Но и даже на них находятся предприимчивые люди, организующие платный вход. Причем следует отметить, что муниципальные (коммунальные) пляжи — это, как правило, самые наихудшие в смысле удобства их расположения, наличия на них песка и т.д.

Для удобных, с позиции рекреантов, крымских пляжей, открытие к ним свободного доступа приведет к их перенаселению отдыхающими, причем в основной массе «дикарями». А это чревато оттоком граждан из официальных здравниц и пансионатов.

Хотя и с меньшим накалом, вскрытые выше проблемы характерны и для пляжей Приморского края — пляжных зон Владивостока, Находки и Порта Восточного, Хасанского района. Лучшие пляжные зоны (с позиции подъезда на личном транспорте к ним, достаточности качественного песка и других предпочтений) сданы в аренду. Если вход отдельных граждан на такие пляжи в большинстве своем свободен, то въезд на автомашине 50-100 рублей, поставить палатку — еще минимум 100 рублей.

В частности, основные нарушения, отмеченные в ходе комплексной проверки Инспекцией управления муниципального имущества градостроительства и архитектуры Владивостока пляжей и зон отдыха в районе б. Шамора (лето 2009 г.), показали, что:

- некоторые субарендаторы незаконно взимают плату с граждан даже за посещение пляжной зоны;

- незаконно взимается плата за автопарковку, когда территория специально для этого не оборудована, а лишь представляет собой просто клочок земли.

Состояние решения рассматриваемой проблемы за рубежом также далеко не однозначно, хотя общая тенденция такова, что муниципальные пляжи бесплатны.

Греция. Все пляжи в стране принадлежат государству. Вход на них формально бесплатный. Но местные власти могут установить плату за посещение специально оборудованного пляжа, при этом в стоимость входят лежаки и зонтики.

Франция, Ницца, Лазурное побережье. Для отдыхающих есть пляжи бесплатные, это общественные зоны отдыха, но все они, как правило, каменистые. Удержаться на камнях для многих представляет серьезную проблему. Пляжи при отелях платные, как правило, с рестораном.

Пляжи Италии. Пляжи муниципальные и большинство их огорожены и имеют платный вход. Бесплатных пляжей «для всех» очень немного.

Израиль. Согласно национальным законодательным актам все израильские побережья считаются общественной собственностью со свободным бесплатным доступом к морю. Однако в реальности на некоторых пляжах взимается плата за вход на пляж, что является противозаконным. Платные оборудованные парковки не запрещены, но под видом платы за парковку часто взимаются деньги за сам по себе доступ к морю [68].

США, Флорида, приморский город Сисайд. Пляжная зона является одной из красивейших, принадлежит муниципалитету, за пользование пляжем плата не взимается. Аналогично, практически все пляжи на Гавайях — это общественная собственность, вход на пляж не требует платы. При размещении в отелях — пляжи, лежаки, зонтики — бесплатно.

Япония, префектура Миядзак (о. Кюсю), курорт Сигайя. Стоимость первого в мире *крытого* пляжа «Ocean Dome» составляет около 50 долл., а рядом, в 300 метрах, расположен вполне обычный пляж [67].

Плата за вход на открытые пляжи:

— «Nashiro Beach» среди сосен Рюкю с услугами (водный мотоцикл и т.п.) — 310 иен;

— «Ginowan» — бесплатный общественный пляж рядом с центром Окинавы;

— «Sunset Beach» — бесплатный общественный пляж с павильонами, водными велосипедами для детей и т.д. Открыт с 8:30 до 22:30 ежедневно;

— «Moon Beach Resort» — пляж с полным сервисом. Взнос составляет 500 иен, как правило, он включает в себя использование пляжа, душевых и парковку.

Из приведенных данных следует, что, несмотря на ратификацию большинством стран международных конвенций, предусматривающих свободный доступ к морю, тем не менее плата за доступ к определенным пляжам, в той или иной форме взимается, что обуславливает определенную социально-экономическую напряженность. Следовательно, проблема существует и требует своего разрешения.

Выделим объективно-субъективные факторы, так или иначе влияющие на решение вычлененной выше проблемы, и попытаемся их интерпретировать в определенной последовательности. При этом считаем, что рассматриваются пляжи в черте муниципальных образований, и они довольно посещаемы.

Итак, основной вопрос: **что достигается введением платы за посещение пляжа? Есть ли альтернатива?**

Согласно основам теории природопользования, введение платы за природные ресурсы (землю, воду, лесные ресурсы и т.д.) стимулирует их рациональное использование с позиции ограничения количественного потребления и дает возможность путем формирования определенного целевого фонда денежных средств улучшать качество таких ресурсов (оплата санитарных рубок леса и др.).

С другой стороны, введение какой-либо платы для «всех», не связанной с улучшением (ухудшением) состояния природного объекта, означает изменение масштаба цен (количества денег) и влечет создание организующих и

контролирующих структур с выделением для их функционирования определенных затрат, которые, естественно, необходимо сопоставлять с выгодами.

Положим, что содержание пляжа сопряжено с необходимостью выполнения комплекса в основном текущих работ (не связанных с первоначальным его обустройством), а это требует создания некоторого малого предприятия с соответствующим штатом. Путей создания два: либо унитарное муниципальное предприятие с финансированием на бюджетной или коммерческой основе; либо сдача пляжа в аренду с самокупаемостью. Если предусматривается вариант самокупаемости, то, следовательно, система «пляж» должна иметь источники формирования финансовых средств для нормального своего функционирования. Причем источник «плата за вход на пляж» не обязателен.

В любом случае подрядчик, будь то представитель муниципалитета либо арендатор, должен обеспечить работу пляжа, причем без права взятия платы за вход. Это возможно только при условии, что арендатор будет иметь право сдавать территорию на правах субаренды с созданием комплекса дополнительных услуг для отдыхающих (предприятия муниципалитета и так обладают этим правом). В частности, это организация нормальных автостоянок, выделение участков территории для магазинов, кафе, организации проката (зонтов, лежаков, водных лыж и т.д.). На пляжных территориях эти виды услуг пользуются достаточной популярностью, а реализация напитков и других продовольственных товаров осуществляется с наценкой в 2-3 раза. Плата за субаренду — это один из источников формирования денежных средств. Другой источник — отчисления за предоставляемые удобства в виде домиков отдыха, либо за установку палатки в пляжной зоне, что можно интерпретировать как субаренду территории для соответствующих нужд. Третий источник — отчисления частных, проживающих рядом с пляжной зоной и сдающих жилье в наем отдыхающим (фиксируется через получение разрешения на содержание отдыхающих в муниципалитетах).

Исходя из выше изложенного, можно констатировать, что вполне достаточно источников формирования фонда содержания пляжного участка в нормальном состоянии, причем с правом бесплатного доступа к пляжной акватории. Тем не менее, могут возникнуть вполне реальные ситуации следующего содержания.

Ситуация 1. Поступающих средств не хватает на содержание пляжа.

Такая ситуация может сложиться в результате слабости бюджета местного муниципалитета или малой доходности в результате деятельности арендаторов, обусловленной нежеланием отдыхающих пользоваться дополнительно предоставляемыми платными услугами, в т.ч. пляжной торговли (считаем, что стоимость предоставляемых услуг и товаров в пределах нормальной цены производства, т.е. обеспечивает только нормальную среднеотраслевую прибыль). Разрешение ситуации, скорее всего, будет связано с прекращением аренды (при арендном варианте) и ухудшением санитарной ситуации на пляже, что возможно вынудит муниципалитет ограничить доступ в данную

пляжную зону (вплоть до ее закрытия). Скорее всего, это достаточно редкая ситуация, проявление которой может быть обусловлено максимально низкой доходностью населения, его количественной ограниченностью, или это только местное население, живущее вдоль пляжной зоны.

Ситуация 2. Пляжи санаториев, домов отдыха и т.п. Такие пляжи входят в состав указанных объектов. Фактически они тем или иным способом бывают отгорожены от свободного доступа. И формально их содержание оплачивается косвенно через стоимость путевки и т.п.

По Закону же береговая полоса не может быть приватизирована (ст. 7 Земельного Кодекса РФ). Согласно Водному Кодексу РФ она является зоной общего пользования шириной 20 м со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этой полосе каждый гражданин имеет право осуществлять любительское и спортивное рыболовство, причаливать плавучие средства. Запрещается в ней (на суше) пользоваться механическими транспортными средствами.

Можно полагать, что отгороженность пляжей санаториев сохранится из-за выполнения учреждениями лечебных функций, связанных со здоровьем. Когда необходимо соблюдать относительную тишину, важен особый врачебный уход во время приема солнечных и купальных ванн (в т.ч. в открытых морских водоемах) и т.д.

Ситуация 3. Крытые пляжи. Если такие будут создаваться, по примеру Японии, то естественно они будут платные прямо или косвенно.

Ситуация 4. Проблема превышения социально-экологической вместимости пляжа. До сих пор рассматривались ситуации с пляжными зонами в черте муниципальных образований, довольно посещаемые, но не оказывающие отрицательных воздействий на состояние пляжной зоны с соответствующей акваторией.

Согласно нормативной документации [27], норма пляжной площади в расчете на 1 человека составляет:

- мировая — 15 кв. м;
- в бывшем СССР — 5 кв. м;
- минимальная — 2 кв. м.

Возможны две ситуации: 1) численность людей на пляже превышает норматив территории на 1 человека, но состояние пляжа и акватории в пределах санитарных норм; 2) численность посещающих пляж приводит к нарушению санитарных норм состояния купальной морской акватории, даже если нормы пляжной площади (земли) вполне приемлемы.

Разрешение первой ситуации скорее всего не требует вмешательства в регулирование численности пребывающих на пляже (кроме конфликтных ситуаций), и она будет разрешаться каждым отдыхающим путем сопоставления личных выгод пребывания на пляже с издержками, обусловливаемыми стесненностью и другими неудобствами.

Вторая ситуация имеет несколько вариантов решений. Если ухудшение состояния прилегающей к пляжу акватории не столь опасно, то можно обойтись

без закрытия пляжа, но необходимо будет ввести квоты на посещения (аналогично введению отраслевых нормативов на посещение «ранимых» заповедных мест, например, гейзеров на Камчатке). Такой подход обусловит, скорее всего, дискриминацию или вызовет социальное недовольство необходимостью занимать очередь со всеми особенностями «русского подхода» к решению проблем очередей. Если возникает такая ситуация, то, конечно, лучшее ее решение — введение платы за вход на пляж, что явится косвенным регулятором приведения численности отдыхающих на пляже с допустимыми нормами. Можно полагать, что количество таких пляжей ограничено. Они относятся, скорее всего, к пляжам высшей категории. А такие пляжи могут иметь статус «монопольных» (особых) по отношению к другим пляжам. Теоретически, согласно теории ренты, это дает возможность установить плату за вход на такие пляжи. Например, по подобию существования монопольной цены (включая ренту) на вино, полученное с уникальных виноградников, расположенных на уникальных землях.

Имеющийся опыт, а именно сдача в аренду черноморских пляжей в 2008 г., по мнению Департамента комплексного развития курортов и туризма Краснодарского края, себя оправдала. И уже в 2009 г. на конкурс было выставлено 58 территорий. Три территории остались у арендаторов 2008 г. При этом тендер перестал носить ярко выраженный местный, краевой характер. Благодаря широкой информационной поддержке, интерес к аренде проявили в том числе и московские инвесторы.

Условия конкурса (минимум, установленный Департаментом комплексного развития курортов и туризма Краснодарского края):

— предприниматели арендуют уже очерченные пляжные территории и содержат их в надлежащем состоянии в течение всего календарного года, а не только в летний период;

— *условия использования пляжной территории*: а) свободный проход на арендуемую территорию; б) оборудование пляжей должно соответствовать их функциональному назначению и обеспечивать комфортные условия пребывания отдыхающих. Все сооружения на пляже, в том числе сезонные, не могут занимать более половины территории и должны располагаться равномерно вдоль линии пляжа, а все коммуникации к пляжным комплексам — пролегать под землей;

— *пляжная инфраструктура*: а) на пляжах должны находиться спасательные станции, питьевые фонтанчики, души, туалеты, раздевалки — с соответствующими строениями и подсобными помещениями, обеспечивающими их деятельность; б) разрешены объекты мелкорозничной торговой сети для реализации продовольственных товаров (кондитерских изделий, напитков и т. д.) в фабричной упаковке и промышленных товаров курортного назначения.

Аренда пляжей уже стала обычной практикой для прибрежных городов Краснодарского края, но осуществлялась она больше по воле муниципальных властей. По опыту арендаторов условия властей ежегодно возрастают без взаи-

мообусловленности. Основное разногласие в сроках аренды, как правило, это — 11 месяцев. По мнению арендаторов с опытом, для комплексного развития, предполагающего строительство набережной, установку фонарей, душевых, круглосуточных комфортабельных кафе, танцплощадок, аттракционов, арендатору потребуются коммуникации, но за 11 месяцев их не окупить [61].

Сама арендная плата — незначительная статья расходов, хотя и достаточно дифференцированная в зависимости от района аренды. В 2006 г. в Ейском районе она составила 5,45 руб. за кв. м в год, в Новороссийске в несколько раз выше — около 30 руб. за кв. м. При ежесуточной посещаемости пляжа в 4 000 человек более 25% их пользуются теми или иными услугами. А учитывая, что средняя цена одной услуги — 30 руб. / час, то это около 30 000 руб. / сутки и 900 тыс. руб. / месяц.

Так, обустройство пляжа (медпункт, спасательная вышка, туалеты и раздевалки), арендованного компанией «Туапсе Бизнес-курорт», составило около 1,5 млн рублей. Активная часть использования пляжа около 4 месяцев. Следовательно, есть все основания полагать на достаточно быструю окупаемость вложенных средств.

Подтверждением того, что аренда пляжей на 11 месяцев тоже достаточно эффективна, являются результаты — в том числе «Конкурса-2009». В частности, уже в начале проведения конкурса на аренду пляжей в Туапсе были заключены договора на 8 пляжей из 9. Заключение арендных договоров успешно проходило и в других пляжных районах — Ейске, Новороссийске, Сочи.

Тем не менее, проблема увеличения срока аренды пляжей остается актуальной из-за риска не вернуть вложенные деньги. По мнению арендаторов, нормальный срок аренды около 15 лет, что позволит им реализовать достаточно крупные проекты по благоустройству и «раскручиванию» пляжей. А это, в свою очередь, обеспечит им достаточную эффективность проектов.

Переход к процессу аренды пляжных зон позволит решить и проблему заинтересованности муниципалитетов участвовать в развитии рекреационной структуры прибрежных морских зон. Проблема в том, что муниципальные образования, имея в пользовании рекреационные земли, часто вообще не получают от них выгод в виде налоговых, арендных, рентных и др. поступлений в свои бюджеты. А это не стимулирует рациональное использование природных ресурсов приморских зон и настраивает власти уделять основное внимание не восстановлению и развитию рекреационной инфраструктуры, а развитию более выгодных для муниципалитетов объектов местной промышленности и другому хозяйственному использованию территорий, которые будут обеспечивать доходы их бюджетов.

Количественные параметры арендной платы за пляжные участки. Реализация арендных отношений определяет необходимость определения ценности пляжных зон. Реальная практика хозяйствования основывается на кадастровой оценке стоимости земельных участков согласно принципам, изложенным в Земельном Кодексе, когда изначально определяется рыночная стоимость

пляжной зоны, на ее основе — кадастровая стоимость и на основе кадастровой стоимости определяется арендная плата пляжной зоны за 1 кв. м площади. Однако, вопрос о том, что положить в основу определения рыночной стоимости, остается актуальным. Рекомендуемые экономической теорией подходы, основанные на соотношениях «спроса-предложения», далеко не безупречны, что особенно проявляется после финансово-экономического кризиса.

В этой связи предлагается положить в основу разрабатываемых рекомендаций подход, основанный на затратах замещения, понимая под ними затраты, которые понесет реакреант для получения аналогичных услуг через специализированные учреждения. Сама идея такого подхода довольно известна, суть новизны лишь в содержании.

Кадастровую стоимость приморской пляжной зоны будем оценивать через стоимость услуг Солярия, обеспечивающего загар и создающего уютную приятную атмосферу, близкую по конечному результату, получаемому под воздействием естественного морского пляжа.

Методические основы расчета арендной платы за 1 ед. площади пляжной зоны через затраты замещения состоят в следующем.

Этап 1. Определяется стоимость (Z) получения красивого загара, сравнимого с пляжным загаром, и (или) получения наслаждения через уютную атмосферу, создаваемую Солярием:

$$Z = p \cdot n \cdot t, \quad (1)$$

где p — стоимость 1 минуты услуг Солярия; t — временная протяженность 1 сеанса в Солярии (минут); n — число посещений Солярия для получения эффекта относительно сравнимого с пляжным эффектом.

Этап 2. Определяется временной промежуток отдыха на пляже, в течение которого отдыхающий получит оздоровительный эффект (в том числе и психологическое удовлетворение), эквивалентный полученному эффекту в Солярии:

$$t_{nl} \cong f(n, t) \quad (2)$$

где t_{nl} — временной промежуток, который необходимо провести на пляже для получения эффекта, сравнимого с эффектом, получаемым через Солярий.

Этап 3. Исходя из площади пляжной зоны S (кв. м), средней наполняемости пляжа (при расчетах на перспективу можно использовать нормы отведения территории для 1 отдыхающего), вычисляется количество человек (N), посещающих пляжную зону:

$$N = \frac{S \cdot T}{s_{nc} \cdot t_{nl}}, \quad (3)$$

где: s_{nc} — нормативная пляжная площадь на 1 отдыхающего; t_{nl} — время пребывания на пляже 1 человека; T — время активного функционирования пляжа.

Этап 4. Рассчитывается стоимость пляжной зоны ($C = Z \cdot N$) и средняя стоимость ее 1 кв. м ($p_{\text{кв}} = C/S$), которая и может быть взята в качестве кадастровой цены 1 кв. м пляжа.

Этап 5. Рассчитывается арендная плата за 1 кв. м пляжной зоны:

$$\text{АП} = 1,5 \times 3Н,$$

где 3Н — земельный налог, рассчитываемый по формуле: $3Н = 0,015 \times p_{\text{кв}}$.

Учет региональных и других особенностей пляжной зоны осуществляется путем введения определенных корректирующих коэффициентов. В качестве значений исходных параметров для расчетов можно использовать значения, полученные на основе экспертных опросов и установленных нормативов.

При расчете годовой арендной платы также необходимы корректирующие коэффициенты, отражающие сезонную загруженность пляжных зон (связано с падением доходов, из которых формируется и источник средств для покрытия аренды в другие сезоны года). Эта особенность может быть учтена и путем установления средней арендной платы в год.

В качестве содержательной части при использовании метода затрат замещения могут быть использованы и другие подходы. Наиболее употребительный, особенно в зарубежной практике, — использование в качестве так называемых «суррогатных» цен затрат на проезд людей, посещающих данный конкретный пляж.

В реальной деятельности часто встречаются ситуации, связанные с утратой пляжных приморских зон и, следовательно, необходимостью определения нанесенного экономического ущерба. По природе экономический ущерб экологическому объекту представляет собой зеркальное отражение его стоимости. Поэтому рассмотренные выше подходы могут быть использованы для определения низшей границы причиняемого ущерба приморским зонам. Использование понятие «низшей» границы связано с тем, что указанные подходы не отражают других спектров ценности приморских зон. Например, частичное изъятие песка как ресурса и т.д.

Апробация методических рекомендаций по расчету арендной платы пляжных зон методом замещения была проведена на примере расчета аренды морского пляжа «Изумрудный берег» в Партизанском районе, бухта Врангель, Приморский край (табл. 1). За базовый взят 2006 г. в целях сопоставимости использованных исходных стоимостных характеристик.

Характеристика пляжа. Песочная зона незначительная — по отношению к другим, рядом расположенным пляжам, таким, например, как пляж «Песчаный». («Песчаный» — это лучший пляж с позиции наличия песка, игровых площадок, определенной пляжной инфраструктуры и т.д.). Площадь пляжной зоны — 10 000 кв. м. Берег окаймляет небольшой красивый залив, включающий как купальную зону, так и зону с разнообразной флорой и фау-

ной (легко доступной для любования с использованием ласт и маски). Почти сразу (через 15-25 м) начинается лес, что привлекает отдыхающих, быстро утомляющихся от жарких лучей солнца.

Инфраструктура обыденная для полудиких пляжей: домики для отдыха, катамаран, ларьки с напитками, питьевая вода привозная, за плату.

Таблица 1

**К расчету сезонной арендной платы за пляж
в Партизанском районе Приморского края**

База расчета кадастровой стоимости пляжа	Кадастровая стоимость: руб./ 1 кв. м	Земельный налог: руб./ за 1 кв. м	Арендная плата: руб./ за 1 кв. м	Примечание
Постановление Администрации Приморского края от 10 апреля 2006 г., № 85 — па	24,83	0,37	0,56	
Метод замещения: через затраты на Солярый	46,7	5,6	6,3	
Реальные ставки — пляжная зона г. Ейска*	-	-	5,45	Источник [61]. По мере увеличения концентрации населения — арендная плата возрастает и в районе Новороссийска составляет около 30 руб./кв. м.

На протяжении последних лет в этой приморской зоне сформировался свой достаточно устойчивый контингент отдыхающих, приезжающих в том числе из Хабаровского края и Северо-Западных городов и населенных пунктов Приморского края. В целом же наиболее активно пляжами, находящимися на

* Город Ейск занимает выгодное экономико-географическое положение. Он расположен в северной части степной зоны Краснодарского края на берегу Ейского лимана и Таганрогского залива. Средняя температура зимой минус 4–0 °С. Летом — плюс 20–25 °С. Сумма осадков — 456 мм, равномерно распределенных в течение года. Климат засушливый умеренно-континентальный. На территории Ейского района расположены: оз. Ханское с лечебными грязями (лечение гинекологических заболеваний, опорно-двигательного аппарата и т.д.), минеральные воды (используются в комплексном бальнеологическом лечении). Расстояние от Ейска по морю: до Таганрога — 107 км, до Темрюка — 200 км; по шоссе: до Краснодара — 232 км, до Ростова-на-Дону — 220 км. Численность населения города по данным на 2006 г. составляет 96 тыс. чел., района — 44 тыс. чел.

землях Партизанского района, пользуются жители г. Находки, Порты Восточного, Партизанского района и г. Партизанска, с населением около 250 тыс. человек (в 1,8 раза больше, чем в Ейском районе, включая население г. Ейска).

Исходные данные:

1) На основании проведенного выборочного исследования (опроса посещающих Солярий, в сравнении с пляжем) выявлено, что эффект от нахождения на морском пляже в течение 15 суток сопоставим с эффектом, получаемым от посещения «Солярия» в течении 7 сеансов продолжительностью каждого — 10 минут. По многим оценкам, Солярий даже предпочтительнее, несмотря на естественность пляжа с доступностью купания. То есть благодаря условиям Солярия, принимающий его сеансы человек получает качественный загар, отдыхает душой и приобретает дополнительные эмоции, соизмеримые с его отдыхом в приморской зоне.

2) Стоимость 1 (одной) минуты Солярия — 10 рублей.

3) Пляжный сезон — 90–100 дней.

4) Норма пляжной зоны на 1 отдыхающего 15 кв. метров.

Проведя расчеты по приведенной выше методике получим, что стоимость 1 кв. м пляжа составит 46,7 руб./кв. м. Считаем, что стоимость 1 кв. м пляжной зоны равна его кадастровой стоимости. Тогда в соответствии с Земельным Кодексом РФ, земельный налог (ЗН) на земли, кроме отводимых под сельскохозяйственное пользование, берется в размере 1,5% от кадастровой стоимости данного участка. Арендная плата (АП) составляет, согласно зарубежному и отечественному опыту 1,5ЗН. Ее расчетное значение (месячной арендной платы) за 1 кв. м пляжной зоны:

$$АП_{пл} = 46,7 \times 1,5 \times 0,015 \times 2 = 2,1 (\text{руб.}).$$

Этап 6. Максимальный срок аренды по климатическим условиям данного района не более 4 месяцев. Тогда общая стоимость аренды 1 кв. м в сезон составит 8,4 руб./кв.м.

Следует отметить, что солнечный купальный сезон, в отличие от рекламируемого (120 суток или 4 месяца), на самом деле сокращен из-за непредсказуемых климатических условий (непрогретых акваторий и дождей) до двух месяцев. В 2009 г. он составил, в лучшем случае, не более 30–40 суток. Поэтому более реальная максимальная ставка арендной платы около 6,3 руб./кв. м. на время купального сезона. Суммарная арендная плата за купальный сезон составит 63 000 руб.

Источники доходов (расчет по минимуму): сдача домиков в аренду (600 руб./сут.), плата за въезд автомобиля (50 руб.), постановка палатки (100 руб./сут.), доход от торговли (%). В совокупности доход составляет около 60 000 руб./неделю.

Максимально (100%) прибыльных с учетом климатических условий — 9 недель; 8 недель — 50% прибыльность. Тогда суммарный доход составит — 780 000 руб., или 195 000 тыс./месяц. Это достаточно для покрытия

арендной платы и заработной платы 2-3 работников, поддерживающих порядок на пляже и для обеспечения бесплатного доступа к пляжу.

Если даже не учитывать разницу в климатических условиях (они более благоприятны на Юге), то, тем не менее, следует более научно-обоснованно и дифференцированно скорректировать расчеты кадастровой стоимости земельных участков в Приморском крае. Для этих целей может быть использован рассмотренный выше «Метод замещения». Дополнительно могут быть учтены такие факторы, как ценность самого песка, наличие в зоне пляжа леса (ценность древесины, роль леса в фотосинтезе и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Одинцова Е. Бесплатный пляж в Алеуште? // Алеуштинский вестник, № 29 (959) от 24.07.2009.
2. Доходность собственного пляжа // www.bishelp.ru/.../dohod_plaga.php?
3. Первый в мире крытый пляж: Ocean Dome // www.asia-travel.ru/country.php?p=9&idn=8.
4. Пляжи Израиля могут стать бесплатными // <http://www.travel.ru/news/2005/05/26/>.
5. Самар В. Море волнуется раз, море волнуется два... // Зеркало недели, №21, 13-19 июня 2009 // <http://smi.liga.net/articles/print-IT093637.html>.

К ФОРМИРОВАНИЮ КЛАСТЕРА МОРСКОГО ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

*М.А. Салтыков**

Ввиду экономико-географического положения территории Приморского края его экономика в большой степени зависит от видов экономической деятельности, связанных с морской деятельностью и различными видами транспорта, что выделяет морскую отрасль в важнейший фактор развития и специализации экономики края.

Выгодное приграничное положение, наличие морских, железнодорожных и воздушных транспортных путей, выход в мировой океан обуславливают естественные конкурентоспособные позиции морского транспортного комплекса. За 2008–2009 гг. суммарный грузооборот портов дальневосточного региона составил 80 млн тонн, или 18% всего грузооборота портов России. Динамично изменялся и объем переработки грузов через порты Приморского края. В среднем годовом разрезе доля данного сектора экономики края составляет около 56% дальневосточного грузооборота и 10% от грузооборота портов России (рис. 1).

Портовая инфраструктура Приморского края, морской транспорт, судоремонт, морское машиностроение и развитие внешнеэкономической деятель-

* *Салтыков Максим Александрович* — аспирант кафедры «предпринимательская деятельность» ФГОУ ВПО «Дальрыбвтуз», г. Владивосток, e-mail: saltykov_ma@mail.ru.

ности — являются благоприятной основой для развития малых и средних предприятий в данном секторе экономики. Это обусловило более высокий темп развития предпринимательства в данной отрасли (рис. 2), согласно которому темп прироста численности предприятий транспорта 2000-х годов превышал средний темп развития предпринимательства.

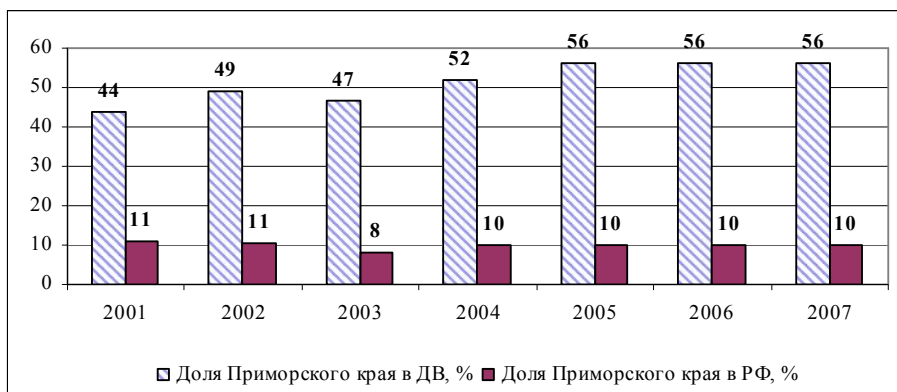

Рис. 1. Динамика грузооборота крупнейших портов Приморского края, млн. тонн.

Широкое вовлечение разных видов экономической деятельности в транспортный комплекс обеспечило наибольшую аккумуляцию производственных ресурсов. Анализ данных официальной статистики позиции транспорта в экономике края [1] путем ранжирования всех видов экономической деятельности по показателям: 1) среднегодовая численность занятых в экономике; 2) счет производства ВРП; 3) распределение предприятий по видам экономической деятельности; 4) основные фонды предприятий и организаций; 5) инвестиции в основной капитал показал, что транспорт по ряду показателей занимает лидирующие позиции и в суммарном рейтинге находится на первом месте (рис. 3).

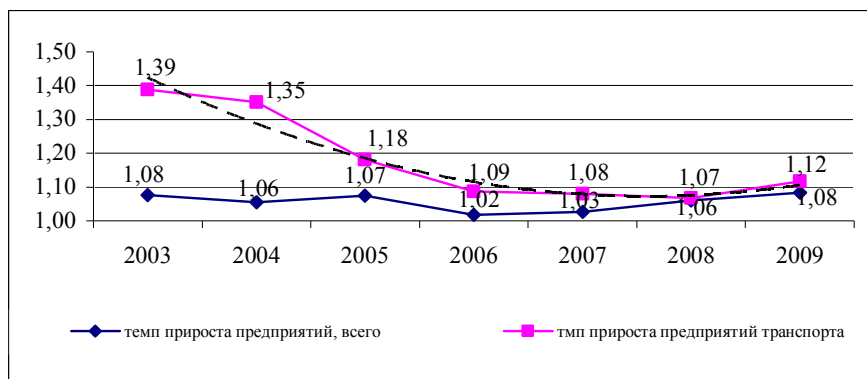

Рис. 2. Динамика прироста численности предприятий транспорта в Приморском крае, %

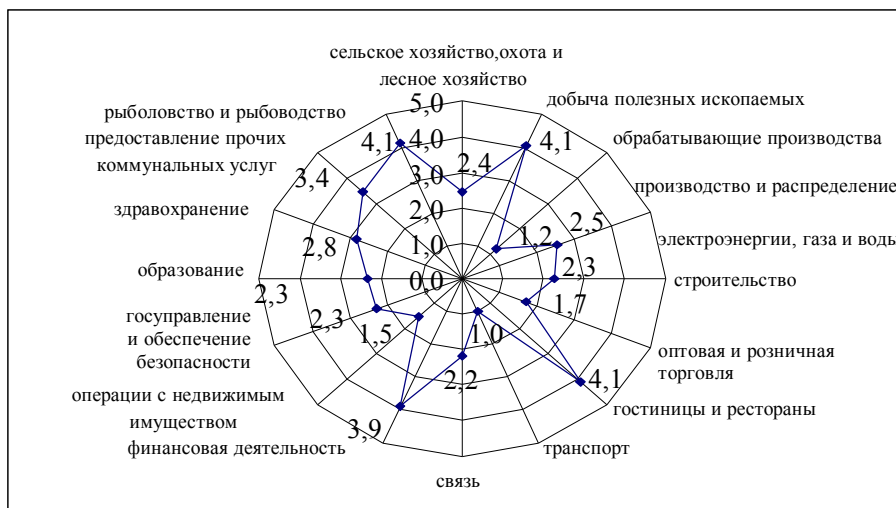

Рис. 3. Сводный ранг видов деятельности в экономике Приморского края

В настоящее время, несмотря на положительную тенденцию, комплекс организационных и финансово-экономических проблем оказывает негативное влияние на развитие и конкурентоспособность предприятий морского транспортного комплекса Приморского края. Так в крае нет пока единой системы управления и координации перевозками, поскольку в эту сферу вовлечены в основном коммерческие предприятия различных форм собственности и организации разной ведомственной подчиненности, преследующие только свои интересы [2], что негативно отражается на росте транспортных тарифов.

Сложна проблема доступа к банковским кредитам, инвестирования в обновление основных фондов и т.д. С начала XXI в. в Приморье не реализовано ни одного крупного инвестиционного проекта на морских предприятиях, дающего качественный толчок к дифференциации транспортных услуг.

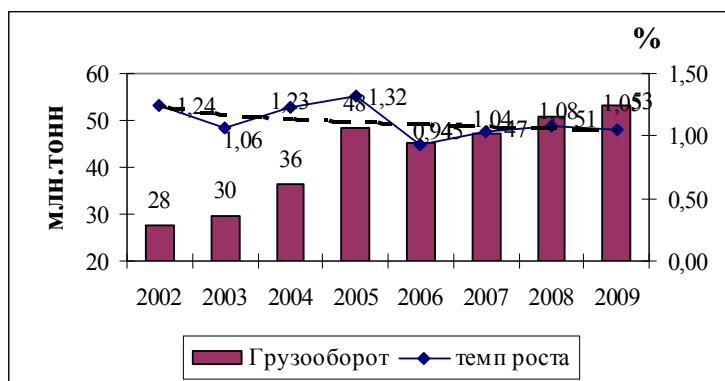

Рис. 4. Динамика и темпы роста грузооборота портов Приморского края

Обостряется конкуренция за отечественную грузовую базу, на региональном транспортном рынке растет число иностранных компаний, которые для завоевания сегментов данного рынка проводят демпинговую политику по тарифам. Доля таких фирм в перевозках уже около 30% [2].

В динамике грузооборота портов Приморского края можно выделить две стадии: с 2002 г. до 2005 г. темп роста грузооборота портов увеличился; с 2005 г. наблюдалось его снижение (рис. 4). Одной из причин можно считать — «исчерпание» предприятиями транспортного комплекса запаса инерционного развития, что обуславливает необходимость поиска новых возможностей развития морской транспортно-логистической сферы.

Мировая практика показывает, что в современных условиях решение проблем морского транспортного комплекса (МТК) в рамках узкоотраслевого развития не достаточно эффективно. Более предпочтительно соединение интересов отрасли с потребностями социально-экономического развития территории, на которой локализованы ведущие предприятия комплекса. Данное направление нашло практическое выражение в формировании региональных и отраслевых кластеров. Выделяют кластеры следующих основных типов: инновационные, туристические, морехозяйственные, транспортно-логистические и т.д.

В частности, в табл. 1 представлены примеры кластеров с высоким уровнем международной конкурентоспособности производимой продукции.

Как правило, предпосылки к развитию кластера предопределяются выгодным экономико-географическим положением, наличием особых экономических условий, рынков сбыта, технологий, труда. В настоящее время, большая часть конкурентоспособных отраслевых кластеров получила ускоренное развитие в результате спланированных инвестиционных проектов и программ, ведущая роль в реализации которых отводится местным административным структурам.

В современной российской практике развитие кластеров также рассматривается как одно из условий повышения конкурентоспособности экономики и стимулирования инновационных процессов. Реализуемая «Концепция социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» в качестве приоритета определила основной целью инновационное развитие экономики [6], в числе одного из инструментов ее реализации как раз и предусматривается выявление и стимулирование формирования многоотраслевых кластеров.

В этом плане рассмотрим возможность перспективного развития морского транспортного комплекса Приморского края в форме многоотраслевого кластера. Преследуемая цель — повысить эффективность МТК за счет эффектов системной организации путем сочленения в единой сети основных участников: морских портов, железнодорожных, автомобильных и авиатранспортных компаний, смежных отраслей и видов экономической деятельности (судостроение и судоремонт, логистика, складское хозяйство, контейнерное производство и ремонт и др.), рис. 5.

Таблица 1

Характеристика конкурентоспособных на мировом рынке кластеров [3,4,5]

Кластер	Характеристика	Поддерживающие государственные мероприятия и факторы успеха кластеризации
США. Силиконовая Долина (Калифорния). Информационные технологии. Основан в 1951 г.	Доля штата во внешней торговле США 20%; 1 место по объему ПИИ; сосредоточены 32 университета. Основные компании: Intel, AMD, Oracle, Apple, Cisco, Yahoo!	Система госзаказов, программы поддержки малого и среднего бизнеса, источники венчурного финансирования.
Бангалор («Индийская силиконовая долина»). Технопарк информационного обеспечения. Основание — 1985 г.	10 университетов, более 1000 колледжей, 230 корпораций, в том числе: Sun Microsystems, Intel, Cisco, Google, Microsoft). Экономический рост кластера 10% ежегодно.	Льготное налогообложение, беспошлинный импорт, государственное финансирование и за счет ТНК. Отсюда: низкие издержки, высококвалифицированная рабочая сила.
Венгрия. Автомобилестроительный кластер. Формируется с 1990-х гг.	14% промышленной продукции страны, 30% машиностроительной, 90% — экспорта. В кластере более 350 компаний. Основные — Audi, Suzuki, Opel, Visteon.	Программы привлечения иностранных инвестиций в автомобильный сектор, налоговые преференции, высококвалифицированная рабочая сила.
Чили. Винный кластер.	75% продукции — экспорт; 4,6% общемирового потребления. Более 130 винодельней. Доля фирм в экспорте: Concha y Toro — 14,2%, San Pedro — 10,7%, Santa Rita — 4,7%, Santa Carolina — 3,9%.	Постоянное внедрение новых технологий производства вина, разрабатываемых двумя национальными НИИ; квалифицированный маркетинг; бренды.
Австрия. Кластеры: автосектор, деревообработка, производства полимеров, медтехники. 1998 г.	В группе около 400 предприятий. В автомобильном кластере занято 86,6 тыс. человек, 246 партнеров. Ежегодные продажи — около 20 млрд евро.	Госпрограмма «Верхняя Австрия 2000+» — 3 направления: технологий, стимулирование обучения и повышение квалификации, маркетинг территории.
Рыбохозяйственный кластер Норвегии	53% мирового объема марикультуры лосося; 90% рыбной продукции — экспорт. По стоимости экспорта — 2-е место в мире после Таиланда (4 млрд долл. США).	Финансирование разработок; поддержка сотрудничества сферы науки, предприятий и управления. Протекционизм в области права, выхода на рынки сбыта.
Морехозяйственный кластер Англии	Занятость в кластере 634,4 тыс. человек	Господдержка судостроения и судоремонта, инвестиции в развитие малого и среднего предпринимательства

Структурно представленная схема кластера МТК включает:

- ядро, в состав которого входят: а) порт и стивидорные компании;
- б) морские перевозчики; в) ведущие железнодорожные транспортные компа-

нии; г) портовая инфраструктура; д) автотранспортные и авиатранспортные компании;

— сопряженные производственные элементы: а) логистика; б) судостроение и судоремонт; в) аренда контейнеров и железнодорожных платформ; г) сюрвейерные и посреднические услуги и др.;

— элементы экономической инфраструктуры: а) профилирующие учебные заведения (Морской государственный университет, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Дальневосточное мореходное училище и др.); б) финансы, страхование, аудит, консалтинг, оценка;

— координирующие элементы: ассоциация ВМТП, Координационный совет Владивостокского транспортного узла, Ассоциация морских торговых портов, Международная ассоциация портов и гаваней (IAPH), Ассоциация российских экспедиторов и др.

Рассмотренная организационная структура кластера относится к управленческим структурам дивизионного типа. Ее особенность в том, что кластер осуществляет свою деятельность на принципах как добровольности (когда его решения носят преимущественно рекомендательный характер), так и регламентных принципах (стандартах, соглашениях и т.п.).

Организационная структура кластера МТК включает два подразделения. Первое — функциональное (директорат). Его состав — избираемый директор, заместители и начальники функциональных подразделений. При директорате может быть сформирован консультационный совет из представителей администраций, таможенных органов, науки, образования и т.п. для обеспечения взаимосвязи бизнеса с государственными и научными институтами, согласования интересов развития компаний кластера с территориальным развитием.

Второе подразделение организационной структуры кластера формируется из представителей компаний участников кластера по отраслевому признаку и признаку смежности.

Ее основные задачи:

— организация эффективной работы, разработка долгосрочных стратегий развития;

— инвестиционная политика и привлечение инвестиций;

— лоббирование интересов кластера и протекционизм;

— внедрение инноваций (управленческих, маркетинговых, технологических) и т.д.

Из выше рассмотренного следует, что использование потенциала кластеризации предприятий морского транспортного комплекса может быть одним из перспективных направлений повышения эффективности приморского МТК, за счет снижения издержек через проявление отраслевых и межотраслевых и системных эффектов.

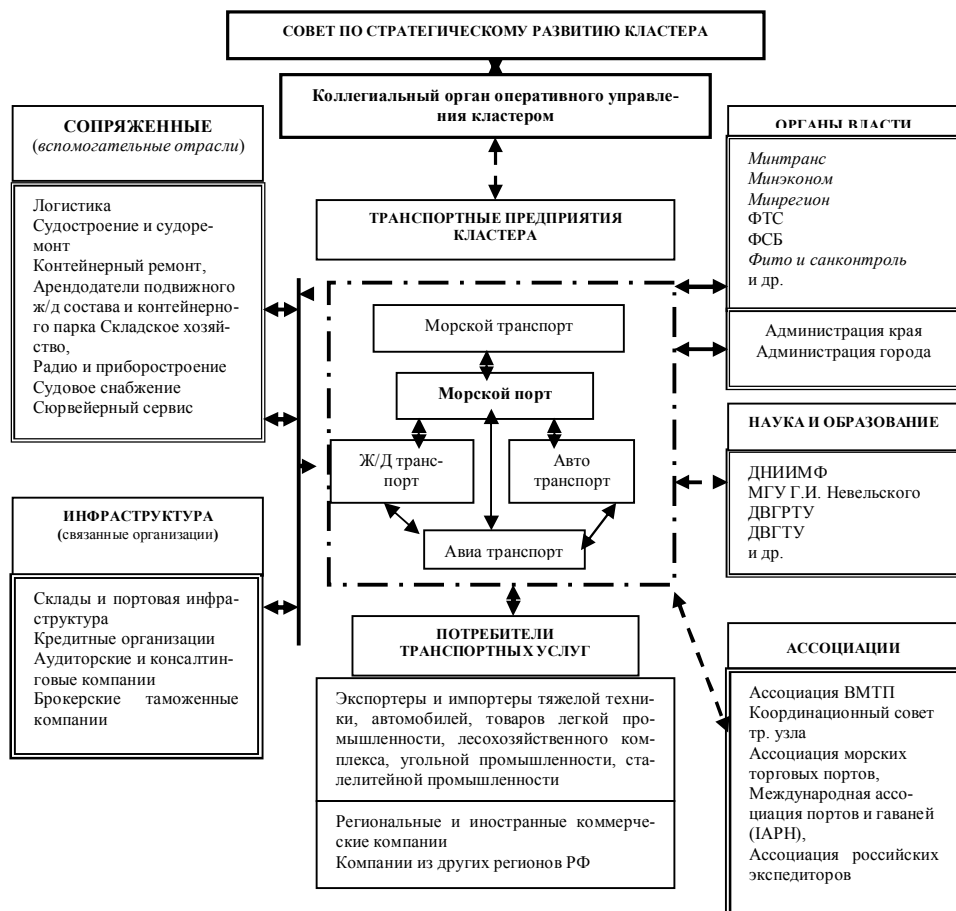

Рис. 5. Структура транспортно-логистического кластера Приморского края (предложена автором)

ЛИТЕРАТУРА

1. Приморский край: социально-экономические показатели (статистический ежегодник). Владивосток: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2009. — 318 с.
2. Программа развития транспортного комплекса Приморского края на 2004-2010 гг. Владивосток: Изд-во ТЦСР, 2004.
3. Andersson T., Hansson E., Serger S.S. Policies Whitebook. Malmö: IKED, 2004. — 248 p.
4. Clusterland Upper Austria. Режим доступа: http://www.regins.org/en/index.php?main=0&sub=0_0&sub2=0_0_0 [Дата обращения 17.06.09].
5. Зиланов В. Рыбная промышленность соседней Норвегии: изучаем опыт – Режим доступа – <http://www.fishkamchatka.ru/> [Дата обращения 10.04.10].
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Минэкономразвития. Москва, 2008.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АТР

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР

*Л.Б. Биниконский**

Российское военно-техническое сотрудничество (ВТС) с зарубежными странами в современном понимании пришло на смену конверсии военного производства относительно недавно — с середины 90-х гг. прошлого столетия. Именно тогда общественное сознание России доросло до понимания того, что ВПК существует не только для конверсии, которая привела к обвальному спаду производства продукции по всему оборонному комплексу в целом, и особенно по военной продукции, но может служить инструментом международного сотрудничества и развития внешнеэкономических связей. И здесь следует согласиться с В. Путиным по поводу ВПК, «что торговля оружием и специальной техникой — это и бизнес, и в то же время — заметный инструмент внешней политики» [1].

Тем не менее спектр суждений о внешнеэкономических связях ВПК долгое время неоправданно суживался и сводился к торговле оружием как к единственной проблеме отечественной оборонной промышленности, решающей задачу «сделать деньги», и сегодня, к сожалению, эта точка зрения превалирует. И это имеет под собой почву: большие деньги — завораживают. Россия в настоящий момент на втором месте по продажам вооружений на мировом рынке, уступая лидерство США, на её долю приходится 24% рынка, что даёт ей возможность зарабатывать «хорошие» деньги [2].

Основной объём российского военного экспорта приходится на авиационную технику — 50% оружейных поставок. Далее идут вооружения и военная техника Сухопутных войск — 19%, ПВО — 13,3%, ВМФ — 13,4% [3]. Традиционными партнёрами в области ВТС для России по-прежнему остаются страны АТР — Индия, Китай, Малайзия, Вьетнам, Индонезия, хотя и в других регионах мира у России есть серьёзные партнёры, предпочитающие нашу технику.

Казалось бы почётное второе место по росту объёма продаж вооружений и техники даёт основания думать, что российский экспорт вооружений находится на должной высоте и за его дальнейшую судьбу не стоит беспокоиться. Однако тщательный анализ развития ВТС России с зарубежными стра-

* *Биниконский Леонид Борисович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений ВИМО ДВГУ, г. Владивосток.

нами за первое десятилетие XXI в. показывает, что не всё так гладко, что попытаемся показать в нашем анализе.

ВТС России, начиная с 90-х гг. XX в., с зарубежными странами имело две особенности. Как отмечал чл.-корр. А. Рыбас, — во-первых, это «потенциально весьма опасная структурная слабость России на мировом рынке вооружений в конце 1990-х, заключавшаяся в крайне низкой географической диверсификации поставок». Во-вторых, до 80% экспорта приходилось всего на две страны — КНР и Индию» [4, с. 116]. И практически до 2005 г. российский экспорт вооружений и техники рос за счёт китайского и индийского спроса, расширяющегося по мере бурного экономического и технологического роста этих держав мирового уровня.

Естественно, в России понимали, что экспорт, обеспеченный спросом всего двух покупателей, не стабилен и связан с серьёзными рисками и издержками. Было ясно, что по мере развития своей оборонной промышленности Китай сократит, если не прекратит полностью российские закупки, а индийский рынок всегда был открытым: на нём, наряду с советскими предложениями, неизменно присутствовали британские, немецкие, французские и шведские производители. К тому же после распада СССР индийские военные целенаправленно взяли курс на максимальную диверсификацию источников вооружений, значительно увеличив за последние 12-15 лет доли Франции и Израиля. Возрастающий интерес к этому рынку стали проявлять и Соединённые Штаты.

Пекин заметно опережал Дели по количеству закупленной у Москвы техники и вооружения, но отставал по качеству этого вооружения. Если в Китай шло то оружие, что уже стояло на вооружении у российской армии или поступало к ней в то время, то Дели закупал ту боевую технику, которая ещё разрабатывалась. А иногда делал специальный заказ на разработку вооружения только для Индии или с её непременно участием. Было создано несколько современных российско-индийских оборонных предприятий, где вооружение адаптировалось непосредственно для индийской армии и флота. Совместных российско-китайских фирм в этой сфере не было.

Несмотря на то, что у России в то время было два потенциальных покупателя, общий объём поставок вооружений быстро растёт, чему способствовало существование целого ряда военно-политических, экономических и имиджевых факторов, предопределивших наращивание российского присутствия на рынке вооружения и техники. Среди них такие:

- как всплески военно-политической напряжённости в 1999 г. (Югославия) и 2003 г. (Ирак);
- экономический, военный и технологический рост КНР и Индии;
- политическое и экономическое укрепление самой России.

Следует отметить конъюнктурные причины активизации китайских и индийских закупок вооружений в первые годы нового века. На китайскую военно-техническую политику, безусловно, оказали воздействие события 1999 г. в Югославии. Именно с этого времени китайские военные явно стали уделять больше внимания вооружениям сухопутных войск. Вырос импорт

зенитных средств. Причём Китай отступил от своего принципа консервативного подхода к техническим рискам, о чём мы скажем несколько ниже. В секторе средств ПВО НОАК выступила в качестве первичного заказчика новейших ЗРС С-300ПМУ2. Только за период с 1999 г. по 2003 г. Китай импортировал ряд новейших российских систем вооружения и приобрел лицензии на их самостоятельное производство [5, с. 205].

Практически КНР с 2000 г. по 2004 г. был главным импортёром обычных вооружений. При этом Китай, как отмечали эксперты, почти полностью на 95% зависел от РФ в области поставок таких вооружений. Это, по словам экспертов, частично объясняло успех России как экспортёра в этой области. С 1998 г. по 2002 г. Пекин закупил у России истребители-перехватчики, двигатели, ракетно-бомбовое вооружение для этих самолётов и другие комплектующие. Приобрёл лицензию на производство 200 Су-27СК на своих предприятиях [6, с. 36].

Китай уделяет внимание и флоту. В январе 2002 г. «Рособоронэкспорт» заключил контракт на постройку для ВМС Китая двух эскадренных миноносцев модифицированного проекта 956ЭМ стоимостью около 1,4 млрд долл. Это был крупнейший заказ в истории отечественного судостроения. Контракт вызвал серьёзную борьбу между Балтийским заводом и «Северной верфью» за право выполнения. В марте 2002 г. решением Правительства РФ заказ на постройку эсминцев был передан «Северной верфи». В строительстве кораблей в качестве поставщиков комплектующих разного уровня участвовало около 1800 предприятий оборонного комплекса России [7, с. 9]. И эти контракты были только прологом.

В отношениях активизации военных поставок с Индией мощным толчком стал её военный конфликт с Пакистаном в Каргиле (1999 г.). Были сделаны крупные заказы на вооружения для сухопутных войск, среди которых выделяется приобретение 40 десантно-транспортных вертолётов Ми-17 и сотен основных боевых танков Т-90С. По итогам каргильских боёв было решено начать программы модернизации парка фронтовой авиации.

Готовность покупать российское вооружение также стимулировалось ростом цен на углеводородное сырьё, защитой стратегических путей его доставки. При этом структура китайского и индийского спроса заметно отличалась. Китай экспортировал крупные партии серийных или прошедших не слишком глубокую модернизацию вооружений, требуя их поставки в довольно сжатые сроки. Так, например, китайская версия истребителя представляла собой довольно простую модернизацию, и её разработка была произведена в беспрецедентно короткие сроки. Контракт на разработку и поставку истребителей Су-30МКК был заключён в 1999 г., а уже в 2000 г. состоялась первая переброска машин заказчику. За 5 лет (2000-2004 гг.) КНР было передано 100 истребителей Су-30МКК и 20 учебно-боевых Су-27УБК, то есть в среднем — 25 машин в год без учёта технологических комплектов для лицензированного производства Су-27СК.

Подоплёка такого подхода, на наш взгляд, объяснялась тем, что Китай, предъявляя к заказам довольно низкие технологические требования, делал это преднамеренно, так как давно, ещё со времён вьетнамской войны, зани-

мался копированием российского вооружения (так называемая «кирпичная сборка»). Высокотехнологичные изделия копировать было трудно, а порой и невозможно. Низкотехнологичные изделия можно было не только копировать, но и модернизировать. Что сегодня китайцы успешно делают.

Индийские военные, напротив, выдвигали высокие тактико-технические и технологические требования, которые в середине 90-х годов находились, по всей вероятности, на пределе возможностей российской науки и промышленности. Естественно, что высокие требования, предъявляемые к заказанной технике, удлинляли сроки поставок, к тому же заказываемые партии вооружения были небольшими по объёму.

Примером, в котором проявились характерные особенности индийского импорта, может служить контракт на разработку и поставку 32-х истребителей Су-30МКИ. Контракт интеграцию в состав бортового оборудования разрабатываемого истребителя компоненты французского, израильского и индийского производства, что оказалось довольно сложной технической и научной задачей. С другой стороны, сочетание крупных и плотных китайских заказов серийных систем, в выполнении которых практически отсутствовали риски, со сложными индийскими контрактами на высокотехнологичные системы, стимулировало интенсивные разработки новых сложных систем, обеспечивало выживание и развитие тех российских секторов и компаний, которые работали на этом направлении.

Однако с 2004 г. ситуация стала резко меняться. Произошло первичное насыщение китайского рынка в области истребительной авиации, потребности которого во всё возрастающей степени стали удовлетворяться собственной оборонной промышленностью. Китай больше не был заинтересован в покупке готовых изделий авиапрома и делал упор на совместную разработку новых образцов и передачу технологий, доля которых в 2004 г. в торговле с Китаем составляла около 30%, но Китай уже хотел большего.

Конфликт интересов возник ещё в 2003 г., когда Китай отказался продлевать российскую лицензию на производство в Поднебесной российских самолётов Су-27СК. В итоге из 200 заказанных комплектов Китай купил лишь половину, объяснив свой отказ от второй половины — низкими боевыми возможностями Су-27. Китайские специалисты сконцентрировались на собственном проекте J-11В, который в значительной степени копировал российские машины — Су-27 и Су-30.

На все протесты Москвы Пекин ответил, что J-11 — не копия российской машины, а собственная разработка, на 70% состоящая из китайских комплектующих. Параллельно китайцы с российской помощью создали двух конкурентов российским истребителям — МиГ-29 — J-10 и ФС-1.

В настоящее время «Китай намерен в большей степени работать с Россией не в направлении покупок конечной продукции ОПК, а в приобретении тех высоких технологий, которых ещё хватает в нашей стране» [8]. Основной упор китайская сторона пытается делать на проведении нужных для неё НИ-

ОКР. Россию не устраивает, что такие проекты не являются комплексными (хотя они отчасти и выгодны), т.е. российская сторона хотела бы иметь не какие-то выдернутые работы, а комплексные проекты. Однако китайские авиастроители сотрудничество с Россией ведут в русле собственной политики, и до сих пор успешно решают собственные, а не наши задачи.

Справедливости ради заметим, что в 2008 г. России всё же удалось подписать с Китаем соглашение о защите интеллектуальной собственности, и есть надежда, что оно будет помогать в решении спорных вопросов, связанных с незаконным копированием нашего вооружения. Тем не менее проблема копирования российской боевой техники и вооружения до сих пор остается для России актуальной [8].

Китай уже предлагает Пакистану лицензированное производство истребителей ФС-1 — почти точной копии российского истребителя МиГ-29. В ближайшие годы Пекин планирует построить и продать не менее 800 модифицированных истребителей. Тем самым не только потеснив Россию на её традиционных рынках, но и став основным производителем недорогой, высокоэффективной авиационной техники. Уже определились и покупатели: Бангладеш, Ливия, Иран, Малайзия и др. — страны, традиционно покупавшие российские машины [9]. По китайской оценке лицензионное производство Су-27СК «продвинуло» технологический уровень Шэньянской авиастроительной корпорации на 20-25 лет вперед. А создание истребителя J-11В явилось новым качественным скачком для китайского авиапрома и его Вооружённых сил [10].

Китай агрессивно вторгается и в область поставки запчастей для российских вооружений. Настоящим скандалом стало недавнее заявление командующего ВВС Малайзии генерала Родзали Дауда о возможности закупки именно в Китае комплектующих к российским истребителям Су-30МКМ, стоящих на вооружении малайзийских ВВС [9].

Естественно, что всё это вызывает беспокойство руководителей Федеральной службы военно-технического сотрудничества (ФСВТС). По словам главы службы М. Дмитриева: «Россия в 2009 г. наторговала оружием на 8.5 млрд долл., причём значительная часть этой суммы приходится на боевую авиацию. Если Китай и дальше будет двигаться с такой же скоростью, то это может стать одним из последних наших успехов на оружейном рынке». Газета «Известия» сделала ещё более глубокий и довольно категоричный вывод: «китайский истребитель разрушит российскую монополию на поставки авиационной техники на рынки третьих стран» [8].

Успехи КНР в создании современных истребителей, конечно, нельзя полностью сводить к простому копированию российской техники и вооружений. Китай, как известно, является вселенским лидером по темпам прироста экономики, что позволяет ему выделять всё более ощутимые ресурсы на модернизацию своих вооружённых сил. Вследствие этого в области военного строительства произошли большие перемены. Это коснулось и модернизации военно-

воздушных сил. Китай, как и Индия, реализует громадные по нынешним масштабам программы закупок и лицензионного производства боевых самолётов.

При этом обе страны не только приобрели крупные партии истребителей, но и осуществили дорогостоящие проекты по созданию качественно новой индустрии, способной выпускать современные истребители четвёртого поколения.

Основой дальнейшего совершенствования механизма ВТС послужило подписание Президентом РФ 10 сентября 2005 г. Указа: «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» [11], в котором был предусмотрен ряд мер по повышению эффективности ВТС. Устранены, например, факторы, сдерживающие оперативность и гибкость в этой работе, меньше стало ступеней согласования при принятии решений по поставкам продукции военного назначения. При этом усилены координирующая и контрольная функции государства в деятельности субъектов ВТС.

Указ положительно сказался на развитии ВТС. С 2006 г. меняется характер российского сотрудничества с Китаем. Если в первые годы XXI в. Россия поставляла в Китай вооружения с пониженными боевыми характеристиками, то в конце 2005 г. мы начали переходить от взаимовыгодной торговли к совместному производству вооружений. Одновременно Китай продолжал получать из России заказанное ранее вооружение и технику, которые он сам не производит.

Впервые в истории в августе 2005 г. в рамках военно-технического сотрудничества были проведены российско-китайские военные учения — «Мирная миссия-2005». На полигонах под Циндао Россия демонстрировала дальний ракетоносец-бомбардировщик Ту-22МЗ, новейшие парашютные системы «Шельф», бронетранспортёры и современную экипировку для десантников. Но более всего китайцев интересовали транспортные самолёты Ил-76МД, с которых десантировались военнослужащие российской и китайской армий. Контракт на их поставку Китаю был подписан в сентябре 2005 г. Согласно «Российской газете» поставка включала 34 десантных «Ильюшина» и два воздушных топливозаправщика с ориентировочной суммой сделки 850 млн долл. [12].

ВТС предполагает и подготовку военных специалистов для тех стран, куда поставляется военная техника. В эти годы в России велась подготовка офицеров для КНР, в российских военных вузах (в Академии Генерального штаба, Общевойсковой академии, Академии тыла и транспорта, в Военно-морской академии и др.) в 2002 г. училось около 150 китайских офицеров. В 2005 г. уже 500 офицеров, что также помогало выстраивать политику долгосрочных и взаимовыгодных отношений сотрудничества и партнёрства между двумя соседними странами. Российское военное руководство осознавало необходимость направления российских курсантов в Китай для изучения китайского языка. Совместные учения на Дальнем Востоке вскрыли нехватку таких специалистов.

Сохранить свои позиции на китайском оружейном рынке Россия могла только при условии, если бы предложила Китаю самые современные вооружения. По мнению отечественных авторов, китайская сторона хотела бы,

чтобы Россия рассматривала военно-технический союз с Китаем не как способ заработать несколько миллиардов валюты на экспорте оружия, а, скорее, как некую гарантию безопасности, как взаимодействие партнёров в рамках ШОС. То есть Китай увязывает наше военно-техническое партнёрство с более глубокими, глобальными задачами.

В целом падение объёмов ВТС с Китаем (за последние годы они снизились на 62%) — явление вполне закономерное, хотя по сообщениям прессы экспорт вооружений в Китай даже в середине 2009 г. составлял примерно половину всех продаж российского вооружения за рубежом [12].

Россия постоянно прилагала усилия для диверсификации своей клиентской базы. Первые успехи этих усилий пришли в 2003 г., когда были подписаны контракты с тремя странами Юго-Восточной Азии — Вьетнамом, Малайзией и Индонезией. Совокупный объём заказов, размещённый этими тремя странами, только за один год составил около 2 млрд долл. Оценивая результаты сделок по заключённым контрактам, некоторые комментаторы стали говорить о формировании в ЮВА третьего полюса потребления российских вооружений и военной техники в дополнение к КНР и Индии.

Особенно активизировалось военно-техническое сотрудничество со старым российским партнёром — Республикой Вьетнам. В начале 2009 г. был заключён контракт на поставку 8 новейших истребителей Су-30МК2, а в феврале 2010 г. на поставку ещё 12 истребителей, авиационное оборудование и запчасти, в том числе для закупленных ранее истребителей марки «Су». Стоимость контракта около 1 млрд. долл. [13]. Поступили заказы и на другие вооружения, в частности на два сторожевых корабля для борьбы с подводными лодками, надводными кораблями и воздушными целями. По техническим характеристикам и эффективности эти боевые корабли (фрегаты серии Гепард-3.9) соответствуют лучшим мировым аналогам, а по некоторым параметрам превосходят их [2].

Первые контакты с Малайзией в сфере ВТС начались в 1993 г., прорывным стал контракт 1994 г. на закупку 18 МиГ-29. А вскоре было организовано российско-малайзийское СП для их обслуживания и модернизации. Затем последовали контракты на поставку вертолетов, противотанковых и переносных ракетно-зенитных комплексов.

Визит в Куала-Лумпур президента Путина способствовал заключению контракта с Малайзией на поставку истребителей Су-30МКМ и полету на международную космическую станцию (МКС) гражданина этой страны впервые в истории.

В России понимают, что военно-техническое сотрудничество в целом — это выражение важнейших военно-политических и экономических интересов страны. ВТС создаёт предпосылки для политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности. В. Путин отмечал, что поставки российского вооружения направлены исключительно на укрепление обороноспособности тех стран, в которые они поставляются, и на поддержание стабильности и региональной безопасности в отдельных точках мира [14]. ВТС, таким обра-

зом, активно укрепляет межгосударственные отношения. Так, соглашение 2007 г. о выделении целевого кредита в 1 млрд. долл. Индонезии на закупку российских вооружений активизировало двухсторонние отношения после довольно длительного их перерыва. Начались контакты по военной линии и было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве [15, с.76].

Изменения, происходящие на мировом рынке вооружений и военной техники, не могут не отражаться на интенсивности ВТС. Поэтому значение более тесного подключения национальной оборонной базы к международным военно-техническим отношениям понимают сегодня многие. Однако мало кто понимает, к сожалению, какое должно быть соотношение между степенью вовлечения в интернациональные военно-технические проекты и сохранением допустимого уровня национального воспроизводства оборонно-промышленной базы. Нарушение этого соотношения может нанести непоправимый ущерб национальной военно-технической безопасности страны, так как чрезмерная зависимость от иностранных поставщиков или инвесторов будет способствовать свёртыванию собственных ключевых научных исследований, несанкционированной утечки новейших технологий и т.д. Примером подобного может служить не всегда продуманная политика ВТС с КНР. Так, в конце 2009 г. китайские ВВС произвели успешные испытания новейшего палубного истребителя J-10.. Тем самым Китай впервые подтвердил не только реальность создания собственного авианесущего флота, но и способность самостоятельно производить палубные истребители. Это событие можно считать прямым вызовом России. Машина взлетела и села на палубу авианесущего крейсера «Shi Lang» — в прошлом советский крейсер «Варяг», проданный Пекину в конце 90-х годов Украиной (назван в честь китайского генерала, который захватил Тайвань в 1861 г.). Пекин не скрывал, что рассматривает советский авианосец как платформу для отработки собственных технологий строительства авианесущего флота. Единственной проблемой для реализации этих планов было отсутствие самолётов, способных сесть на палубу корабля, а также опыта подготовки пилотов корабельной авиации. Теперь благодаря России Китай решил эти проблемы.

Значительный рывок в области авиастроения почему-то не беспокоил российских чиновников, которые предпочли не заметить, что «рубят сук, на котором сидят». Более того, ФСВТС одобрила дальнейшие поставки Пекину ключевых технологий: было дано разрешение на поставки и реэкспорт в третьи страны новейших российских авиадвигателей РД-93 (их ставят на МиГи). В январе 2009 г. был подписан очередной контракт на поставку 122 двигателей АЛ-31ФН, устанавливаемых на истребители J-10. Кроме того, с компанией АВИС велись переговоры по подписанию нового контракта на поставку очередных 100 двигателей РД-93, устанавливаемых на китайских истребителях ФС-1 (прямой конкурент нашему МиГ-29). В распоряжении Китая оказалась также новейшая российская бортовая радиолокационная станция «Жемчуг», разработанная объединением «Фазатрон». Эта станция является вариантом бортовой РЛС «Жук», которая только что была предложена для нашего истребителя МиГ-35.

«Посильный вклад» в становление ВВС Китая внесла и Украина, которая вместе с недостроенным «Варягом» не только передала Пекину пакет необходимой технической документации к нему, но и «подарила» китайцам имевшийся на Украине один из опытных образцов палубного Су-33. Он и послужил прототипом палубного истребителя четвёртого поколения J-15. И хотя без российского двигателя, как уверяют представители «Рособоронэкспорта», китайский истребитель летать не сможет (двигатель собственной разработки — тоже клон нашего, имеет ресурс всего на 80 часов, что по авиационным меркам — ничто). Тем не менее, у Пекина амбициозные планы. «Shi Lang» ждут в боевом составе флота уже к 2015 г. К 2020 г. должны быть построены ещё два авианосца типа «085» и «089» — вдвое большие по водоизмещению, чем бывший «Варяг». «089», как утверждают специалисты, будет очень похож на недостроенный в советское время первый атомный авианосец «Ульяновск». Документацию на него Китай опять-таки получил на Украине.

В то же время интенсификация внешнеэкономических отношений способна усилить эффективность нашего оборонного комплекса, способствовать его структурной перестройки в соответствии с новыми задачами, стоящими перед национальной оборонной промышленностью и перед министерством обороны, взявшим курс на модернизацию и перевооружение российской армии и флота. Тем более это важно в связи с развёртыванием в наши дни нового этапа военно-технической революции — электронизации вооружения, созданием глобальных, информационно-насыщенных оборонных систем — так называемого «умного» оружия с высокими поражающими характеристиками. Совершенно очевидно, что отставание российского ВПК на этом направлении военно-технического прогресса обернётся падением конкурентоспособности российских компаний, производящих вооружение, что, несомненно, ударит по нашей безопасности и нашим национальным интересам.

К тому же успехи в этой сфере не только укрепляют международные экономические и политические позиции России, но это ещё и мощный ресурс развития оборонно-промышленного комплекса и смежных наукоёмких высокотехнологичных отраслей экономики. Экспортные контракты в сфере военной техники уже в 2007 г. обеспечивали загруженность почти 700 предприятий оборонно-промышленного комплекса РФ в 56 регионах [16].

В начале XXI в. оборонный комплекс РФ сохранял ряд конкурентных преимуществ, позволяющих довольно выгодно интегрироваться в мирохозяйственные связи. К этим преимуществам можно отнести: передовой уровень некоторых военных и космических технологий, опережающих западные аналоги на 15-20 лет; неограниченные возможности в области технологий «двойного применения»; значительный потенциал прикладной науки с относительно небольшой капиталоемкостью научно-исследовательских работ; достаточно высокую долю основных производственных фондов, что позволяло снижать капиталоемкость технологической модернизации производства, а так же относительную дешевизну рабочей силы в сочетании с её высокой квалификацией;

Однако мировой финансовый кризис, по мнению экспертов, может заставить основных конкурентов России действовать ещё более жёстко на мировом рынке оружия. Прежде всего — это относится к США, которые традиционно решают две задачи: с помощью различных рычагов стремятся быстро занять все возможные бреши на мировом рынке оружия и одновременно — вытеснить своего основного конкурента — Россию с её традиционных рынков.

США используют самые различные формы воздействия на конкурентов. Одна из них — эмбарго на экспорт вооружений в третьи страны. Компании, которые не соблюдали запрет, заносились в «чёрные списки» Госдепа, с ними запрещалось торговать американским и западным компаниям, их банковские счета замораживались и т.п. Санкции в отношении отечественных предприятий стали в последнее время довольно обычным делом, хотя при этом США никак не могут упрекнуть Россию в том, что последняя нарушает какие-либо международные договорённости.

Наши конкуренты порой забывают, что за торговлей оружием следит несколько международных структур. Один раз в год участники этого рынка передают в регистр ООН сведения о том, что продано и куда. Есть ещё так называемые Вассенарские соглашения, по которым страны-экспортёры отчитываются каждые 6 месяцев. Вся информация, предоставляемая в эти структуры — официальная, готовится на основе реально заключённых контрактов. По этим данным в 2009 г. Россия заработала на экспорте вооружений 8,8 млрд. долл., США — около 40 млрд. долл. Далее идут Германия, Франция и Великобритания [2].

Несмотря на определенные успехи, российскому оружию и военной технике сегодня становится всё сложнее конкурировать на мировых рынках, так как во многом они отстают и технически и «интеллектуально». Не случайно, по мнению экспертов, на выставке «Аэро Индия — 2009», которая проходила в Бангалоре, российскими представителями не подписано новых контрактов [17]. И это при том, что Индия до недавнего времени являлась крупнейшим импортёром российских вооружений и продукции, а индийское руководство утверждало, что, несмотря на кризис, вовсе не намерено сокращать средства на перевооружение собственной армии. Есть основания считать, что Индия, скорее всего, не сокращает ВТС непосредственно с Россией, но увеличивает его с другими странами настолько, что российская доля в индийском импорте скорее имеет тенденцию к сокращению [17].

Причин неконкурентоспособности российских вооружений и техники несколько. Прежде всего — это сокращение финансирования оборонных фундаментальных и поисковых исследований. Страдают от такой политики — прорывные принципиально революционные работы. В них отсутствуют очевидные гарантии добиться успеха. Но в науке без риска не совершаются прорывы [18]. Военные предпочитают делать ставку на краткосрочные, причём предельно конкретные разработки, основанные на известных принципах. При подобном подходе, по мнению ведущих ученых, уже на стадии планирования закладывается отставание российской военной техники.

За последнее десятилетие доля фундаментальных и поисковых исследований для обороны и безопасности снизилась более чем в 10 раз. В 2009 г. она составила 0,4% выделяемых на НИОКР средств Министерства обороны, в 2010 г. практически равна нулю, хотя ещё в 1998 г. на эти направления выделялось не менее 4% от общих затрат на НИОКР.

Порочной оказалась и система конкурсов, при которой победителем оказывается не лучший проект и сильный коллектив, а кто обещает сделать всё дешевле и быстрее. В результате страна получает таким образом «второсортную» военную продукцию, а первоклассные разработки остаются на бумаге.

С этого года Минобороны практически прекратило финансировать секцию прикладных проблем при президиуме РАН, через которую напрямую взаимодействовали учёные и военные. Фактически утрачиваются тесные связи между учёными, работающими в РАН, вузах, отраслевых институтах и ВПК. Как следствие — перспективные разработки учёных оказываются невостребованными, теряются важные научно-технические направления в сфере обороны и безопасности. В итоге, по мнению ученых, страна имеет: «отставание во многих областях науки, техники и производства, разрушение научных школ, традиционно ориентированных на оборонные исследования» [18].

И это при том, что в развитых странах мира роль современной науки в создании новых вооружений постоянно растёт. В результате появились принципиально новые виды вооружения — высокоточное, лазерное, электромагнитное, биологическое, информационное и многое другое.

Руководители ведущих стран рассматривают именно оборонные фундаментальные научные исследования как гарантию не только военного, но и технологического превосходства государства. В США ключевая роль в этом деле принадлежит Агентству по перспективным оборонным исследованиям и разработкам (DARPA). Его годовой бюджет составляет около 3,2 млрд. долл. Агентство было создано в 1958 г. сразу после запуска в СССР первого искусственного спутника Земли, во многом было скопировано с нашей секции прикладных исследований РАН. Выступая в Национальной академии наук, президент Обама особо выделил роль DARPA в завоевании технологического превосходства США. Структуры, аналогичные DARPA, созданы в Германии, Индии и т.д.

Последние шаги американского руководства свидетельствуют о том, что оно старается максимально раскрутить маховик зарубежных военных поставок, тем самым заметно поддержать свой оборонно-промышленный комплекс (ОПК). Для вытеснения России с рынков оружия, США готовы перманентно понести финансовые потери. Так, при проведении Индией тендера на закупку и модернизацию лёгкого истребителя, США предлагали ей, в случае выбора истребителя западного производства, заменить за свой счёт весь парк МиГ-29 машинами аналогичного класса, но американскими [19].

Усиление конкуренции потребовало от российского руководства принять меры по упорядочению экспорта вооружений и военной техники. В середине октября 2007 г. в результате реорганизации была создана вертикально интег-

рированная корпорация «Российские технологии» с возложением на нее всех поставок военной техники для Минобороны и других силовых ведомств. Тем самым весь процесс — от создания до конечной поставки вооружений и военной техники — был сведён в одном ведомстве, что позволило более чётко контролировать как сами поставки, так и качество изготовления вооружений. Это дало возможность объединить под одной «крышей» сотни оборонных предприятий, навести порядок в торговле оружием, организовать НИОКР на перспективных направлениях. Лидеры международного бизнеса (концерны Боинг, Даймлер-Бенц, Рено и др.) с пониманием отнеслись к созданию госкорпорации (ГК) «Ростехнологии», что выразилось в том, что даже в условиях финансово-экономического кризиса они заключали с ней миллиардные контракты.

Понимание того, что современное военно-техническое сотрудничество далеко не исчерпывается простой торговлей оружием и может служить целям укрепления межгосударственных отношений, постепенно становится общепризнанным фактом, несмотря на то, что торговля оружием приносит огромные деньги и страны-производители вооружений наращивают усилия по их реализации. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (СИ-ПРИ) «объём международных поставок основных видов обычных вооружений вырос с 2005 г. по 2009 г. по сравнению с предыдущим четырёхлетним периодом на 22%» [2]. Но одновременно с этим выросла и интенсивность военно-технического сотрудничества. Интенсивность ВТС России отражена табл. 1.

Таблица 1

Динамика российского экспорта вооружений [1, 4, 17]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все-го	3.681	3.750	4.800	5.400	5.780	6.126	6.500	7.200	8.350	8.800
В том числе по линии «Рособоронэкспорта»										
	2.970	3.300	4.000	5.075	5.120	5.226	5.300	6.200	6.724	7.435

Объёмы российского экспорта вооружений росли из года в год, что способствовало общеполитическому и экономическому укреплению России, и её возвращению в разряд великих держав. Начиная с 2007 г. обозначилось существенное увеличение объёмов продаж оружия и военной техники, что было связано с укреплением ОПК, ростом доверия к российскому оружию и, конечно, с более низкой по сравнению с Западом, ценой. В. Путин отмечал, что наша страна занимает одну из лидирующих позиций. «В 2006 г. суммарный объём военного экспорта достиг рекордного уровня в 6,5 млрд долл., что выше запланированного почти на 20%... Общий же объём заказов вырос до 30 млрд долл.» [20].

В русле ВТС РФ с иностранными государствами В. Путин выделил следующие основные задачи: «Приоритет, безусловно, за совместными разработками вооружений и их последующим серийным производством как для собствен-

ных нужд, так и на экспорт». Другое первостепенное направление — развитие сервиса российского вооружения и техники, поставляемого иностранным партнёрам. «Ещё одна задача — создание совместных предприятий в сфере сервисного обслуживания военной техники и вооружений». Это необходимо для повышения эффективности системы ВТС, её стабильного роста [20].

В целом экспортный объём заказов даёт возможность обеспечить предприятия ВПК работой на 4-5 лет вперёд, а некоторые предприятия уже загружены заказами до 2016-2017 гг. В условиях экономического кризиса — это позитивный социально-экономический фактор, если учесть, что в российской оборонке трудится 2,5-3 млн. человек (около 20% всех занятых в промышленности) [1].

Переход на долговременные заказы несет вероятность потерь ряда контрактов, которые находились в стадии обсуждения сторонами и были уже доведены до определённой стадии договорённости. Проблема еще более обострится, когда к крупносерийным закупкам перейдут российская армия и флот, что потребует масштабных инвестиций в модернизацию и расширение предприятий оборонного комплекса. А это время. Так в 2009 г. государственный оборонный заказ был выполнен только наполовину, хотя Минобороны профинансировало предприятия в полном объёме [21]. Эксперты убеждены: если сохранятся нынешние тенденции исполнения гособоронзаказа, то, как минимум, странно надеяться, что армия получит запланированную технику в полном объёме.

Таким образом, можно констатировать, что российская оборонная промышленность в настоящее время столкнулась с «кризисом перехода» от неполной производственной загрузки и эпизодических контрактов к крупносерийному производству техники, предназначенной как для поставок за рубеж, так и для Российской армии. А если учесть то обстоятельство, что многие предприятия используют устаревшие производственные фонды и испытывают острый дефицит в специалистах и квалифицированной рабочей силе, станет ясно, что выполнение уже подписанных контрактов, не говоря уже о намечаемых на 2010-2011 гг., станет напряжённое.

Есть и ещё одна не менее важная проблема — проблема кооперации, где ситуация настолько опасна, что может привести к серьёзным последствиям при выполнении контрактов, хотя конечные производители имеют возможности полностью удовлетворить спрос на требуемое изделие. Так, три вертолётных завода России могут поставлять порядка 120-150 вертолётов семейства Ми-17 при их потребности в 150 единиц в год. Однако производство редукторов для этих вертолётов не превышает 80-100 комплектов, что тормозит выполнение экспортных контрактов и ставит под вопрос способность удовлетворить стремительно растущий рынок. Такая ситуация становится все более характерной, что ставит под угрозу выполнение, в том числе и зарубежных контрактов. Следовательно, по словам Д. Медведева, контракты должны основываться на реальных возможностях ОПК, не должны быть «дутыми и необоснованными», а ценообразование — вменяемым и прозрачным, что особенно важно в условиях жёсткой конкуренции на мировом рынке оружия [22].

Серьезной проблемой во внешнеэкономической деятельности является проблема периодических взлётов и падений курса доллара. И если рост курса доллара — это временное благо, то его падение может сказаться катастрофой, так как в сочетании с быстрым ростом издержек производства, ведёт к резкому снижению рентабельности экспорта.

Российской стороне приходилось уже признавать невозможность выполнения контрактов или же вступать с покупателями в неприятные переговоры о пересмотре стоимости сделок. Классический пример — «история» авианесущего крейсера «Адмирал Горшков», который модернизируется для Индии на «Севмаше» в Северодвинске (контракт был подписан в 2004 г.). В 2007 г. Россия вынуждена была запросить дополнительно финансирование работ в размере 1 млрд долл. В ответ Индия перестала платить вообще. Сделку по продаже авианосца признавали убыточной как Москва, так и Дели [23].

Одной из форм выживания военного экспорта в современной обстановке является системная организация послепродажного обслуживания военной техники. Это касается не только техники, которую продаёт Россия, но и техники, поставленной Советским Союзом, которая и до настоящего времени находится на вооружении многих стран. Однако этот аспект торговли российским оружием не всегда привлекал к себе должного внимания со стороны спецэкспортёра.

Так, с Индией существовали проблемы с поставками запчастей, послепродажным обслуживанием, задержками с принятием решений в централизованной структуре российских оборонных компаний. Такое отношение к вопросу вызывает не только непонимание партнёров, но и ведёт к потере потенциальных клиентов, так как на ремонт и обслуживание техники тратятся большие деньги. Главком ВМС Индии С. Мехта, в частности, жаловался на то, что, хотя российская техника обходится при покупке дешевле западных образцов, её дальнейшее обслуживание требует огромных средств [17, с. 35]. Поэтому не случайно, очевидно, на выставке «Аэро Индия — 2009» российскими представителями не было подписано новых контрактов, несмотря на их заявления о проведении ряда важных встреч и переговоров.

Отметим, что отдельные шаги в этом направлении делаются. В феврале 2009 г. было подготовлено российско-индийское межправительственное соглашение с целью усовершенствования механизмов обслуживания всей техники российского производства, чёткой и ритмичной поставки запасных частей, изделий и принадлежностей, которое, будем надеяться, выправит ситуацию.

Подводя итоги, можно заключить: успехи ВТС первой декады XXI в. радуют и дают надежду на их продолжение в ближайшем и, может быть, отдалённом будущем. Однако, если учесть, что число предприятий, которые могут твёрдо рассчитывать на господдержку в период мирового финансового кризиса, около 400 [24], то они в общем числе предприятий оборонки «вешают» всего лишь около 1%, а 50% оружейных поставок приходится на авиационную технику, то невольно напрашивается вопрос: что произойдёт с российской обороной в том случае, если мы проиграем в конкурентной борьбе, которая наиболее остра именно в авиатехнике? И такие сигналы уже прозвучали.

Всё вышеназванное свидетельствует о том, что возможности России по продвижению вооружений на мировой рынок будут, очевидно, и дальше тормозиться этими и иными факторами, о которых мы говорили. России придётся приложить максимум усилий, чтобы не только удержаться на достигнутом уровне, но и превзойти его. Однако этого можно достичь только в том случае, если руководство страны сделает решительные шаги по развитию НИОКР, которые могут обеспечить достаточный технологический и интеллектуальный уровень производимого в стране оружия и военной техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета, 2010, 16 февраля.
2. Известия, 2010, 17 марта.
3. Известия, 2010, 29 января.
4. Александр Рыбас. Прорыв на мировой рынок вооружений // Россия в глобальной политике. — апрель-май 2008. — Т.6. — № 2. — С. 113-123.
5. Голенович Ю.М. Москва-Пекин. Москва-Тайбэй. / Ю.М.Голенович М.: Изографус. — 2002. — 420 с.
6. Кулик Б.Т. Российско-китайское военно-техническое сотрудничество: материалы и тезисы докладов к визиту в Россию председателя КНР Цзянь Цзэминя: Москва, 23 ноября 1998 года. / Б.Т.Кулик М.: ИДВ РАН. — 1999. — 240 с.
7. Ведомости. 2002. №17. — С. 9-15.
8. Известия. 2009. 28 декабря.
9. Известия. 2010. 16 февраля.
10. Известия. 2009. 17 ноября.
11. Указ Президента РФ от 10 сентября 2005 г. «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» // Собрание законодательства Рос. Федерации, 2005, № 38, С.380-384.
12. Российская газета. 2005. 9 сентября.
13. Известия. 2010. 11 февраля.
14. Российская газета. 2007. 7 ноября.
15. Михаил Галузин. Россия — Индонезия. История переменчивых отношений // Международная жизнь. —2010. — № 1. — с. 69-81.
16. Известия. 2007. 24 декабря.
17. Александр Кислов, Александр Фролов. Проблемы и перспективы военного экспорта России // Международная жизнь. — 2009. — № 8. — С. 27-39.
18. Владимир Фортов, Игорь Каляев. Академиков сняли с передовой // Российская газета, 2010, 28 апреля].
19. Российская газета. 2008. 12 марта.
20. Российская газета. 2007. 21 марта.
21. Известия. 2010. 07 июня.
22. Комсомольская правда. 2009. 11 февраля.
23. Известия. 2010. 15 марта.
24. Прайм тайм. 2009. 30 января.

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

*А.И. Ролик**

Наркомания и деятельность транснациональных организованных наркогруппировок Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной Президентом страны 12.05.2009 г., отнесены к основным источникам угроз национальной безопасности. При этом отмечается, что обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан будет способствовать снижение уровня организованной преступности и наркомании [1].

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) имеет стратегическое для России значение с точки зрения транспортно-коммуникационной инфраструктуры, выхода на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На побережье региона расположено более 30 морских портов, обеспечивающих непосредственный выход в страны АТР. Среди них наибольшее значение имеют 10 крупных портов, осуществляющих круглогодичную навигацию. Транзитно-перевалочные функции в основном выполняют 4 порта, имеющие прямой выход на Транссибирскую и Байкало-Амурскую железнодорожные и автомобильные магистрали: Ванино, Владивосток, Восточный, Находка. Доля транзитных грузов в них превышает 80% от общего грузооборота, так как через эти порты проходит главный внешнеторговый грузопоток России в страны АТР.

Внешняя граница территории округа включает в себя:

- пограничные государства по суше — КНР (664 км), КНДР (17 км);
- пограничные государства по морю — Япония (194 км), КНДР (39 км), США (49 км). Общая протяженность морской границы — 282 км;
- пограничное государство по реке — КНР (1839 км), пограничное государство по озеру — КНР (71 км);
- протяженность границы с нейтральными водами — 23 000 кв. км [2].

Географическое и геополитическое расположение ДВФО, его значительная территория, все виды границ огромной протяженности, разветвленная транспортная инфраструктура, в том числе международного значения, а

* *Ролик Александр Иванович* — кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент кафедры уголовного права ДВГУ, г. Владивосток.

также протекающие в нем социально-экономические процессы обуславливают особенности наркоситуации, которая в последние годы характеризуется стабильно высокими уровнями наркопреступности и наркозаболеваемости, значительно превышающими среднероссийские показатели [3]. В 2004 г. в округе зарегистрировано 20624 больных наркоманией, в 2005 г. — 20162, в 2006 г. — 19457, в 2007 г. — 19020., в 2008 г. — 19021. В 2009 г. зарегистрировано 18 483 больных, что составило 270,0 в расчете на 100 тыс. населения. 47% зарегистрированных в округе больных наркоманией проживает в Приморском крае, 20,6% — в Хабаровском крае, 16% — в Амурской области.

Особенностью округа является то, что доля состоящих на учете опийных наркоманов составляет порядка 52% (Россия — 87%). Это обусловлено как удаленным от основного наркотрафика географическим положением, так и наличием значительных естественных ареалов произрастания дикорастущей конопли, которая служит основным сырьем для производства наркотических средств каннабисного ряда (марихуана, гашиш, гашишное масло). На территорию округа приходится свыше трети изымаемых в стране гашиша и гашишного масла, при том, что его население составляет лишь 4,6% от численности населения России.

Расширение производства наркотиков каннабисного ряда в ДВФО тесно связано с ростом активности наркогруппировок и кризисным состоянием сельскохозяйственных районов южной части Дальнего Востока, где наркомания и наркобизнес из криминальной проблемы переросли в социальное явление. Незаконное культивирование конопли и последующая ее продажа оптовым наркодиллерам остается зачастую единственным способом для сельских жителей получить средства к существованию.

Состояние наркопреступности в ДВФО характеризуется следующими основными показателями. В 2004 г. зарегистрировано 10171 наркопреступление, в 2005 г. — 11183, в 2006 г. — 13469, в 2007 г. — 15335, в 2008 г. — 14121, в 2009 г. — 13 688 наркопреступлений. По итогам 2009 г. уровень наркопреступности в округе составил 211,0 наркопреступлений на 100 тыс. населения, что в 1,3 раза превышает среднероссийский показатель.

Высокому уровню наркопреступности соответствует и устойчивый рост количества судебных решений, вынесенных по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также числа лиц, осужденных за эти преступления. В 2004 — 2009 гг. в округе таких приговоров вынесено свыше 60 тысяч. Сейчас практически каждый седьмой осужденный отбывает срок за наркопреступление. Указанные цифры свидетельствуют о повышенной степени криминализации ДВФО в области незаконного оборота наркотиков, что оказывает влияние на обстановку, связанную с их контрабандой.

Наибольшую долю среди наркотиков, находящихся в нелегальном обороте в округе, занимают наркотические средства каннабисного ряда местного производства, что объясняется наличием благоприятных климатических условий, способствующих распространению южно-манчжурской конопли, значительные участки естественного произрастания которой расположены в

Амурской и Еврейской автономной областях, Хабаровском и Приморском краях. Помимо сбора дикорастущей конопли, здесь широко распространено ее незаконное культивирование с целью производства и последующей реализации марихуаны и гашишного масла.

Присутствие морской границы и незамерзающих портов, откуда ежегодно отправляется рыбодобывающий флот на промысел в Берингово, Японское и Охотское моря, влияют на распространение контрабанды наркотиков каннабисного ряда. Как правило, члены экипажей судов контрабандно вывозят наркотики для личного потребления. Однако встречаются факты, когда члены экипажей судов выступают в роли наркокурьеров для контрабандного перемещения наркотиков каннабисного и опийного ряда в Японию и другие страны АТР. Контрабанде наркотиков в ДВФО способствуют и факторы социально-экономического характера, связанные с большим количеством въезжающих на территорию округа трудовых мигрантов из государств Средней Азии и Закавказья. Низкий уровень жизни в этих республиках является основной причиной переезда на Дальний Восток России граждан этих государств и увеличения численности представителей азербайджанских, казахских, таджикских, узбекских и киргизских этнических диаспор, традиционно вовлеченных в контрабанду наркотиков и их незаконный оборот.

При этом происходит, по нашему мнению, сращивание миграционных потоков с наркогенными, а миграционная ситуация становится все более критической в силу её неурегулированности и отсутствия оптимальных механизмов контроля [4]. При этом масштабы незаконной миграции постоянно увеличиваются, что во многом связано с упрощением и либерализацией миграционного законодательства. В миграционные процессы активно включаются и преступные элементы, которые на своей исторической родине оказываются в сложном положении в силу преследования их правоохранительными органами либо по иным причинам, включая внутренние конфликты в преступной среде. В связи с трудностями обустройства на новых местах проживания в России мигранты становятся весьма доступными для втягивания их в наркобизнес, то есть являются потенциальным резервом преступного мира, так как организованные наркогруппировки заинтересованы в привлечении выходцев из наркоопасных регионов в качестве наркокурьеров либо рядовых сбытчиков. Среди стран СНГ лидирующее положение по сращиванию миграционных потоков с наркотрафиками принадлежат Узбекистану, Таджикистану, Азербайджану, выходцы из которых занимаются ввозом в ДВФО наркотиков опийной группы, прежде всего опия и героина.

Согласно статистическим данным, степень влияния миграционных потоков на уровень наркопреступности, в частности, в Приморском крае — самом экономически развитом и густонаселенном субъекте округа, обуславливается совершением иностранцами и лицами без гражданства чаще всего таких преступлений, как кражи, грабежи, разбои, присвоение имущества, под-

делка документов. Незаконный оборот наркотиков составляет в общем их числе около 21-23%.

Таким образом, среди мигрантов прослеживается тенденция совершения именно этой категории преступлений, что позволяет говорить о своего рода их преступной специализации. При сравнении степени криминальной активности в совершении наркопреступлений среди местного населения Приморья из числа российских граждан и среди мигрантов можно утверждать, что уровень криминальной активности среди мигрантов выше, чем среди местного населения. Доля наркопреступлений в общем количестве регистрируемых уголовно наказуемых деяний, совершаемых местными жителями, не превышает 8% против 23%, совершаемых мигрантами, что позволяет сделать вывод о первоначальной нацеленности определенной группы мигрантов на совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Основным внешним фактором, влияющим на наркоситуацию в ДВФО, является непосредственная близость Китая, где активно производятся новые виды синтетических наркотиков и лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, оборот которых в России запрещен. Существующее различие в классификации подконтрольных наркотических средств и психотропных веществ в России и Китае, разница в их стоимости, а также безвизовый порядок пересечения государственной границы членами туристических групп используются транснациональной наркопреступностью для организации каналов контрабандного ввоза в Россию из КНР наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

В настоящее время на российском Дальнем Востоке таможенными и правоохранительными органами регулярно выявляются факты контрабандного ввоза из Китая наркотических средств опийного и каннабисного ряда, а также метамфетаминов и МДМА («экстази»). Отмечается также рост числа фактов контрабандного перемещения в Россию легально производимых в КНР медицинских препаратов, содержащих в своем составе подконтрольные в РФ сильнодействующие вещества, в основном сибутрамин, фенфлюрамин, фенобарбитал, псевдоэфедрин. Как известно, эфедрин и псевдоэфедрин являются прекурсорами для изготовления таких синтетических наркотиков, как метамфетамин и эфедрон. Данный вид контрабанды остается самым распространенным как среди российских туристов, так и граждан Китая, въезжающих в Россию по различным каналам.

Таможенное оформление и таможенный контроль товаров, транспортных средств и пассажиров, пересекающих государственную границу России в ДВФО, осуществляется на 16 таможах и 55 таможенных постах Дальневосточного таможенного управления ФТС России. В 2004-2009 гг. таможенными органами в ДВФО было выявлено и пресечено свыше 1700 попыток незаконного перемещения через таможенную границу наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ и их прекурсоров, основная часть которых относится к контрабанде этих веществ из КНР. По данным фактам правоохранительными органами возбуждено свыше 300 уголовных дел по ст. 188

УК РФ. В этот же период таможнями в ДВФО осуществлено 1140 изъятий наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, 959 (84,1%) из которых приходится на ввоз подконтрольных веществ в Российскую Федерацию, 178 (15,6% — на вывоз). Около 60% изъятий, ввозимых на территорию России наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ осуществляется на таможенном посту «Пограничный» в Приморском крае. На таможенные посты «Полтавка» в Приморском крае и «Благовещенский» в Амурской области приходится по 10% осуществленных изъятий, таможенный пост «Матвеевский» — 6%.

В большинстве случаев ввоз наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ осуществляется автомобильным (42%) или железнодорожным (41,7%) транспортом. На водном транспорте произведено 12% изъятий. Из общего числа 87% пресеченных фактов контрабанды связано с ввозом подконтрольных веществ с территории КНР, 6,7% — КНДР. В качестве перевозчиков выступают граждане КНР (63,4%), Российской Федерации (25,3%), КНДР (6,7%), Вьетнама (1,6%). Среди предметов изъятия преобладают псевдоэфедрин (42,2%), фенobarбитал (15,5%), теофедрин (10,9%), диазепам (6,8%). В 2008 г. увеличились изъятия сибутрамина, удельный вес которых среди предметов конфиската составил 21,3%. Структура изъятий на различных таможенных постах существенно отличается друг от друга. Так, на Благовещенском таможенном посту в 71% случаев изымался фенobarбитал. На таможенном посту «Пограничный» чаще всего изымался псевдоэфедрин (51,3%), теофедрин (18,5%), фенobarбитал (10,9%). На таможенном посту «Полтавка» преобладают изъятия псевдоэфедрина (65,3%), «Матвеевский» — диазепам (82,3%).

Из 178 изъятий, осуществленных при выезде граждан за пределы РФ, 89,8% факторов приходится на водный транспорт. Как правило, у членов судовых экипажей изымается гашишное масло (54,5%), гашиш (14,6%), марихуана (8,4%), предназначенные для личного употребления во время нахождения в морских экспедициях. Из указанного числа в г. Владивостоке проведено 33,7% изъятий, в г. Находке — 16,9%, в г. Корсакове — 12,9%, в г. Петропавловске-Камчатском — 10,7% [5].

Анализ методов незаконного перемещения сильнодействующих веществ в Россию из КНР показывает, что основными из них являются: сокрытие СДВ от таможенного контроля; недекларирование и непредъявление таможенному контролю; декларирование СДВ не под своим наименованием.

При этом применяются следующие способы перемещения:

- сокрытие от таможенного контроля с использованием труднодоступных мест среди действующих агрегатов морского транспорта;
- сокрытие среди предметов ручной клади;
- в карманах одежды, надетой на перевозчика; на теле путем крепления скотчем; внутри коробок с продуктами питания;

— путем подмены упаковок лекарственных препаратов либо самих лекарств, ввоз которых на территорию России разрешен.

Традиционным способом контрабанды СДВ остается использование тайников в машинах, осуществляющих перевозки грузов (запасное колесо, топливный бак, инструментальный ящик, спальное место, конструктивные и искусственно созданные полости в раме и контейнере, система охлаждения). В последние годы все чаще применяются новые способы перемещения наркотических средств и сильнодействующих веществ через китайско-российскую границу, к которым, в частности, можно отнести маркировку СДВ наименованиями разрешенных к обороту лекарственных препаратов, а также наименованиями, затрудняющими идентификацию данных препаратов.

В качестве наркокурьеров активно используются так называемые «помогайки», то есть граждане России, привлекаемые за плату для перемещения небольших партий товаров, необлагаемых таможенными пошлинами; проститутки, осуществляющие свою деятельность на территории Японии, Республики Корея, Китая; водители автотранспортных средств; члены экипажей морских судов; пассажиры, следующие за рубеж по паспортам моряков.

С учетом складывающейся обстановки правоохранительными органами округа проводится комплекс организационных и практических мероприятий, направленных на противодействие контрабанде наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. В приграничных субъектах РФ для координации деятельности созданы постоянно действующие межведомственные рабочие группы, в состав которых входят представители территориальных органов ФСКН России, МВД России, ФТС России. В целях своевременного реагирования на изменение оперативной обстановки в сфере контрабанды подконтрольных веществ, установления лиц, причастных к их незаконному перемещению через таможенную границу, между территориальными органами наркоконтроля и таможенными органами налажена система постоянного обмена информацией. На плановой основе осуществляются проверки грузового и пассажирского потока на таможенных пунктах пропуска с использованием служебно-розыскных собак. В целях предупреждения правонарушений, связанных с незаконным перемещением через государственную границу России наркотиков и СДВ, на пограничных пунктах пропуска и погранпереходах размещена информация о запрете к провозу на территорию России медицинских препаратов и биологически активных добавок, содержащих указанные средства и вещества. Туристические фирмы уведомляются о необходимости включения в соглашения с клиентами информации о запрете ввоза в Россию наркотических средств и сильнодействующих веществ.

Территориальными органами ФСКН России в приграничных субъектах РФ установлены тесные рабочие отношения с правоохранительными органами КНР и организована совместная работа по пресечению деятельности международных преступных группировок, занимающихся контрабандными по-

ставками наркотиков из КНР на территорию России. При этом имеются примеры результативного взаимодействия с компетентными органами сопредельных государств.

Так, Управлением ФСНК России по Амурской области в 2005-2006 гг. совместно с оперативным подразделением Управления общественной безопасности провинции Хэйлунцзян и округа Хэйхэ проведена совместная разработка транснациональной преступной группировки. Она завершилась крупномасштабной операцией по задержанию на территории нескольких провинций КНР и Амурской области 27 её активных участников (24 гражданина КНР и 3 гражданина РФ). Расследование уголовных дел получило в КНР и России широкий общественный резонанс, неоднократно освещалось местными и центральными СМИ. В результате пресечения данного канала контрабанды имел место трехкратный скачок цен на китайские синтетические наркотики на территории г. Благовещенска. Управлением ФСНК России по Приморскому краю совместно с Главным отрядом по борьбе с наркотиками ДООБ провинции Хэйлунцзян КНР в апреле 2005 г. ликвидирован крупный канал контрабанды из КНР в Приморский край сильнодействующих веществ. В ходе совместной операции были изъяты рекордные партии метилэфедрина. При этом на территории КНР изъято более 900 кг этого сильнодействующего вещества, задержано 14 членов организованной преступной группы, обнаружено оружие российского производства и боеприпасы к нему, а в г. Уссурийске изъято в тайнике ещё 330 тыс. таблеток из этой же партии эфедрина.

Говоря о контрабанде наркотиков, следует отметить, что правоохранными органами в Дальневосточном федеральном округе регистрируются факты контрабанды не только из КНР, но и из других государств АТР. Так, в 2008 г. УФСБ России по Приморскому краю, Дальневосточной оперативной таможней во взаимодействии с Таможенной службой Республики Корея проведена международная контролируемая поставка, в результате которой во Владивостоке из незаконного оборота изъято 898 таблеток МДМА («экстази»), следовавших из Гонконга транзитом через Южную Корею. На Дальнем Востоке России присутствует и потенциальная опасность наркоугрозы со стороны КНДР. В частности, поступающая в правоохранные органы информация свидетельствует о возможности ввоза на территорию России метамфетамина, производящегося в КНДР, под названием «Голубой лед». Однако пока фактов уголовно наказуемой контрабанды наркотиков из КНДР правоохранными органами в Дальневосточном федеральном округе не выявлялось.

В настоящее время в РФ разработана новая стратегия государственной антинаркотической политики, направленная на обуздание наркоагрессии, снижение спроса на наркотики и их предложения. В соответствии с претворением в жизнь ее основных направлений предполагается внесение изменений в действующее законодательство. В частности, рекомендуется выделить контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих

щих и ядовитых веществ в самостоятельный состав преступления; введения дополнительных квалифицирующих признаков преступлений, связанных с оборотом наркотиков, в том числе уточнения объемов наркотических средств и психотропных веществ, применяемых в качестве квалифицирующих признаков. Серьезной мерой по предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков может стать дифференциация ответственности лиц, виновных в правонарушениях, связанных с наркотиками, с сохранением строгих мер наказания за наиболее опасные деяния и введением лечения как замены наказания для лиц, совершивших малозначительные деяния.

Данные и другие меры изложены в Концепции государственной антинаркотической политики Российской Федерации [6], одобренной Государственным антинаркотическим комитетом 26 июня 2009 г., а также получили всестороннее рассмотрение на заседании Совета безопасности Российской Федерации 8 сентября 2009 г. по вопросу «Совершенствование государственной политики в области борьбы с распространением наркотиков». Как указал в своем вступительном слове при открытии заседания Президент Российской Федерации, Председатель Совета Безопасности Российской Федерации Д.А.Медведев, «омоложение состава потребителей наркотиков — это действительно реальная угроза для безопасности нашей страны, самый серьезный вызов здоровью нации, нашей демографической ситуации, и без того крайне сложной, и в целом моральному состоянию всего общества» [7]. Принятые на заседании Совета Безопасности Российской Федерации решения предусматривают комплекс мер уголовно-правового, медицинского, профилактического характера и положены в основу реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. 2009. № 88.
2. Здесь и далее в статье используются статистические и аналитические данные Управления Аппарата Государственного антинаркотического комитета по Дальневосточному федеральному округу и Управления ФСКН России по Приморскому краю.
3. Ролик А.И., Романова Л.И., Федоров А.В. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты. Владивосток, 2009.
4. Репецкая А.Л. Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы (по материалам одного криминологического исследования) // Криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 48-49; Конституционно-правовые основы миграционной политики России и стран АТР. Владивосток, 2010.
5. Статистические сведения приведены в соответствии с базой данных «Федеральная таможенная служба. Изъятие наркотических средств и психотропных веществ», входящей в Единый банк данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту, формируемый ФСКН России.
6. Концепция Государственной антинаркотической политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fskn.gov.ru>
7. Вступительное слово Д.А. Медведева на заседании Совета Безопасности по вопросу «Совершенствование государственной политики в области борьбы с распространением наркотиков» 08.09.2009г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/471.html>.
8. СЗ РФ. 2010. № 6.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ

*Н. А. Цой**

Сегодня Интернет как средство массовой коммуникации достиг такого уровня развития и воздействия на общественную жизнь, который требует государственного вмешательства в виде принятия законов, регулирующих деятельность, связанную с распространением новых технологий. С целью определения направления такого регулирования в ряде стран проведены специальные исследования, созданы общественные объединения, разрабатываются кодексы поведения в Интернете, принимаются законы.

Азиатские страны занимают лидирующее положение по использованию Интернета (39,5%) в мире, на втором месте европейские страны (26,3%), далее Северная Америка (17%), Латинская Америка и Карибские острова (9,5%), Африка (3,5%), Средний восток (2,9%), Австралия и Океания (1,3%). Количество Интернет-пользователей в Азии также самое высокое (рис. 2 [1]). Среди европейских стран Россия находится на третьем месте — 45,3 млн. пользователей (рис. 1 [1]).

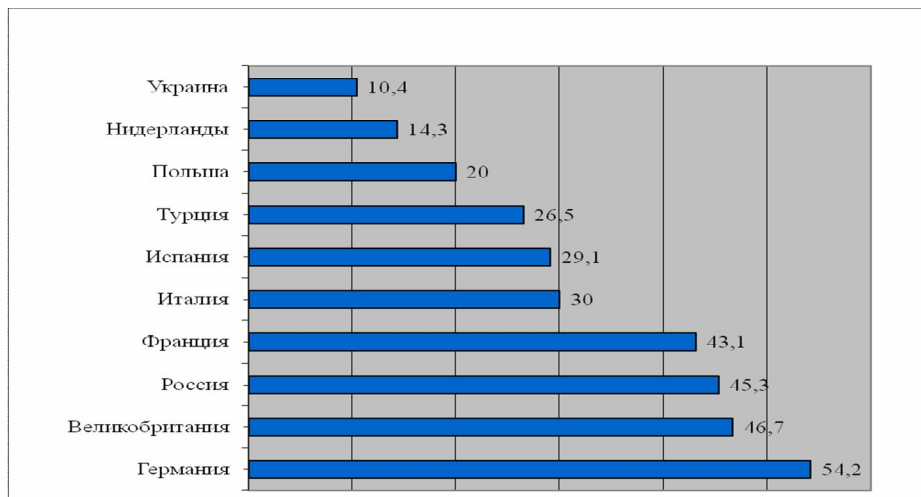

Рис. 1. Число пользователей Интернета в странах Европы, млн человек, 2010 г.

В то время как количество интернет-пользователей во всем мире продолжает быстро расти, проникновение интернета в развивающиеся страны остается низким, около 13%. В частности, в Африке менее 5% популяции ис-

* *Цой Надежда Алексеевна* — ведущий психолог Центра ДВГУ по профилактике наркомании и деструктивных воздействий, г. Владивосток, e-mail: tcoy_nadeshda@mail.ru.

пользуют интернет. В Азии менее 15% людей используют интернет, по сравнению с 43% в Европе и 44% США [2]. Для измерения уровня развития информационных технологий в 2003 г. на втором Мировом Саммите Информационного общества предложено создать специальный индекс развития ИСТ (Индекс развития информационно-коммуникационных технологий).

Страны, имеющие продвинутую науку, высокие технологии, добиваются и высоких результатов в экономическом развитии (США, Япония, Германия). Существует сильная взаимосвязь между развитием ИСТ и общим уровнем развития страны, его значение выше в развитых странах. Тем не менее, относительное его изменение за 2002-2007 гг. было схожим: развитые страны увеличили в среднем свое значение индекса развития на 36%, развивающиеся — на 38%.

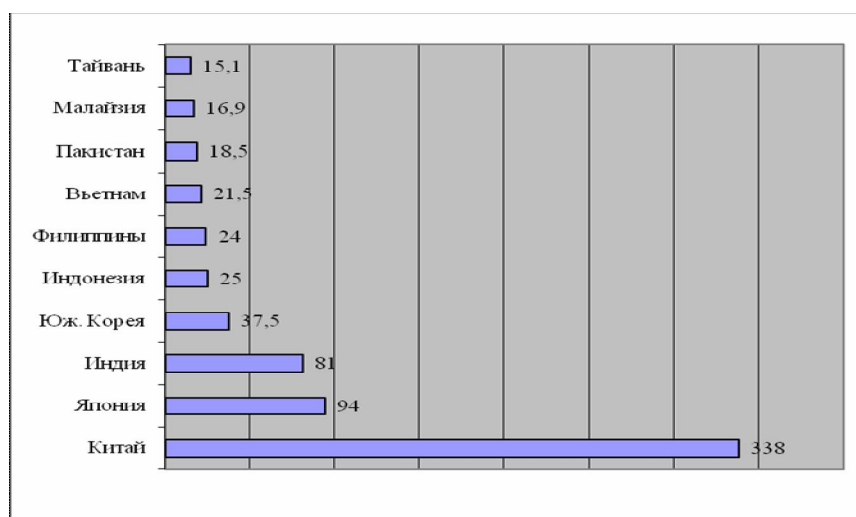

Рис. 2. Число пользователей Интернет стран Азии, млн. человек, 2010 г.

О преимуществах и недостатках интернета в основном осведомлены люди развитых стран из-за так называемого «цифрового неравенства». У людей в развитых странах выше качество жизни, которое улучшается за счет интернета и информационных технологий, в то время как люди в развивающихся странах часто изведены бедной экономической, политической и информационной инфраструктурами, способствующими их более низкому качеству жизни. Однако в результате люди в менее развитых странах обычно не испытывают проблем, связанных с интернетом.

Европейские страны Скандинавии — самые современные в плане ИСТ. Все находятся в десятке стран, чей индекс развития ИСТ в 2007 г. остался высоким с 2002 г. В Нидерландах доступ к интернету распределен неравномерно. Как и в других странах, мужчины, молодые люди, высокообразованные и имеющие доход «выше среднего» имеют доступ к интернету в первую очередь. Развитие информационных технологий привели к появлению нового

вида неравенства. Те, кто ранее приобрели персональный компьютер, раньше достигли и преимуществ. Они же раньше стали иметь домашний доступ в Интернет, овладели навыками работы с современной техникой и пользуются компьютером чаще.

Среди европейских стран, не вошедших в первую десятку по индексу развития ИСТ, — Германия, Ирландия, Австрия, Италия и Испания. Они в период 2002-2007 гг. либо незначительно повысили индекс развития ИСТ, либо он остался неизменным. В Германии уровень интернет-пользования также зависит от уровня образования родителей.

Республика Корея вторая страна по значению индивидуального показателя в мире в 2007 г. По значению индивидуального индекса развития ИСТ Китай, несмотря на быстрое развитие, находится на 73 месте в мире. С 2002 г. ИСТ Китая повысился на 17 позиций. При этом индекс развития ИСТ Тайваня на 25 месте, Макао (полуостров находится под юрисдикцией КНР) на 21 месте (уровень европейских стран) и Гонг-Конг — 11-е место в мире на 2007 г. Россия в 2007 г. занимала 50 место, с 2002 г. по 2007 г. значительных изменений не произошло.

Согласно Концепции государственной информационной политики России, её долгосрочной стратегической целью является вхождение в мировое информационное сообщество. Достижение цели предполагает реализацию ряда программ, в том числе и долгосрочной целевой программы «Информационное общество (2011-2018 гг.)», которая должна стать развитием и продолжением программы «Электронная Россия».

Динамика интернет-проникновения в России отражена рис. 3, 4 [3].

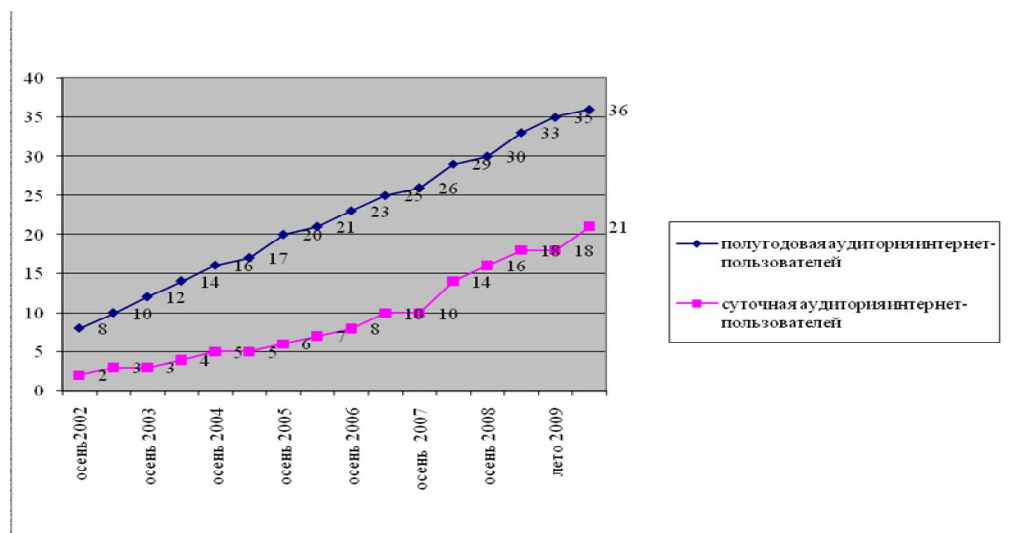

Рис. 3. Доля интернет-проникновения в России, % от всех опрошенных

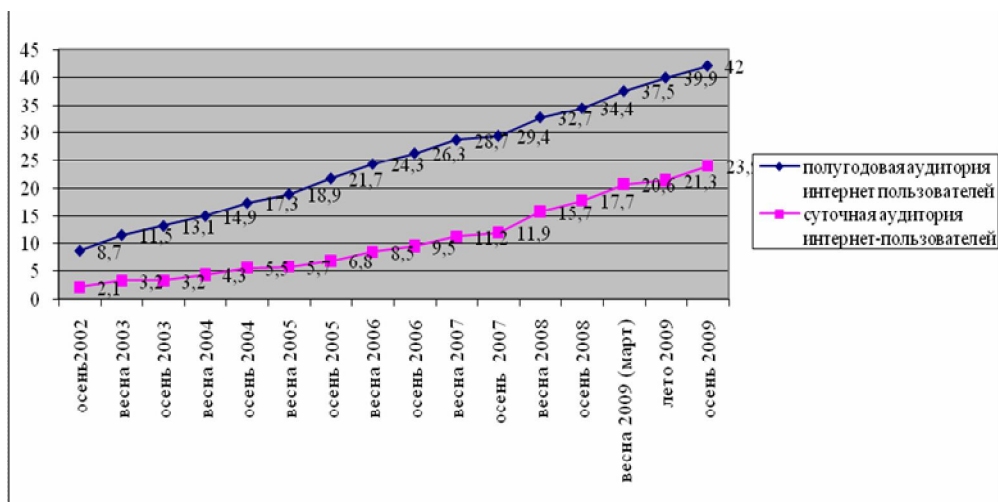

Рис. 4. Численность интернет-пользователей России, млн человек

«Интернациональная» природа сети позволяет утверждать, что проблемы законодательного регулирования деятельности в Интернете носят общий характер и одинаковы для всех стран. В 1997 г. в Канаде был подготовлен доклад «Киберпространство — не анти-территория закона». В нем рассматриваются проблемы, связанные с уголовной и гражданской ответственностью, возникающие в ходе работы в сети Интернет как пользователей, так и поставщиков содержания и информационных услуг. В Германии в том же году был принят закон об информационных и коммуникационных услугах, в котором определен статус цифровой подписи, введены поправки в уголовный кодекс, в законы о запрете на распространение морально вредной для юношества информации, охране авторских прав. В докладе Федеральной комиссии США по связи «Цифровое торнадо: Интернет и телекоммуникационная политика» дается анализ правовых, экономических и социальных проблем, связанных с Интернетом [4].

Основные проблемы, с которыми приходится иметь дело государству в сфере разработки политики Интернет-регулирования, это: защита частной сферы, защита интеллектуальной собственности, проблема юрисдикции в Сети, несколько реже встречается проблема налогообложения [5]. Практически не выстроена политика в области борьбы с начинающими распространяться различными формами интернет-зависимости.

Как результат взаимодействия развития и освоения информационных технологий обычными пользователями компьютеров появился качественно новый феномен — зависимость от Интернета, или Интернет-аддикция. Терминология проблемы пока еще не вполне устоялась. Применяются наименования «зависимость от Интернета», «Интернет-аддикция», а также «избыточное или патологическое применение Интернета» и т.д. При обилии наименований специалисты достаточно едины в определении поведенческих характеристик, которые могли

бы быть отнесены к этому феномену (или синдрому). На наш взгляд, наиболее емким и понятным термином, обобщающим все вышеперечисленные наименования, используемые в настоящее время, является «интернет-зависимость», поскольку заключает в себе основное слово — «зависимость».

Чаще всего интернет-зависимость понимается максимально расширительно — в нее включаются:

- а) обсессивное пристрастие к работе с компьютером;
- б) компульсивная навигация по WWW, поиск в удаленных базах данных;
- в) патологическая привязанность к опосредованным Интернетом азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам;
- г) зависимость от социальных применений Интернета;
- д) зависимость от «киберсекса» [6].

Хотя истинная распространенность этого расстройства неизвестна, по оценкам она колеблется в пределах 5–10% от всех пользователей, что в абсолютных цифрах составляет от двух до пяти миллионов «пристрастившихся к Интернету».

Каждая страна по своему выстраивает информационную политику в сфере Интернет-регулирования и в частности предупреждения Интернет-зависимости. Некоторые страны стали подвергать цензуре определенные виды игр. В Саудовской Аравии в 2001 г. вышел исламский указ, церковной властью видеоигры и карты «Покемон» были запрещены. В 2002 г. греческая законодательная власть приняла закон о запрете всех компьютерных игр (консоль-игру, онлайн-игру, портативную), но преследуются лишь те нарушители, которые играют в общественных местах. Они либо облагаются штрафами, либо заключаются под стражу. В июле 2003 г. в Таиланде ввели комендантский час для онлайн-игр с 22 до 06 часов, блокируя игровые серверы каждый день, с 08 сентября 2003 г. на лиц старше 18 лет комендантский час не распространяется. В Сент-Льюис, штат Миссури, вышел закон о запрете на создание, распространение и прокат игр несовершеннолетним с графическим содержанием сцен насилия, а также позволение играть в насильственные игры несовершеннолетним без соглашения родителей или опекунов.

В сравнительном исследовании между Китаем и США было выяснено, что интернет-зависимость является более распространенной проблемой среди студентов в Китае, стране быстро индустриализующейся, чем среди студентов США, которые используют интернет дольше, чем их китайские сверстники.

В центре рассмотрения опыт Китая находится не случайно. Феномен интернет-зависимости в КНР выражен наиболее ярко:

- борьба с данным социальным явлением, признанным социальной проблемой, вышла на государственный уровень;
- наблюдается повышенное внимание со стороны средств массовой информации по сравнению с другими странами;
- количество исследований, посвященных данной проблематике, преувеличивает в КНР, и открытие первых клиник для лечения интернет-зависимых

также произошло в Пекине, в отличие от США, где созданы виртуальные клиники для лечения интернет-зависимых.

Китай присоединился к Интернету в 1994 г., число интернет-пользователей было около 10000 человек, к июню 2009 г. — 338 млн человек. В сельской местности их численность превышает 84,6 млн человек при повышенном приросте по отношению к городам.

Интернет-пользователи в Китае проводят большую часть своего свободного времени в онлайн (40%), по сравнению с 30% из США и 28% интернет-пользователей из Великобритании [7]. Большинство интернет-пользователей (60%) в возрасте 10-29 лет, 31,7% из них являются студентами. Распространенными сетевыми интернет-ресурсами являются скачивание и прослушивание музыки (85,5%), просмотр новостей (78,7%), обмен мгновенными сообщениями (72,2%) и т.п. Форумы, онлайн-покупки, оплата и т.д. пользуются меньшей популярностью (менее 30%).

Интернет всегда воспринимался неоднозначно китайским правительством. С одной стороны, он представляет собой символ и средство модернизации, ключ к развитию. С другой, — обеспечивает доступ к материалу, на взгляд правительства неподобающий, создающий новую «общественную сферу», в которой сторонники активных действий могут общаться и объединяться [8]. Интернет-кафе стали местом скопления людей. Месторасположения доступа «морально-опасного» интернета воспринимается как «морально неподобающие» общественные места и, после смерти массы людей в 2002 г. во время пожара в одном из интернет-заведений, представляются как «физически небезопасные». Государство после долгой серии попыток регулировать работу интернет-кафе объявило о годичном моратории на лицензирование новых интернет-заведений [9]. Правительственное усиление мер по урегулированию интернета к концу 2000 г. было ответной реакцией на распространение онлайн-обсуждений социальных проблем китайскими интернет-пользователями.

В 2005 г. китайская академия наук и молодежная Ассоциация сети Китая признали, что интернет-зависимость является серьезной проблемой в связи с распространением случаев попыток самоубийства на почве онлайн-игр, летальных исходов после многочасового интернет-пользования, а также многочисленных жалоб родителей относительно негативного влияния бесконтрольного интернет-содержания на молодое поколение. И уже с 2006 г. китайское правительство стало финансировать 8 клиник для лечения интернет-зависимых.

В 2008 г. Фонд Общественное Мнение провел общероссийский опрос в 63 субъектах РФ подростков в возрасте 14-17 лет. Размер выборки составил 1085 респондентов. Доля интернет-пользователей в ДВФО имеет среднее значение по России, отражая общую тенденцию интернет-распространения среди российского населения [10].

Опрос показал, что не пользуются Интернетом 24,5% подростков. Три четверти из них объясняют это объективными трудностями (нет компьютера или

доступа в Интернет, не позволяют финансы, просто нет возможности, в том числе в учебном заведении), и лишь около трети — субъективными (не умею, не хочу, мне это неинтересно). Постепенно Интернетом начинают охватываться все более юные слои населения. Если подростки, которым сегодня 17 лет, впервые вошли в сеть, когда им было в среднем почти 15 лет, то те, кому сегодня 14 лет, стали интернет-пользователями в 12-13 лет (рис. 5 [10]). Причем 62% представителей подростковой аудитории используют Интернет в первую очередь для развлечений.

Изучение связи между интернет-пользованием, эмоциональным состоянием и социальной поддержкой имеет различные результаты. Например, онлайн-исследование Элизабет Харди и Минг Ти (2006) показало, что 40% из выборки (96 взрослых людей) протестированных на интернет-зависимость являются средними пользователями интернета, 52% — проблемными интернет-пользователями, 8% — интернет-зависимыми. Авторы этого исследования предполагают, что личности с невротическими чертами, достигающими поддержку от своих онлайн социальных сетей, более предрасположены стать зависимыми от интернет-пользования. Принимая во внимание то, что индивидуумы из средней группы сверх-пользователей — моложе и менее опытны в использовании компьютера, чем средние и зависимые ровесники, предполагается, что личностные тенденции в сочетании с поддержкой онлайн-социальных сетей могут предрасполагать некоторых начинающих пользователей к зависимости от Интернета [11].

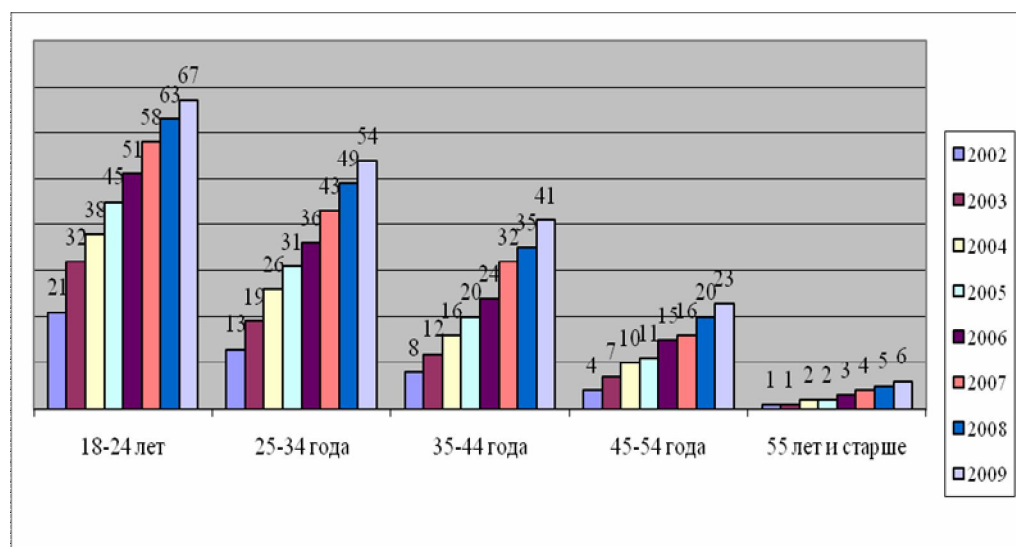

Рис. 5. Динамика долей пользователей Интернета среди лиц разного возраста, РФ, %

Проведенное нами исследование в г. Владивосток, в котором приняли участие 236 респондентов (студенты ВГУЭС и ДВГУ, возраст 17-21 лет) показало:

- связь между интернет-зависимостью и мотивом аффилиации (желание получить социальную поддержку) отсутствует;

- 89,38% — составили группу не склонных к интернет-зависимости;
- 0,63% — группу склонных к интернет-зависимости;
- 8,75% — группу с высоким уровнем тенденции к аффилиации;
- 9,38% — группа с низким уровнем;
- 71,88% — группа с адекватным уровнем тенденции к аффилиации.

В большинстве аналогичных исследований подчеркивается связь между проблематичным интернет-пользованием и чувством одиночества, низкой самооценкой, интроверсией и социальной тревогой. В нашем исследовании обнаружена связь между частым интернет-пользованием и большим чувством одиночества, более скудной социальной адаптацией и эмоциональными навыками.

В заключение следует отметить, что государственная информационная политика РФ в отношении проблемы интернет-зависимости практически не выстроена. Степень проникновения Интернета еще не дошла до среднего уровня в мире, и российские пользователи только начинают испытывать преимущества и недостатки Интернета. Предстоит выработать политику в области лечения, социально-психологического сопровождения, возврата ушедших в виртуальный мир людей и процесса их последующей реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Internet usage statistics. The internet big picture. World internet users and population stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 22.01.2010).
2. Measuring the information society. The ICT development index 2009. International telecommunication union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/2009/material/IDI2009_w5.pdf (дата обращения: 12.12.2009).
3. Интернет в России: динамика проникновения. Осень-2009. URL: <http://bd.fom.ru/report/whatsnew/d094912> (дата обращения: 12.12.2009).
4. Мелюхин И.С. Государство и Интернет // Законодательство и практика средств массовой информации. Выпуск 11 (39), ноябрь, 1997. URL: <http://www.medialaw.ru/publications/zip/39/internet.html> (дата обращения: 24.12.2009).
5. Зорин В. А. Интернет и политика // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/politics/20020729-zor-pr.html> (дата обращения: 24.12.2009).
6. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. — 2004, том 25. — № 1. — с. 90–100.
7. Statistical Survey Report on the Internet Development in China (January 2009). China Internet Network Information Center. URL: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2009/03/23/5512.htm> (дата обращения: 25.12.2009).
8. G. Yang. The Internet and Civil Society in China: a preliminary assessment // Journal of Contemporary China. — 2003. — 12(36), p. 453–475.
9. Ko CH, Yen JY, Yen CF. Factors predictive for incidence and remission of Internet addiction in young adolescents: a prospective study // CyberPsychology & Behavior. — 2007. — № 10, p. 51 — 55.
10. Подростки и Интернет. Октябрь 2008. Проект «Мир Интернета». URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/podinter0801> (дата обращения: 12.12.2009).
11. E. Hardie, M. Yi Tee. Excessive Internet Use: The Role of Personality, Loneliness and Social Support Networks in Internet Addiction // Australian Journal of Emerging Technologies and Society. — 2007. — 5 (1), p. 34–47.

ПРОФСОЮЗЫ ПО ПРАВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

А.В. Кузнецова *

Рассмотрим характерные черты профсоюзов ведущих демократических стран с целью более полной классификации их функций и возможности использования их опыта становления и функционирования применительно к российской практике.

Согласно Акту Великобритании о профсоюзах и трудовых отношениях 1992 г. [2], под профсоюзом понимается «организация (временная или постоянная), состоящая в основном из работников одной или разных профессий, основное назначение которой является регулирование отношений между работниками и работодателями или объединением работодателей, или регулирование отношений структурными объединениями профсоюзов» [3].

В соответствии с Актом:

— регулирование отношений между работниками и работодателями или объединением работодателей должно быть основной целью работы организации;

— эффективность или неэффективность такой работы не является оценочным критерием;

— ветви и подразделения профсоюза обладают всеми правами (статусными) профсоюза. При этом под работником понимается «индивид (физическое лицо), который работает или находится в процессе поиска работы, если он выполняет работу лично или оказывает определенные услуги другой стороне, которая не является его профессиональным клиентом [7];

— регистрация профсоюзов не является необходимым фактором для приобретения профсоюзом юридических прав и обязанностей.

Согласно Акту о профсоюзных организациях [8] в США под профсоюзами понимается «ассоциация, комбинация ассоциаций или организация работников, которые объединились вместе для обеспечения благоприятной оплаты труда, хороших условий труда, лучших рабочих часов и для разрешения трудового конфликта с работодателем». Акт определил три основных гарантированных права: на организацию, коллективные договоры, на мирные забастовки и пикеты.

Часть характерных черт профсоюзы США унаследовали из английского общего права. Особенностью американского профсоюзного права и защитной функции является так же субъектный состав. Чтобы быть субъектом защитной функции профсоюзов и Национального Бюро по профсоюзным отношениям индивид должен быть «работником» [8]. В связи с этим в американском профсоюзном праве выделяется ряд критериев, по которым решается — кто может быть

* *Кузнецова Анастасия Васильевна* — аспирантка кафедры трудового права ДВГУ, г. Владивосток; e-mail: tcoy_nadeshda@mail.ru.

субъектом защиты профсоюза, т.е. быть объединенным в профсоюз. При этом работники с конфликтом интересов или разными интересами не могут быть представлены одним профсоюзом. Первый критерий — одинаковость (общность) работы (одинаковый уровень навыков и квалификаций, одинаковый размер заработной платы и объем различных бенифитов (например, таких как медицинская страховка и т.д.), одинаковые условия труда). Второй критерий — географическое расположение, работники должны быть объединены в профсоюз согласно своему физическому месторасположению. Третий критерий — это правило, запрещающее объединение в профсоюзы менеджерский (управленческий) состав работников. Профсоюзное законодательство различает управленческий состав и работников. Несмотря на то, что нет общепринятого определения управленческого состава, все, кто имеет в своем подчинении хоть одного человека, может быть признан начальником группы и следовательно входить в управленческий состав предприятия [12]. В то же время профессиональные работники (например, учителя, правовой и медицинский персонал) могут быть признаны работниками, а не управленческим составом.

В Республике Корея согласно «Акту о профсоюзах и трудовых отношениях» под профсоюзом понимается «организация или ассоциация (сообщество) работников, сформированная на добровольной и коллективной основе по инициативе работников с целью улучшения своих условий труда и повышения своих экономических и социальных гарантий» [14].

Причем п. 4 ст. 2 Акта прямо указывает, какие организации не могут считаться профсоюзами: а) в случае, когда работодатель или лицо, отстаивающее интересы работодателя присоединяется к организации (входит в нее); б) когда большинство расходов покрывается работодателем; в) когда все действия направлены на получение дополнительных социальных гарантий и т.д. Для членства в корейских профсоюзах работник должен состоять в трудовых отношениях с работодателем.

Инициатива работников для образования профсоюза в Республике Корея — это одна из основных черт, в отличие от Великобритании. В то же время ни в Великобритании, ни в Республике Корея нет условия о непринадлежности члена профсоюза к управленческому составу организации.

Согласно ст. 1 ФЗ РФ: «профсоюз — добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов». Здесь использовано понятие «граждан», а не «работников», что позволяет нам говорить о противоречии определения данного в ст. 3 ФЗ. В ней дано понятие «работника» как «физического лица»:

- работающего в организации на основе трудового договора (контракта);
- лица, занимающегося индивидуальной предпринимательской деятельностью;
- лица, обучающегося в образовательном учреждении....

Отнесение студентов в российском трудовом праве к категории работников берет свое начало в Кодексе Законов о Труде 1971 г. и в правах человека на социальное обеспечение (тогда время обучения входило в общий трудовой стаж).

За рубежом в рассматриваемых странах функции защиты прав студентов выполняют студенческие организации или «обмудсмены», и вводить «студенческий профсоюз» нет смысла. Так, ни в Республике Корея, Великобритании, ни в США студенты не относятся к «работникам» и, следовательно, не имеют права организовывать профсоюзы. Надо полагать, что такое расширение субъектного состава в РФ является особенностью в зарубежном сравнительном правоведении.

Характерное отличие зарубежных профсоюзов от российских заключается также в решении вопросов обеспечения независимости профсоюзов от работодателей.

При регистрации профсоюзов в Великобритании и внесении их в специальный реестр, они должны пройти «тест на независимость». Система теста позволяет выявить «карманные» профсоюзные организации, которые не смогут гарантировать членам профсоюза независимость и продуктивно выполнять защитную функцию на предприятии (в организации). Основные критерии: независимость профсоюза от средств работодателя; поддержка в виде предоставления на зависимой основе офисного помещения, обстановки; был ли профсоюз изначально создан работодателем и контролировался ли работодателем и т.д.

Для сравнения: в России, в соответствии с ФЗ, работодатель, наоборот, обязывается предоставить профсоюзам офисное помещение и средства работы. Тем самым, на наш взгляд, несмотря на указание «независимости» от работодателя, законодатель ставит профсоюз в зависимое положение от него. Это, естественно, влияет на «независимость» реализации защитной функции российских профсоюзов и требует пересмотра ряда норм, регулирующих устанавливаемые отношения.

В Великобритании гарантия на независимость сужена и проверяется только по отношению к работодателю, предполагая, что система «сдержек и противовесов» в государственном управлении находится на высоком уровне и государству не требуется вмешательство в работу профсоюзов.

В США вопрос о независимости не является центральным и не затрагивается в правовых актах, он решается опосредованно, путем особенной процедуры приобретения правосубъектности и возможности менеджмента организации проводить кампании против профсоюза.

Таким образом, профсоюзная независимость во всех рассматриваемых странах, кроме РФ, направлена в первую очередь на главного «оппонента» профсоюза — работодателя, так как деятельность госорганов в общем направлена на защиту прав граждан, куда входят так же и работники.

Важной характеристикой профсоюзов является момент приобретения трудовой правосубъектности. В РФ, Республике Корея, США профсоюзы при-

обретают ее с момента создания права юридического лица (регистрации). В Великобритании профсоюз должен быть предварительно внесен в так называемый «листок профсоюзов».

Во всех странах регистрация осуществляется государственными органами: в Республике Корея регистрацию проводит Министерство труда; Великобритания — Управления по выдачи свидетельств; США — Национальное бюро по профсоюзным отношениям; в России — органы исполнительной власти, в частности, — это органы по регистрации юридических лиц.

На основании проведенного анализа сформулируем определение профсоюзов, отражающее, на наш взгляд, общие особенности современных тенденций их функционирования в разных странах. Профсоюз — это добровольное, независимое от государственных органов и работодателя, коллективное объединение работников, объединенных по профессиональному признаку, созданное с целью представительства и защиты трудовых прав и экономических интересов работников и закрепленное в праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trade Union and Labour Relations (Consolidation) Act 1992 // Office of Public Sector Information. London. UK. On-Line http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1992/Ukpga_19920052_en_1.htm.
2. Раздел 1 (a) of TULR(C)A 1992 // Office of Public Sector Information. London. UK. On-Line <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1992/Ukpga_19920052_en_1.htm> .
3. Раздел 30 (1) of TULRA 1974 // Office of Public Sector Information. London. UK. On-Line <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1992/ukpga_19920052_en_18> .
4. National Labor Relations Act (NLRA) 29 U.S.C. §§ 151-169, [Title 29, Chapter 7, Subchapter II, United States Code] <http://www.nlrb.gov/about_us/overview/national_labor_relations_act.aspx> .
5. Railway Labor Act [45 U.S.C. § 151 et seq.
6. Waddau v Merit Systems Protection Board, 19 F.3d 1395 (Fed. Cir. 1994).

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК «УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ»

Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева — СПб.: МИЭП, СПбИГО, ООО «Книжный дом», 2009. — 754 с.

*Л.И. Романова**

В наше время нет особого недостатка в юридической литературе. Регулярно выходят в свет новые учебники по Общей и Особенной частям Уголовного российского права; курсы лекций, уделяющие особое внимание сложным теоретическим проблемам современной науки уголовного права; монографии, учебные пособия и другие научные издания. В них углубленно рассматриваются наиболее важные институты, нуждающиеся в исследовании и разработке в связи с принятием новых законодательных уголовно-правовых новелл в условиях быстро изменяющихся российских реалий.

Новый учебник «Уголовное право России. Общая часть» вышел в то время, когда действующий Уголовный кодекс РФ в очередной раз в 2009 г. претерпел изменения и дополнения. Только за последние три года УК РФ неоднократно видоизменялся под массивным принятием многочисленных Федеральных законов. Так, в 2007 г. в него были внесены коррективы десятию Федеральными Законами, в 2008 г. — восьмью, в 2009 г. — тринадцатью. Давно в прошлое ушла ранее характерная для советского периода такая черта уголовного законодательства, как «стабильность». Современному уголовному законодательству присущ динамизм, большая подвижность при принятии решений по криминализации новых общественно-опасных деяний, расширение уголовной ответственности и ужесточение санкций за некоторые преступления. Конечно, значительная часть нововведений, изменений и дополнений касается в большей степени Особенной части Уголовного кодекса РФ, но и некоторые институты Общей части также совершенствуются российским законодателем, что диктует необходимость их осмыслить, проанализировать, дать соответствующий комментарий.

Настоящий учебник «Уголовное право России. Общая часть» написан коллективом известных ученых в области уголовного права, докторами и кандидатами юридических наук. В нем не только глубоко раскрыты теоретические по-

* *Романова Лариса Ивановна* — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заместитель директора Юридического института ДВГУ. e-mail: romanova@ext.dvgu.ru

ложения основных институтов науки уголовного права, но и содержится исследование встречающихся трудностей в применении закона по судебной практике, приводится достаточно большое количество примеров по материалам уголовных дел, а также дается анализ ставших достоянием гласности некоторых нашумевших преступлений, совершенных в последние годы в России.

Весьма положительным моментом, на наш взгляд, является и выбранный подход при изложении спорных, дискуссионных положений в области уголовного права. Авторы учебника «Уголовное право России» не стали выработать какую-либо единую точку зрения при освещении данных тем, а постарались максимально полно отразить имеющиеся взгляды других ученых на рассматриваемые проблемы. Поэтому в учебнике так много содержится ссылок на научные публикации, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций последних лет, которые отражают современные представления о наиболее дискуссионных уголовно-правовых институтах.

Заслуживает, на наш взгляд, поддержки и одобрения избранный коллективом авторов подход в написании данного учебника, при котором показана эволюция развития уголовно-правовой науки, исторические этапы совершенствования законодательства, которое претерпевало изменения на всем протяжении своего становления, пока оно не приобрело хорошо известные всем черты современного российского уголовного права. В учебнике широко представлены теоретические положения, подходы, обоснования при рассмотрении важнейших институтов уголовного права известного русского правоведа Н.С. Таганцева, изложенных в его лекциях по русскому уголовному праву. Максимально полно отражены взгляды корифеев науки уголовного права советского периода, которые внесли свой заметный вклад в раскрытие теоретических положений, объяснение концептуально сложных проблем, которые в те времена были еще недостаточно изучены и разработаны. Учебник содержит большое количество ссылок на работы известных советских профессоров: Я.М. Брайнина, П.И. Гришаева, Н.Д. Дурманова, Б.В. Здравомыслова, В.Н. Кудрявцева, Б.С. Никифорова, А.А. Пионтковского, А.Н. Трайнина, Б.С. Утевского и многих других ученых.

Представляется, что только при самом бережном отношении к наследию дореволюционных ученых, стоявших у истоков зарождения русского уголовного права, дело которых затем продолжали видные ученые советского периода, можно и на современном этапе успешно развивать уголовно-правовую науку, создавая необходимый задел для работы будущих правоведов. Это очень важно. Ведь бесценный опыт предшественников, заложивший основу многим институтам уголовного права, включая и современные, не позволит уподобиться «Иванам, не помнящим родства».

Заслуживает поддержки стремление авторов коллектива учебника «Уголовное право России» показать многогранность связей науки уголовного права с философией, психологией, социологией, теорией права и другими отраслями знаний. Данный подход позволил избежать узкое и ограниченное только

рамками уголовного права изложение таких, например, концептуально важных институтов, как соотношение уголовной и юридической ответственности, понятие, признаки и сущность наказания; причинная связь, система и общие начала назначения наказаний и т.д. Хорошо представлена этимология русского языка, даны разъяснения и необходимые комментарии сложных терминов, пояснения фраз и слов, имеющих несколько значений, со ссылками на известные толковые словари и энциклопедии.

Положительным моментом является то, что, излагая некоторые спорные или не совсем удачные, а порой и просто ошибочные положения российского уголовного законодательства, авторы учебника не ограничиваются только одной критикой, они детально рассматривают зарубежный опыт национальных уголовных законодательств, при этом умело используя сравнительно-сопоставительный метод. В частности, в учебнике приводятся примеры, позаимствованные из УК ФРГ, УК Бельгии, УК Республики Корея, бывших союзных республик (Эстонии, Латвии, Литвы, Украины) и многих других государств. Следует отметить, что сравнительное правоведение в последние годы успешно используется многими современными учеными для решения сложных российских проблем путем поиска в других национальных уголовных законодательствах альтернативных вариантов их уголовно-правовой регламентации. В условиях глобализации, взаимопроникновения многих научных положений из самых различных областей знаний и обогащения национальных законодательств самых разных государств, вполне реальной и не такой далекой кажется перспектива создания единого международного уголовного кодекса.

Все эти факты выигрышно отличают рецензируемый учебник от некоторых других изданий того же жанра.

Учебник «Уголовное право России. Общая часть» написан хорошим, доступным языком, содержит иллюстративный материал, подробный комментарий сложных и проблемных вопросов науки уголовного права, и что очень важно, он выдержан в общем стиле написания отдельных глав и параграфов в изложении различных авторов. Учебник читается достаточно легко, в нем нет излишней заумности, он не перенасыщен специальной научной терминологией, воспринимается как единый и законченный труд. В то же время учебник «Уголовное право России» отличается глубиной изложения, большим объемом, использованием значительного количества источников со ссылками на работы дореволюционных правоведов, советских и российских теоретиков, внесших вклад в развитие науки уголовного права.

Вместе с тем, как, впрочем, к любой работе такого рода, можно высказать некоторые замечания, а точнее сказать, пожелания, которые носят частный характер и несколько не умаляют всех достоинств рецензируемого учебника.

На наш взгляд, несколько выделяется из общего подхода и стиля написания учебника Глава 10 «Неоконченное преступление». Материал, изложенный в ней, изобилует ссылками, содержит значительный по объему комментарий, размещенный в конце страниц в сносках, который иногда оказывается

даже превышающим объем основного текста. Возможно, некоторые точки зрения ученых, находящихся в сносках, с которыми полемизируют авторы, целесообразнее было бы перенести на основные страницы данной главы.

Второе пожелание касается Главы 22 «История развития уголовного права России», а точнее сказать, ее расположения. Если исходить из того, что каждая глава рецензируемого учебника начинается с небольшого исторического экскурса зарождения и становления того или иного института уголовного права, то, следуя этой логике, наверное, было бы правильным начать сам учебник с истории развития, этапов прохождения и совершенствования уголовного права. Тогда данная глава должна быть помещена на первое место.

В целом представляется, что новый учебник «Уголовное право России. Общая часть» станет хорошим подспорьем в овладении знаний студентами. Он будет полезным для аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля. Найдут в нем для себя много ценного и специалисты в области теории и практики: научные работники, судьи и работники иных правоохранительных органов, а также все граждане, которые интересуются наукой уголовного права, стремятся глубже познать институты преступления, уголовной ответственности и наказания.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ (на русском языке)

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право — № 2, 2010 (22)

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Терский М.В.

Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года

Ключевые слова: Дальний Восток, Байкальский регион, региональная политика, стратегия Правительства, экономический рост.

В статье рассмотрены особенности политики центрального правительства России в отношении Дальневосточного и Байкальского регионов. Выявлены тенденции снижения сравнительной эффективности экономического и социального развития территорий ДВФО и Байкальского региона относительно России. Раскрыты факторы, обуславливающие углубление экономической и социальной «отсталости» ДВФО и Байкальского региона.

Хорошавин А.В.

Механизм реализации промышленной политики в регионе

Ключевые слова: Сахалинская область, регион, промышленная политика, целевые программы, стратегия развития.

Реализация промышленной политики в регионе требует системы специальных механизмов, которые включают региональные целевые программы, участие в федеральных мероприятиях по поддержке развития экономики, государственно-частное партнерство, финансовую поддержку предприятий и организаций местным бюджетом, правовое и институциональное обеспечение промышленной политики и др. В Сахалинской области формируются такие механизмы. Необходима их более четкая ориентация на достижение целей промышленной политики и стратегии развития.

Заусаев В.К., Третьяков Р.А., Шарко Е.Е., Омельчук В.А.

Проблемы развития машиностроения

Ключевые слова: машиностроение, конкурентоспособность, инновационное развитие, государственная поддержка, социологические оценки.

В статье рассмотрено развитие машиностроения в России и, в частности, Хабаровском крае. Раскрыты проблемы отрасли и обозначены концептуальные подходы к их решению в условиях Дальневосточного региона.

Жариков Е.П.

10 лет XXI века заканчиваются

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, инвестиции, машиностроение и металлообработка, рыбопромышленный комплекс, производительность труда.

Статья посвящена региональной реализации принятых правительством РФ решений об удвоении ВВП к 2010 г. и его роли (в том числе и региональных властей) в достижении целевых установок.

Показано, что экономика Приморского края не достигла ощутимых экономических результатов. Ее тлеющее развитие осуществляется за счет федерального бюджета с совершенно не структурированными перспективами и, к сожалению, по пути, устраивающему в основном только сопредельные с РФ страны.

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО КЛАССА ОБЩЕСТВА

Кузнецова Н.В.

Средний класс — гарант экономической стабильности?

Ключевые слова: средний класс, источники формирования среднего класса, уровень экономического развития, бедность, потребительская корзина, структурная модель среднего класса, доходы населения, сбережения.

В статье исследуется понятие среднего класса в национальной и мировой экономике. Сопоставляются социально-экономические источники формирования среднего класса по странам, оценивается степень расслоения общества в зависимости от уровня экономического развития по странам. Анализ социально-экономических условий формирования российского среднего класса, доказывает невозможность гарантированной общественной стабильности. Определяются направления институциональных изменений для формирования среднего класса в России.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Горбунов Н.М., Крыжановская Г.В.

Бюджетная обеспеченность субъектов Российской Федерации в системе межбюджетных отношений

Ключевые слова: консолидированные бюджеты субъектов РФ, доходы и расходы бюджетов, бюджетная обеспеченность, межбюджетные трансферты, бюджетные коэффициенты, устойчивость бюджетов.

В статье рассмотрены проблемы дифференциации уровней бюджетной обеспеченности субъектов РФ; проанализированы основные социально-экономические показатели, влияющие на бюджетную обеспеченность субъектов РФ; исследована зависимость бюджетов субфедерального уровня от межбюджетных трансфертов федерального бюджета; проведен анализ состояния консолидированных бюджетов субъектов РФ Дальневосточного федерального округа; предложены мероприятия, способствующие повышению бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Тодоров А.И.

Проблемы платы за пользование пляжно-прибрежными ресурсами

Ключевые слова: аренда, земельный кадастр, плата за пляж, солярий, суррогатные цены.

Переход России к рыночным отношениям обострил проблему свободного доступа отдыхающих к морю. Многочисленные попытки противоправного введения платы за пляж объясняются отсутствием средств поддержания чистоты пляжных зон.

В статье анализируется зарубежное и отечественное состояние проблемы свободного доступа к пляжам и с его учетом предлагается подход к ее решению. В ос-

нове подхода — аренда пляжных зон и суррогатные цены для определения их кадастровой стоимости.

Салтыков М.А.

К формированию кластера морского транспортного комплекса Приморского края

Ключевые слова: кластер, региональное развитие, инвестиции, грузооборот.

В статье рассматриваются перспективы кластерного развития морского транспортного комплекса Приморского края, определяются пути формирования транспортно-логистического кластера, предложена его модель.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АТР

Биниконский Л.Б.

Военно-техническое сотрудничество России со странами АТР

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, «Ростехнологии», «Рособоронэкспорт», госкорпорация, безопасность.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) — инструмент международного сотрудничества и развития внешнеэкономических связей, включающий в себя совокупность связей с иностранными государствами по вопросам поставки вооружений и военной техники; передаче технологий их изготовления, вовлечение в интернациональные военно-технические проекты и т.д. Автор, рассматривая проблемы ВТС России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, подчёркивает, что в первом десятилетии нового века их характер меняется, и Россия от простых поставок вооружений и техники переходит к сотрудничеству в области обороны и обеспечения безопасности государств.

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ

Ролик А.И.

Стратегия государственной антинаркотической политики России и противодействие наркопреступности в Дальневосточном федеральном округе

Ключевые слова: Россия, Дальневосточный федеральный округ, наркопреступность, противодействие, антинаркотическая политика.

В статье рассматриваются вопросы современной антинаркотической политики России; условия, структура и динамика наркопреступности в ДВФО России.

Особое внимание уделено анализу мер противодействия наркопреступности в ДВФО, путям противодействия ее распространения среди подрастающего поколения. Автор пытается определить современные пути кооперирования между Россией и странами АТР в целях предотвращения наркопреступности.

Цой Н.А.

Информационная политика государства и феномен Интернет-зависимости в России и Китае

Ключевые слова: информационная политика, интернет-регулирование, Интернет-зависимость, выработка стратегии, меры противодействия.

Согласно Концепции государственной информационной политики России ее долгосрочной стратегической целью является построение демократического информационного общества и вхождение России в мировое информационное сообщество. Существует ряд проблем, с которыми приходится иметь дело государствам в сфере разработки политики интернет-регулирования. Однако практически не выработана политика в области борьбы с начинающими распространяться различными формами интернет-зависимости. По нашему мнению, эта проблема является актуальной, нуждается в исследовании и выработке мер противодействия.

Кузнецова А.В.

Профсоюзы по праву Соединенного Королевства Великобритании, США и Республики Корея

Ключевые слова: профсоюзы, трудовое право, Соединенное Королевство, Республика Корея, США.

В статье рассматриваются определения профсоюзов Соединенного Королевства, США и Республики Корея. Изучаются их характерные черты, критерии соблюдения защитных функций профсоюзов этих стран. Значительное место отведено анализу регистрации профсоюзов и опыту достижения независимости профсоюзов от работодателей. Указывается необходимость совершенствования российских законов для обеспечения независимости профсоюзов.

РЕЦЕНЗИИ

Романова Л.И.

Рецензия на учебник «Уголовное право России»

Ключевые слова: уголовное право, преступление, состав преступления, уголовная ответственность, наказание.

В качестве положительных моментов в рецензии отмечается то, что большое внимание уделено рассмотрению теоретических положений основных институтов науки уголовного права, исследованию встречающихся трудностей применения закона в судебной практике, основанных на конкретных материалах уголовных дел. Отражены имеющиеся взгляды других ученых на рассматриваемые проблемы. Показана эволюция развития уголовно-правовой науки, исторические этапы совершенствования законодательства, которое претерпевало изменения на всем протяжении своего становления.

ANNOTATION TO NOTES (on English)

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law — № 2, 2010 (22)

THE ECONOMY OF RUSSIAN FAR EAST

Tersky M. V.

Development strategy of the Far East and the Baikal region till 2025

Keywords: the Far East, the Baikal region, regional policy, strategy of Government, the economic growth.

In the article features of a policy of the Central Government of Russia concerning Far East and Baikal regions are considered. Tendencies of decrease in comparative efficiency economic and social development of territories Far East and the Baikal region concerning Russia are revealed. Factors causing deepening of economic and social «backwardness» Far East and the Baikal region are opened.

Khoroshavin A.V.

The mechanisms of implementing industrial policies in the region

Keywords: Sakhalinskaya oblast, region, industrial policies, target programs, development strategy.

The implementation of industrial policies in the region requires a system of dedicated mechanisms that include regional target programs, participation in federal policies in support of the economic development, public-private partnership, finance support of enterprises and organizations rendered by the local budget, legal and institutional support of industrial policies, etc. Such mechanisms are being formed now in the Sakhalinskaya oblast. Still their more definite orientation to attaining the goals of industrial policies and the Strategy of development are necessary.

Zausaev V.K., Tretyakov R.A., Sharko E.E., Omelchik V.A.

The problems of the development of the mechanical engineering: all-russian and regional dimensions

Keywords: mechanical engineering, competitiveness, innovation development, state support, sociological research.

The development of the mechanical engineering in Russia and in the Khabarovsk krai is considered in this article. The problems of this branch are analyzed and theoretical approaches to solve them under the conditions of the Far Eastern region are marked.

Zharikov E.P.

10 years of XXI centenary are coming to the end

Keywords: gross domestic product, investments, machine engineering and metal-working, fish industry complex, labour production.

The article is devoted to regional implementation of RF government accepted decisions about doubling of GDP by 2010 and its meaning (including regional authorities) in achieving objectives.

The article shows the economy of Primorskiy Region hasn't achieved real economic results. Its smouldering development is made at expense of federal budget with absolutely non-structural perspectives and unfortunately on the way which in general suits only adjoining countries of RF.

PROBLEMS OF MIDDLE CLASS IN THE SOCIETY

Kuznetsova N.V.

Is the middle class guarantee for the economic stability?

Keywords: middle class, sources of middle class development, the level of economic development, poverty, consumer basket, structural model of middle class, household income, savings

The article analyses the definition of middle class in the national and international economics.

The social-economic sources of the middle class in different countries compared. The level of stratification of society depending on the society economic development measured. Analysis of social-economic conditions of the middle class development proves inability of the guaranteed stability. The paper also define the trends for institutional changes for the development of the middle class in Russia.

REGIONAL BUSINESS ANALYSIS

Gorbunov N.M., Kryzhanovskaya G.V.

Budgetary means of subjects of Russian Federation in the system of inter-budgetary relations

Keywords: consolidated budgets of Subjects of Russian Federation, income and cost of budgets, budgetary means, inter-budgetary transfers, budgetary coefficients, stability of budgets.

This article is devoted to consideration of differentiation problems of budgetary means levels in Russian Federation; to analysis of principal social-economical indexes, influencing on budgetary means of Subjects of Russian Federation; to research of dependence of sub-federal budgets from inter-budgetary transfers of federal budget; to analysis of consolidated budgets condition of Subjects of Russian Federation in Far Eastern Federal District; it was suggested some measures, providing the increase of budgetary means of Subjects of Russian Federation.

Todorov A.I.

Payment problem for seaside resources use

Keywords: lease, land cadastre, pay of beach, solarium, surrogate prices.

Movement of Russia to market relations intensifies the problem of free access to the sea. Numerous attempts of illegal beach payment are explained by absence of means of cleanness beach zones support.

The article analyses foreign and domestic views of the problem of free access to beaches and the way of its solving is offered. The base of its way is beach zones rent and surrogate prices for defining their cadastre cost.

Saltykov M. A.

The clustering of the sea transport complex of Primorsky territory

Keywords: cluster, regional development, investment, freight turnover.

The paper discusses the prospects for cluster development of marine transport sector Primorye Territory. The model of maritime transport-and-logistic cluster was suggested.

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF COUNTRIES OF APR

Binikonskiy L.B.

Russian Military-technical cooperation with the countries of ATR

Keywords: military-technical cooperation, growth of technology, armaments, State Corporation, a safety

Military-technical cooperation (M.T.C.) is an instrument of the international cooperation and development of outwardly-economic connections with the foreign countries on questions of supplying with armaments and military technique, transmissions of technologies of their making, engaging in international military-technical projects et cetera.

Author, examining Russian problems of M.T.C. with the countries of ATR, emphasizes that in the first decade of a new century the character of that cooperation changed, so Russian from the simple deliveries of arms and techniques passes to cooperation in the field of defense and a safety of the states

SOCIETY, LAW, GOVERNMENT

Rolik A.I.

The national anti-narcotic policy strategy in Russia and counteraction against drug-related criminality in the Far Eastern Federal District of RF

Keywords: Russia, the Far Eastern Federal District, drug-related criminality, counteraction, anti-narcotic policy.

The article considers the problems of current anti-narcotic policy of Russia and the conditions, the structure and the dynamics of drug-related criminality in the

Far Eastern Federal District of Russia.

A special attention is paid to the analysis of measures against drug-related criminality in the Far East of Russia, of ways and means of counteraction against this kind of anti-social activities. The author of the article also tries to define modern ways of cooperation between law-enforcement bodies of Russia and the ones of the Pacific Region countries in the field of prevention of drug-related criminality.

Tcoy N.A.

An Information policy of a state and the phenomenon of the Internet dependency in Russia and China

Keywords: information policy, internet regulation, Internet dependency, strategy making, countermeasures.

According to the conception of the information policy of Russian Federation, it's a long-term strategical aim is a construction of the democratic information society and entering of Russia into the world informational community. There are many problems with which states have to deal in the sphere of the internet control policy development. However there is practically no developed policy within a sphere of a struggle against first-time widespread various forms of the Internet dependency. In our opinion this problem is an actual and requires in investigation, working out some countermeasures.

Kuznetsova A.V.

Labor union of United Kindom, USA and Republic of Korea

Keywords: labor union, trade unions, employment and labor law, United Kindom, Republic of Korea, USA.

The paper provides the reveiw of the current legal definitions and statuses of labor (trade) unions in UK, USA, South Korea and Russia. The comparative legal study gives the opportunity to develop more effective national legislation that will to utilize the main function for labor union better. Paper indicates the need for implementations of the new regulations and amendments in Russian laws that will help to develop productive workers' protection by the labor unions.

CRITICAL REVIEWS

Romanova L.I.

The review is dedicated to survey of the textbook «Criminal law in Russia»

Keywords: criminal law, crime, corpus delicti, cognizance, penalty.

As a positive moment of the textbook is that a lot of attention spared to consideration of theoretical positions of the main institutes of a criminal law, examination of some troubles in law application based on specific stuff of criminal cases. There are many different points of view in consideration of the problem. The development of criminal-legal science and historical stages of the legislation, which were changed during the formation, are demonstrated.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Антонов Владимир Николаевич — кандидат юридических наук, директор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Бакланов Петр Яковлевич — академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Бровко Петр Федорович — доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географии стран АТР Института окружающей среды ДВГУ, г. Владивосток.

Жариков Евгений Прокофьевич — доктор экономических наук, профессор Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Заусаев Вадим Константинович — доктор экономических наук, профессор, директор Института рынка, г. Хабаровск.

Коробеев Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Кузнецова Наталья Викторовна — доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института менеджмента и бизнеса ДВГУ, г. Владивосток.

Курилов Владимир Иванович — заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор, ректор Дальневосточного государственного университета, г. Владивосток.

Номоконов Виталий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, зам. директора по научной работе Юридического института ДВГУ, г. Владивосток.

Печерица Владимир Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Савалей Виктор Васильевич — доктор экономических наук, профессор, начальник отдела региональной экономики ГУ Центрального Банка России по Приморскому краю, заместитель директора по науке Международного института финансов, кредита и банковского дела ДВГАЭУ, г. Владивосток.

Сазонов Виктор Григорьевич — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международного бизнеса и администрирования Владивостокского института международных отношений стран АТР ДВГУ, г. Владивосток.

Скалапино Роберт — заслуженный профессор, основатель Института исследования Восточной Азии университета Калифорния в Беркли (США).

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный и общественно-политический журнал
№ 2 (22) 2010**

Редактор *В. Г. Дроздов*
Технический редактор *А. А. Лядичева*
Компьютерная вёрстка *В. А. Рассказовой*

Подписано в печать 16.09.2010.
Формат 70х100¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,29. Уч.-изд. л. 11,00.
Тираж 200 экз. Заказ 125.

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56.